

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

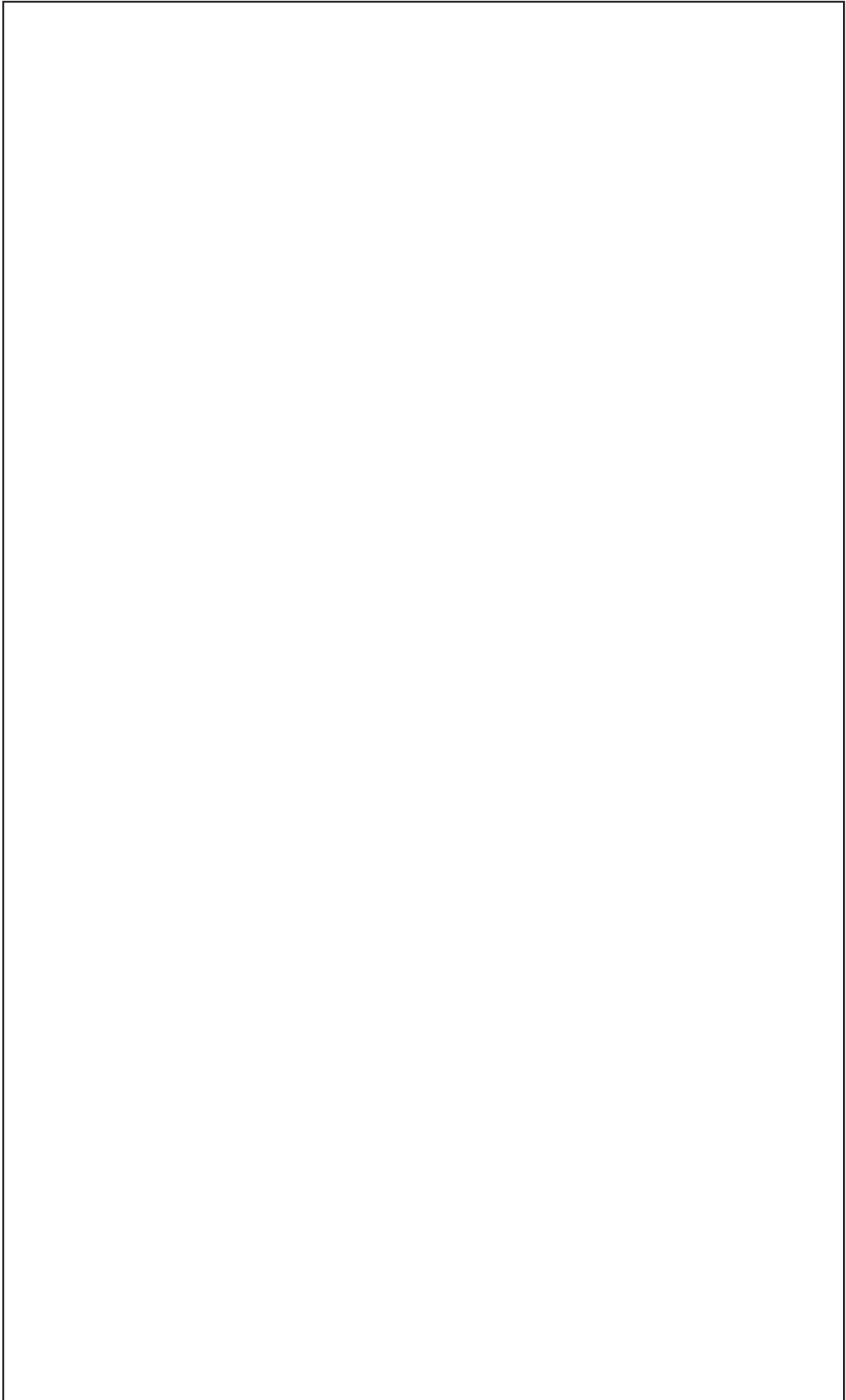

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Журнал Санкт-Петербургского
международного криминологического клуба**

№ 2 (21), 2011

Санкт-Петербург
2011

Учредитель

НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб»

Издатель

Редакция журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра»

Главный редактор

Дмитрий Анатольевич Шестаков

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

Андрей Петрович Данилов

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Заместители главного редактора

Салман Умарович Дикаев

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Василий Иванович Поклад

кандидат философских наук, доцент (Луганск, Украина)

Валентина Юрьевна Сморгунова

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Бермета Галиевна Тугельбаева

кандидат технических наук, доктор юридических наук, старший научный сотрудник (Бишкек, Кыргызстан)

Редакционная коллегия

Ван Ян

доктор права, профессор (Пекин, Китай)

Яков Ильич Гилинский

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Эдвард Гондолф

доктор психологии, профессор (Индиана, США)

Татьяна Владимировна Константинова

соискатель учёной степени к.ю.н. (Санкт-Петербург, Россия)

Хельмут Кури

доктор психологии, профессор (Фрайбург, Германия)

Сергей Фёдорович Милюков

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Александровна Носкова

соискатель учёной степени к.ю.н. (Санкт-Петербург, Россия)

Джаванир Исламович Сулейманов

доктор юридических наук, профессор (Баку, Азербайджан)

Лейла Чинтургановна Сыдыкова

доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Кыргызстан)

Вальтер Хэслер

доктор психологии (Бругг, Швейцария)

Александр Владимирович Чураков

соискатель учёной степени к.ю.н. (Санкт-Петербург, Россия)

Корректор

Валентина Николаевна Кононова (Санкт-Петербург, Россия)

ББК 67
УДК 343
К 82

Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. — 2011. — № 2 (21). — СПб., 2011. — 98 с.

ISBN 978-5-985-29128-5

Издание выходит под научной редакцией заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Д. А. Шестакова с марта 2001 года. Первоначальное название — «Криминология в развитии. Вестник Санкт-Петербургского криминологического клуба. Научно-теоретический журнал». Освещает общую криминологическую теорию, частные криминологические проблемы, криминологические отрасли, а также деятельность Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Поддерживает теоретические положения невшско-волжской научной школы криминологии.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
юридический факультет.

Телефон: (+7 812) 312 42 07, доб. 224

Факс: (+7 812) 312 99 10

E-mail: criminology_club@mail.ru

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован в качестве СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-40137 от 04.06.2010 г.

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте издания:
<http://criminologyclub.ru>

Тираж 1050.

ISBN 978-5-985-29129-2

© Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, 2011

© Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2011

RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY
OF A. I. HERZEN

SAINT-PETERSBURG
INTERNATIONAL
CRIMINOLOGY CLUB

**CRIMINOLOGY:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**

The journal of St. Petersburg
International Criminology Club
№ 2 (21), 2011

St. Petersburg
2011

The founder

Non-commercial partnership «The Saint-Petersburg International Criminology Club»

The editor

The editorial staff «Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow»

Editor-in-chief

Dmitry Anatolyevich Shestakov

doctor of laws, professor, the Honoured science worker of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Executive editor

Andrey Petrovich Danilov

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Deputies

Salman Umarovich Dikaev

doctor of laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Vasily Ivanovich Poklad

PhD, associate professor (Lugansk, Ukraine)

Valentina Yuryevna Smorgunova

Doctor of philosophy, professor, Honoured science worker of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Bermeta Galieva Tugelbaeva

PhD in technical sciences, doctor of laws, senior researcher (Bishkek, Kyrgyzstan)

Editorial board

Alexander Vladimirovich Churakov

Doctoral candidate in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Yakov Ilyich Gilinsky

Doctor of laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Edward Gondolf

Doctor of psychology, professor (Indiana, the USA)

Walter Haesler

Doctor of psychology (Brugg, Switzerland)

Tatiana Vladimirovna Konstantinova

Doctoral candidate in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Helmut Kury

Doctor of psychology, professor (Freiburg, Germany)

Sergey Fyodorovich Milyukov

Doctor of laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Irina Alexandrovna Noskova

Doctoral candidate in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Leila Chinturganovna Sadykova

Doctor of laws, professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Dzhavanshir Islamovich Suleimanov

Doctor of laws, professor (Baku, Azerbaijan)

Van Yan

Doctor of laws, professor (Beijing, China)

Proof-reader

Valentina Nikolaevna Kononova (Saint-Petersburg, Russia)

ББК 67
УДК 343
К 82

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow: The journal of St. Petersburg International Criminology Club. – 2011. – № 2 (21). – St. Petersburg, 2011. – 98 p.

ISBN 978-5-985-29128-5

The publication, edited by Distinguished Scholar of the Russian Federation, Professor D. A. Shestakov, J.D., LL.D., has been published since March 2001. The initial name was «Criminology in Development: Bulletin of St. Petersburg Criminology Club. Theoretical Journal». The publication covers the general criminological theory, peculiar criminological issues, criminological branches and activities of St. Petersburg International Club of Criminology, and supports the theoretical approach of Neva-Volga Research School of Criminology.

Address of editor's office:

St. Petersburg International Criminology Club
Nab. Moyki 48 Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen, Law Faculty
191186 St. Petersburg Russia

Phone: (+7 812) 312 42 07, additional 224

Fax: (+7 812) 312 99 10

E-mail: criminology_club@mail.ru

The journal is presented in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is registered as mass media in the Federal Control Service in the sphere of communication and information technologies. The registration certificate is ПИ № ФС 77-40137 as of 04.06.2010.

The journal has a full electronic version on the site of the journal
<http://criminologyclub.ru>

The circulation: 1050

ISBN 978-5-985-29129-2

© St. Petersburg International Criminology Club, 2011

© Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

- С.Ф. Милуков* (Санкт-Петербург, Россия). Денационализация борьбы с преступностью в России (на примере капитуляции перед хулиганством)..... 12
- Э.Э. Раска* (Таллинн, Эстония). Стратегия и тактика криминальной превенции. В порядке дискуссии 23
- В.Б. Клишков, В.В. Пасынков* (Санкт-Петербург, Россия). Международный опыт противодействия преступности в условиях глобализации. 32

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Материалы семинара клуба от 15 октября 2010 года «Ювенология как междисциплинарное научное знание»

- О.В. Лукичёв* (Санкт-Петербург, Россия). Феномен ювенологии как комплексного междисциплинарного знания о подрастающем поколении 36
- А.В. Комарницкий* (Санкт-Петербург, Россия). Научная мысль о ювенальной юстиции в России: концепция, принципы, содержание. 41
- Н.П. Мелешко* (Ростов-на-Дону, Россия). К вопросу о развитии «ювенальной юстиции» и «ювенологии» как междисциплинарного научного знания 49
- Л.В. Готчина* (Санкт-Петербург, Россия). О некоторых аспектах законодательного закрепления категорий виктимологической профилактики молодёжной наркопреступности 51

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- В.И. Омигов* (Пермь, Россия). Профессиональная преступность: её современное содержание..... 54

3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

- Д.А. Шестаков* (Санкт-Петербург, Россия). Фикция порождения преступлений законом. Криминологическое определение преступления 59

ВОЕННАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

- В.М. Шеншин* (Санкт-Петербург, Россия). Преступность младших офицеров ВС РФ: понятие, причины..... 66

4. ОСОБО ЗНАЧИМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

- А.П. Данилов* (Санкт-Петербург, Россия). Кущёвка. Миф и реальность..... 71

5. КРИМИНОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Я.И. Гилинский (Санкт-Петербург, Россия). Некоторые источники ксенофобии, национализма и терроризма в современной России 79

6. ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

С. У. Дикаев (Санкт-Петербург, Россия). Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: уголовно-правовой и правоприменительный аспекты. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России. 2010. 82

7. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

Хансу-Йоргу Альбрехту – 60 лет! 89
Ульриху Зиберу – 60 лет! 90
Василию Ивановичу Покладу – 55 лет! 92

8. НЕКРОЛОГ

Каиржанов Елеген Изтлеуович 93

К нашим авторам 94
Криминологические издания 97

CONTENTS

1. GENERAL CRIMINOLOGICAL THEORY

COUNTERACTION TO CRIME

- S.F. Milyukov* (St. Petersburg, Russia). Denationalisation of Combating Crime in Russia (on the example of capitulation to hooliganism) 12
- E.E. Raska* (Tallinn, Estonia). Strategy and Tactics of Crime Prevention (by way of discussion)..... 23
- V.B. Klishkov* (St. Petersburg, Russia), *V.V. Pasyukov* (St. Petersburg, Russia). International Experience of Counteraction to Crime in Terms of Globalization..... 32

2. PARTICULAR CRIMINOLOGICAL ISSUES

CRIME BY JUVENILES AND CRIMES AGAINST JUVENILES

The Seminar Proceedings of St-Petersburg International Criminology Club of October 15, 2010 «Juvenology as Interdisciplinary Scientific Knowledge»

- O.V. Lukichev* (St. Petersburg, Russia). Phenomenon of Juvenology as a Complex Interdisciplinary Scientific Knowledge of the Younger Generation..... 36
- A.V. Komarnitskiy* (St. Petersburg, Russia). Scientific Thinking on Juveniles in Russia: concepts, principles, content 41
- N.P. Meleshko* (Rostov-on-Don, Russia). The development of «Juvenile Justice» and «Juvenology» as Interdisciplinary Scientific Knowledge 49
- L.V. Gotchina* (St. Petersburg, Russia). Some Aspects of Legislative Consolidation of Categories of Victimological Prevention of Youth Drug Crime 51

PROFESSIONAL CRIME

- V.I. Omigov* (Perm, Russia). Professional Crime: its Modern Content..... 54

3. CRIMINOLOGICAL AREAS

CRIMINOLOGY OF LAW

- D.A. Shestakov* (St. Petersburg, Russia). Fiction of the «Law Causing Crime» Concept. Criminological Definition of Crime..... 59
- Military Criminology**
- V.M. Shenshin* (St. Petersburg, Russia). Crime among Junior Military Officers in the Russian Armed Forces: definition, causes..... 66

4. PARTICULARLY SIGNIFICANT CRIMES

- A.P. Danilov* (St. Petersburg, Russia). Kushchevka. Myth and Reality 71

5. CRIMINOLOGY OF NATIONAL RELATIONS

<i>Y.I. Gilinsky</i> (St. Petersburg, Russia). Some Sources of Xenophobia, Nationalism and Terrorism in Modern Russia	79
---	----

6. REVIEWS

<i>S.U. Dikaev</i> (St.Petersburg, Russia). The Review by the Official Opponent Regarding the Thesis for the PhD in Laws: I.V.S hevchenko «Criminal Liability for Terrorist Activity : legal and enforcement aspects. Saratov: Saratov Juridical Institute of the Russian Interior Ministry. 2010	82
---	----

7. JUBILEE GREETINGS

Hans-Jörg Albrecht – the 60 th anniversary!	89
Ulrich Sieber – the 60 th anniversary!	90
Vasilij Ivanovich Poklad – the 55 th anniversary!	92

8. NECROLOGY

Elegen Iztleuovich Kairzhanov	93
To our authors	94
Criminological editions	97

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.9
ББК 67.51

*С.Ф. Милоков**

ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ КАПИТУЛЯЦИИ ПЕРЕД ХУЛИГАНСТВОМ)

Аннотация: Тенденции осуждения за хулиганство свидетельствуют о том, что в ближайшей перспективе мы придём к почти полному отказу от уголовного преследования хулиганства.

Ключевые слова: хулиганство; противодействие преступности; футбольные болельщики; социальное неравенство.

S.F. Milyukov

DENATIONALISATION OF COMBATING CRIME IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF CAPITULATION TO HOOLIGANISM)

Summary: The trends in convicting for hooliganism indicate that we will come to an almost complete rejection of prosecution for hooliganism in the near future.

Key words: counteraction to crime; football fans; social inequality.

Принято считать, что само слово «хулиган» появилось в Англии, где употребляется в полицейских отчётах с 1898 года.

В этой стране, как и в ряде других западноевропейских государств, хулиганство ныне воспринимается прежде всего как агрессивное поведение футбольных болельщиков, так называемых «фанатов».

Вот что говорит по этому поводу лидер одного из хулиганских околофутбольных формирований Пол Дебрик по красноречивой кличке «Кирпич»: «Когда люди пишут книги о футбольном насилии, они рассказывают в них о «своём ненагляд-

ном «Эверторе», «своём блестящем Челси» и «своём чудесном «Мидлсбро» и т. д. Лично мне глубоко наплевать на футбольный клуб «Мидлсбро». Так было и так будет всегда. Дело в том, что я использовал «Мидлсбро» как оправдание насилия, которое применялось к любому нашему сопернику. Почему? Потому что я люблю драку, а футбол является прекрасной для нее причиной. Могу честно признаться, что, проведя двадцать лет в разъездах с хулиганской фирмой «Боро», я никогда не мог назвать игроков своего клуба. У меня ушло два года на то, чтобы понять правило офсайда. Но кому оно интересно?»¹

Сам Дебрик, как и подавляющее большинство футбольных фанатов, ро-

* **Сергей Фёдорович Милоков** — доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена, соучредитель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: dikoe polesf@gmail.com

© С.Ф. Милоков, 2011

¹ *Дебрик П. Кирпич. История хулигана / Пол Дебрик. (Пер. с англ. Е. Верзигаевой). — СПб.: Амфора. ТИД «Амфора», 2010. — (Серия «Библиотека футбольного хулигана»). — С. 11.*

дом из одного из депрессивных районов Великобритании, вырос в семье алкоголика, рано стал употреблять спиртное и наркотики.

В написанной им (или под его именем) книге криминолог без труда обнаружит тот непреложный факт, что власти сами исподволь культивируют хулиганскую субкультуру футбольных «болельщиков», снисходительно смотрят на их бесчинства (они, как правило, отделяются символическими наказаниями). Подобная толерантность имеет глубокий практический смысл — социальное недовольство наиболее мобильной части общества — подростков и молодёжи — умело канализируется подальше от политической борьбы против богатых. Впрочем, иногда такое заигрывание приносит печальные для правящего режима результаты. Хулиганы способны вырваться из-под контроля и поколебать государственные устои. Это характерно и для современной России, о чём уместно сказать ниже.

Если глубже заглянуть в отечественную историю, то обнаружится, что Россия воистину «родина» хулиганства. Вряд ли случайно то обстоятельство, что в законодательном поле хулиганство, как состав преступления, впервые в мире появилось в УК РСФСР 1922 года, статья 176 которого определяла таковое как «озорные, бесцельные, сопряжённые с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия».²

Совершенно очевидно, что подобное «озорство» впервые появилось в России отнюдь не в эпоху революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны. Большими «озорниками» были восставшие казаки, крестьяне, холопы и стрельцы под предводительством И. Болотникова, К. Булавина, С. Разина, Е. Пугачёва, а позднее — участники Антоновского восстания³

² Цит. по: Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917—1937 гг.). Учеб. пос. для юрид. ин-тов. — М.: Юрид. из-во НКЮ СССР. — 1938. — С. 120.

³ Криминологическая оценка генезиса данного восстания и подавления его большевистской властью дана в публикации: Милюков С.Ф. Насилие как средство осуществления уголовной политики // Российский криминологический взгляд. — 2007. — № 4. — С. 109—114.

или бойцы анархической армии Н. Махно.

Известный в советском прошлом диссидент В. Чалидзе в своём исследовании отечественной криминальной субкультуры вряд ли случайно приводит следующее высказывание А.С. Пушкина об отношении казаков к семье: «Сохранилось поэтическое предание: казаки, страстные к холостой жизни, положили между собой убивать приживаемых детей, а жён бросать при выступлении в новый поход».⁴

Впрочем, хулиган (в самом широком и полном понимании смысла этого термина) равнодушен и одновременно агрессивен не только к достоинству, здоровью, собственности, да и самой жизни окружающих людей и сотрудников органов правопорядка, но и к собственной телесной и духовно-нравственной сфере.

Тот же В. Чалидзе цитирует по этому поводу знатока блатного мира Э. Кузнецова: «Я десятки раз был свидетелем самых фантастических самоистязаний. Килограммами глотают гвозди; заглатывают ртутные градусники, оловянные миски (предварительно раздробив их на «съедобные» куски), шахматы, домино, иголки, толчёное стекло, ложки, ножи и ... что угодно; заталкивают в уретру якорь; зашивают нитками или проволокой рот и глаза; пришивают к телу ряды пуговиц; прибывают к нарам мошонку и, проглотив сделанный из гвоздя крючок, прикрепленную бечёвку привязывают к двери, чтоб её нельзя было открыть, не вывернув «рыбу» наизнанку; надрезают кожу на руках и ногах и снимают её чулком; вырезают куски мяса (на животе или ноге), жарят их и поедают; напускают кровь из вскрытой вены, крошат туда хлеб и съедают эту тюрю; обложившись бумагой, поджигают себя; отрезают пальцы рук, нос, уши, penis... всего не перечесать».⁵

Впрочем, к хулиганству традиционно склонны были не только деградировавшие

⁴ Чалидзе В. Уголовная Россия. — М.: Терра, — 1990. — С. 80.

⁵ Кузнецов Э. Дневники. Les Editeurs Reunis. — Paris, 1973 (цит. по: Чалидзе В. Указ. соч. С. 101—102).

представители деклассированных низов, но и многие члены правящей элиты.

Исключительно дерзкими хулиганами выглядели опричники Ивана IV Грозного. Внешне бессмысленными по своей мотивации (т. е. хулиганскими) предстают перед неискушёнными в политике людьми и многие кровавые деяния самого царя. На самом же деле они были глубинно мотивированы его стремлением к фундаментальному переустройству общественно-политического организма Руси и занятию в нём абсолютно высшей позиции.

Так, ещё в возрасте 13 лет Иван IV приказал псарям (!) убить на территории Кремля фактического главу Боярской думы князя А.М. Шуйского.⁶

Не чужд был хулиганству и Пётр Великий. Вот как наглядно-чувственно описывает его походжения А. Толстой: «Дивились, откуда у него, у дьявола, берётся сила. Другой бы, и зреее его годами и силой, давно бы ноги протянул. В неделю уже два раза непременно привозили его пьяного из Немецкой слободы. Проспит часа четыре, очухается и только и глядит — какую бы ему ещё выдумать новую забаву.

На святках придумал ездить с князь-папой, обоими королями и генералами и ближними боярами (этих взял, опять-таки, строгим указом) по знатным дворам. Все ряженные, в машкерах. Святошным главой назначен был московский дворянин, исполненный всяких пакостей, сутяга, злой ругатель, — Василий Соковкин. Дали ему звание «пророка», — рядился капуцином, с прорехой на задку. На тех святках происходило окончательное посрамление и поругание знатных домов, особливо княжеских и старых бояр. Вламывались со свистом и бешеными криками человек с сотню, в руках — домры, дудки, литавры. У богобоязненного хозяина волосы вставали дыбом, когда глядел на скачки, на прыжки, на ослабленные эти хари. Царя узнавали по росту, по платью голландского шкипера, — суконные штаны пузырями до колен, шерстяные чулки, деревянные туфли, круглая, вроде турецкой, шапка. Лицо

либо цветным платком обвязано, либо прикреплен длинный нос.

Музыка, топот, хохот. Вся кумпания, не разбирая места, кидалась к столам, требовала капусты, печёных яиц, колбас, водки с перцем, девок-плясиц... Дом ходил ходуном, в табачном дыму, в чаду пили до изумления, а хозяин пил вдвое, — если не мог — вливали силой...

Что не родовитее хозяин, — страннее придумывали над ним шутки. Князя Белосельского за строптивость раздели нагишом и голым его гузном били куриные яйца в лохани. Боборыкина, в смех над тучностью его, протаскивали сквозь стулья, где невозможно и худому пролезть. Князю Волконскому свечу забили в проход и, зажгя, пели вокруг его ирмосы, покуда все не повалились со смеха. Мазали сажей и смолой, ставили кверху ногами. Дворянина Ивана Акакиевича Мясного надували мехом в задний проход, отчего он вскоре и помер...

Святочная потеха происходила такая трудная, что многие к тем дням приутоплялись как бы к смерти...»⁷

Явно не случайно фигуры Иоанна Грозного и Петра Великого оказываются в одном историческом ряду.

Чрезвычайно слабо изучена роль хулиганов в свержении царского самодержавия и последующих событиях между Февралём и Октябрём 1917 года. Достаточно сказать, что большинству криминологов доподлинно не известно содержание многолетнего исследования А.И. Солженицына «Красное колесо».

События Февральской революции писатель исследовал исключительно дотошно, даже не по дням, а по часам. В полотно своего повествования он вставлял микросценарии возможных кинозарисовок происходившего.

Вот фрагмент одного из таких сценариев (23 февраля по старому стилю): «Возбуждённый гул... валят рабочие размашистой гурьбой по бурому рабочему проспекту... Валит толпа... в сотен несколько, сама не зная, ничего не решено, мимо

⁶ См. подробнее: Назаров В.Д. Иван IV Васильевич Грозный // БСЭ. Т. 10. — М.: Научн. изд-во «Больш. Росс. энци.», 2008. — С. 619—625.

⁷ Толстой А. Пётр Первый. Роман в трёх книгах. — М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1947. — С. 161.

одноэтажного заводского цеха. Оттуда посматривают, через стекла, через форточки. Им тогда: — Эй, снарядный! Бросай работу. Присоединяйся. Хлеба!! Остановились вдоль, уговаривают: — Бросай, снарядный! Пока хвосты — какая работа?.. Чего-то снарядный не хочет, даже от окон отходит. — Ах вы, суки несознательные! Да у вас своя лавка, что ль?.. Да ты ему по стеклам! По стеклам! Звон. Разбили. На ступеньки вышел плотный старый мастер, без шапки: — Что фулиганете? У каждого своя голова... А в него ледяным куском: Своя голова? Схватился мастер за голову. Гогот».⁸

Ещё одна цитата из Солженицына: «...Быстрее забастовок в этот день распространялась по столице новая шутка: отнимать трамвайные ручки. Всем понравилось, огненно весело распространилось по городу, полутора десяткам вагонов закупили все линии, а сотня трамваев сама уехала в парки. (Вечером в Лесном рабочие опрокинули один цепной вагон, но как озорство, — и стояли рядом, не мешая полиции поднимать его.) Другая мода пошла — бить стекла в лавках и разорять, а то и грабить».⁹

Писатель многократно отмечает большую роль в происходивших в Петрограде событиях детей, подростков, молодёжи: «Кому время пришло — это подросткам. Озорство — и дозволено, надо же! Что к чему — это взрослым знать, а не нам! — с палками по Лиговке бегут и в мелочных лавках стёкла — бей! бей! бей! В шести разбили — дальше побежали. И не поймать».¹⁰

К анархистствующим массам присоединялись освобождённые заключённые. Это ещё не так называемые «птенцы» Керенского, а только первая, но внушительная по численности партия острожников. Солженицын констатирует: «За этот день (27 февраля по ст. ст. — С.М.) разгромили семь тюрем. Кроме Дома предварительного за-

ключения (откуда освободили финансиста Рубинштейна, за ним сразу пришёл автомобиль), Крестов... и Литовского замка — ещё женскую тюрьму на Арсенальной набережной. Военную тюрьму на Нижегородской улице, Пересыльную тюрьму и Арестный дом близ Александрово-Невской лавры. На улицах арестанты и каторжники, в халатах, в тюремном, прогуливались весело, целовались друг с другом и с солдатами. Всех до одного освобождали, не расспрашивая. Вместе с политическими вышли на свободу (много больше их) и все уголовные. И в тех же часах начались по городу грабежи, поджоги и убийства».¹¹

Большевики использовали, конечно, плоды стихийного восстания рабочего населения Петрограда, поддержанного основной частью интеллигенции, студенчества, солдатскими и матросскими массами (среди последних особенно были популярны идеи анархизма). Вместе с тем, они весьма настороженно относились к разгулу уличной вольницы, а придя к власти, постарались побыстрее накинуть на неё железную «уздку».

Показательно в этой связи, что в написанном В.И. Лениным и принятом СНК РСФСР 21 февраля 1918 г. декрете-воззвании «Социалистическое отечество в опасности!» в числе прочего провозглашалось: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления».¹²

И в последующие десятилетия Советская власть вела настойчивую борьбу с

⁸ Солженицын А.И. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах. — Узел III: Март семнадцатого. Т. 5. — М.: Воениздат, 1994. — С. 16.

⁹ Там же. — С. 58—59.

¹⁰ Там же. — С. 72—73.

¹¹ Там же. С. 480-481. Следует обратить внимание на этот своеобразный апофеоз толерантности и примирения с преступниками (медиации). Плоды его общеизвестны. Но послужат ли они предостережением либеральным политикам, правоведам и криминологам, по существу призывающим к его повторению в современной России (см., в частности: Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / под общ. ред. Я.И. Гилинского. 2-е изд. — СПб.: Алетейя, 2011; Он же. Простые слова для сложных вопросов / под общ. ред. Я.И. Гилинского. — СПб.: Алетейя, 2011).

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. — С. 357.

хулиганством, используя всю силу судебной и внесудебной репрессии. Автору настоящей статьи, как современнику, хорошо помнится Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство». В средствах массовой информации того времени широко пропагандировался лозунг о том, что под ногами хулиганов должна «гореть земля». А норму, содержащуюся в ч. 2 ст. 418 УПК РСФСР (введена в него Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 августа 1966 г.) автор неоднократно применял на практике. Она гласила: «В отношении лиц, задержанных за хулиганские действия, в качестве меры пресечения до рассмотрения дела в суде, как правило, избирается содержание под стражей».

Однако с падением силы Советской власти суровость уголовной репрессии в отношении хулиганов стала перманентно ослабевать. Это наглядно подтверждают рассекреченные в эпоху наступившей гласности данные уголовной статистики: если в 1983 г. общее количество зарегистрированных фактов хулиганства в Советском Союзе составило 208 904 (при коэффициенте «хулиганской» преступности на 100 тыс. населения 76,8), то уже в 1988 г. оно упало до 115 979 (коэффициент — 40,8). Правда, в 1989 г. регистрация хулиганства подскочила сразу на 22,4%, а коэффициент возрос до 49,5. В 1990 г. количество выявленных хулиганов составило 152 419 случаев.¹³ Это была одна из последних попыток союзной власти взять ситуацию под контроль. Теперь мы знаем, что эта попытка закончилась полным крахом, правда не столь кроваво-острым, как в феврале-октябре 1917 года.

После отпадения от России четырнадцати бывших союзных республик власти удалось стабилизировать правопорядок на оставшейся в её распоряжении территории. Это видно и по статистическим данным: если в 1991 г. было зарегистрировано всего 106 583 преступления рассматрива-

емого рода, то в 1993 г. их число выросло до 158 413 (прирост по сравнению с 1992 г. на 31,0%, а по отношению к 1990 г. — на 47,5%). Ещё более возросла регистрация хулиганств в 1994 г. — до 190 550 (прирост по сравнению с предыдущим годом на 20,3%, а по сравнению с 1990 г. — на 77,4 %).

Однако спустя непродолжительное время уголовно-политическая оценка хулиганства диаметрально изменилась. Как это обычно бывает в России, этому сразу было найдено теоретическое оправдание. Статью 206 УК РСФСР стали подвергать резкой критике за «расплывчатость» содержащихся в ней терминов, утверждалось, что она содержит «каучуковые» нормы, позволявшие произвольно привлекать граждан к строгой уголовной ответственности. В проекте нового УК России, внесённом в Государственную Думу РФ, состав хулиганства был заменён на более модный в «цивилизованных» странах состав вандализма.

Полному изъятию нормы, карающей хулиганство, из Уголовного кодекса воспротивились депутаты. Однако модернизированный его состав был безжалостно «осколён» по сравнению с апробированной десятилетиями на практике ст. 206 УК РСФСР. К тому же между ним и всё-таки введённым в уголовно-правовое поле составом вандализма образовалась вопиющая коллизия,¹⁴ которая была устранена лишь спустя семь лет.

Охарактеризованные процессы не могли не сказаться на регистрации хулиганства, что наглядно подтверждается нижеследующими статистическими сведениями.

Из таблицы отчётливо видно, что власть (хотя и не без некоторых колебаний, о чём свидетельствуют всплески регистраций в отдельные годы) взяла курс на уход из сферы противодействия преступности под флагом либерализации уголовной политики в целом и ее уголовно-правового ядра в частности ради обеспечения пресловутых «прав человека». Помимо экономии

¹³ См.: Преступность и правонарушения в СССР. Статистический сборник. — М.: Юрид. лит., 1990. — С. 50; Преступность и правонарушения в СССР. Статистический сборник. — М.: Финансы и статистика, 1991. — С. 53.

¹⁴ Наше видение существа этой коллизии см. в монографии: Милоков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. — СПб., 2000. — С. 253–254.

Таблица № 1

Динамика регистрации преступлений и хулиганства в России за 1996–2010 годы

Годы	Всего преступлений	Хулиганство	Темпы прироста хулиганства (%)
1996	2 625 081	181 284	– 5,1
1997	2 397 311	129 505	– 28,6
1998	2 581 940	131 082	+ 1,2
1999	3 001 748	128 701	– 1,8
2000	2 952 367	125 100	– 2,8
2001	2 968 255	135 183	+ 8,1
2002	2 526 305	133 187	– 1,5
2003	2 756 398	114 052	– 14,4
2004	2 893 810	24 798	– 78,3
2005	3 554 738	30 041	+ 21,1
2006	3 855 373	28 645	– 4,6
2007	3 582 541	20 360	– 28,9
2008	3 209 862	13 589	– 33,3
2009	2 994 820	9474	– 30,3
2010*	2 438 126	6653	– 24,0

* Данные за 11 месяцев.

финансовых, материально-технических и кадровых затрат, это по вероятному мнению идеологов такой политики, должно обеспечить социальный (классовый) мир на долгие десятилетия. Свою же безопасность и сохранность огромных денежных и материальных активов элита стремится обеспечить за счёт перевода большей их части на Запад и создания в России хорошо охраняемых анклавов (своего рода феодальных замков), куда простонародью путь уже насторого заказан.

Пробный шаг в этом направлении был сделан еще в 2002 — начале 2003 года и получил название «денационализации» борьбы с преступностью в нашей стране.¹⁵

Ослабление борьбы с хулиганством, помимо этого, обусловлено и нормативными обстоятельствами. Помимо первого «оскопления» состава этого преступления в 1996 году, состоялось вторичное его выхолащивание в 2003 году. То, что в со-

ветское время влекло строгое уголовное наказание, либо вообще перестало быть преступлением, либо теперь квалифицируется по другим статьям УК.

Поэтому зафиксированное в таблице резкое снижение (сразу на 78,3%) регистрации хулиганства в 2004 г., по справедливому мнению Э.Ф. Побегайло, объясняется тем, что Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ практически было декриминализировано простое и злостное хулиганство, которое предусматривалось соответственно по ч.ч. 1 и 2 ст. 213 УК РФ.¹⁶ По существу мы наблюдаем в этом случае повторную декриминализацию со своего рода кумулятивным эффектом.

Представляют определённый интерес и данные В.Б. Боровикова о количестве осуждённых за хулиганство в 1997–2007 гг.¹⁷

¹⁶ Побегайло Э.Ф. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственной преступности // Российский криминологический взгляд. — 2007. — № 3. — С. 100.

¹⁷ Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика. — М., 2009. — С. 526.

¹⁵ См.: Милюков С.Ф. Кризисные явления в современной уголовно-правовой политике // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. — № 5 / Науч. ред. Н.П. Дудин. — СПб., 2003. — С. 60–61.

Таблица № 2

Число осуждённых по ст. 213 УК РФ

Год	По ст. 213 УК РФ	По совокупности преступлений, предусмотренных ст. 213 УК РФ и др. статьями	Всего
1997	ч. 1 — 41 181	5453	46 634
	ч. 2 — 23 099	2984	26 083
	ч. 3 — 5599	868	6467
1998	ч. 1 — 33 252	4496	37 748
	ч. 2 — 27 952	4455	32 407
	ч. 3 — 8090	1101	9191
1999	ч. 1 — 28 704	3676	32 380
	ч. 2 — 26 579	4610	31 189
	ч. 3 — 8844	1293	10 137
2000	ч. 1 — 23 067	2678	25 745
	ч. 2 — 25 143	4384	29 527
	ч. 3 — 9531	1201	10 732
2001	ч. 1 — 25 642	2797	28 439
	ч. 2 — 26 639	4334	30 973
	ч. 3 — 10 343	1284	11 627
2002	ч. 1 — 17 813	2255	20 068
	ч. 2 — 21 092	3786	24 878
	ч. 3 — 9480	1262	10 742
2003	ч. 1 — 12 191	1688	13 879
	ч. 2 — 14 284	2781	17 065
	ч. 3 — 8520	967	9487
2004	ч. 1 — 4928	783	5711
	ч. 2 — 2403	454	2857
2005	ч. 1 — 3857	484	4341
	ч. 2 — 1731	246	1977
2006	ч. 1 — 3625	392	4017
	ч. 2 — 1495	193	1688
2007	ч. 1 — 2834	283	3117
	ч. 2 — 1080	117	1197

Из таблицы явствует, что наибольшее число осуждённых по ч. 1 и ч. 2 ст. 213 УК приходится на 1997 год, несмотря на резкое снижение (28,6 %) в данном году регистрации хулиганства в целом. Видимо существенный задел расследованных уголовных дел был создан ещё в 1996 г. В дальнейшем (по 2002 г. включительно) наблюдается тенденция постепенного снижения числа осуждённых по рассматриваемой статье УК, которое составило в 2002 г. по ч. 1 — 17813, по ч. 2 — 21092 и по ч. 3 — 9480 чел., исключая совокупность по другим преступлениям. С принятием ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ число осуждённых за хулиганство в период

2004—2006 гг., естественно, ещё более снизилось.

Если говорить о региональном срезе соответствующей категории преступлений, то по данным В.И. Гладких, П.В. Федотова и Р.Н. Шумова, число зарегистрированных фактов хулиганства по федеральным округам России в 2008 г. распределилось следующим образом: Северо-Западный федеральный округ — 1289 (–35,4 %); Центральный федеральный округ — 3563 (–27,5 %); Южный федеральный округ — 1156 (–30,8 %); Приволжский федеральный округ — 2867 (–40,0 %); Уральский федеральный округ — 2364 (–37,3 %); Сибирский федеральный округ — 1552

(–29,5 %); Дальневосточный федеральный округ – 379 (–38,3 %).¹⁸

Представляют интерес также данные судебной практики по делам о хулиганстве по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, отражённые в таблице № 3.¹⁹

Из таблицы видно, что в вышеназванных, тесно связанных между собой субъектах Федерации, налицо одни и те же тенденции, которые могут привести в ближайшей перспективе к почти полному

отказу от уголовного преследования хулиганства. Ясно, что это на руку нарушителям общественного порядка (прежде всего молодым), из которых рекрутируются наиболее опасные преступники (в том числе организованные). Комфортно чувствуют себя в атмосфере безнаказанности и бытовые (семейные) хулиганы, что неизбежно приводит к совершению тяжких преступлений против личности (убийств и изнасилований).

Таблица № 3

Число осуждённых по ст. 213 УК РФ за период 1998–2007 гг.

Год	Число осуждённых по Санкт-Петербургу	Число осуждённых по Ленинградской области
1998	1447	882
1999	1390	813
2000	1152	690
2001	2746	727
2002	856	412
2003	400	223
2004	143	59
2005	93	57
2006	78	47
2007	80	23

Известно, латентность, как мощный криминогенный фактор, энергично способствует росту преступности. Она является результатом нарушения основополагающих принципов законности и неотвратимости ответственности, ведет к безнаказанности и, естественно, стимулирует совершение новых преступлений.

¹⁸ Гладких В.И., Федотов П.В., Шумов Р.Н. Криминология. Курс лекций. – М., 2010. – С. 117.

¹⁹ Данные, приведённые в таблице № 3, основываются на проведённом проф. В.Г. Павловым изучении материалов Управления судебного департамента при Верховном суде РФ в Санкт-Петербурге и Управления судебного департамента при Верховном суде РФ в Ленинградской области. Следует отметить, что названный учёный остаётся одним из немногих правоведов, не потерявших интерес к проблеме хулиганства (см.: Павлов В.Г. Историко-правовые вопросы ответственности за хулиганство в русском уголовном праве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2010. – № 3 (8). – С. 48–53; *Он же*. Уголовная ответственность за хулиганство в законодательстве советского периода (1917–1996 гг.) // Там же. – № 4(9). – С. 73–79).

По данным В.В. Лунеева, общий уровень скрываемых правоохранительными органами различных преступлений оценивается примерно в пределах 30 % и более от заявленных.²⁰ Известный криминолог В.С. Овчинский утверждает, что в современной России в массовом порядке стали укрывать даже убийства. Об этом, по его мнению, свидетельствует тот факт, что если десять лет назад число людей, причина смерти которых не установлена, составляла около 40 тыс., то сейчас – уже около 70 (!) тыс. человек.²¹ Достаточно сказать,

²⁰ Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд. – М., 2010. – С. 98. См. также: *Инишаков С.М.* Уровень и структура криминальной латентности как показатель эффективности деятельности правоохранительных органов (по результатам одного исследования) // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. – 2010. – № 4. – С. 5–10.

²¹ Санкт-Петербургские ведомости. – 2010. – 24 декабря.

что лишь за 11 мес. 2010 г. в органы внутренних дел поступило почти 22 млн заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях. Однако уголовных дел возбуждено всего 2,02 млн (снижение сразу на 10,5%). При этом В.С. Овчинский обращает внимание на тот факт, что 10 млн преступлений «НИКАК НЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫ и, значит, провалились неизвестно куда».²²

Как показывают криминологические исследования, латентность хулиганства на протяжении особенно последних 10 лет вызывает серьезную тревогу. Э.Ф. По-бегайло пишет, что в 90-е годы XX века прокуратурой ежегодно отменялось в результате незаконного отказа в возбуждении уголовного дела по фактам хулиганства примерно 4–4,5 тыс. постановлений.²³ Высокий уровень латентности (по результатам опроса в 90-е гг. прошлого века 60 специалистов правоохранительных органов) характерен при совершении хищения чужого имущества — 68,4 %, обмана потребителей — 67,8 %, браконьерства — 72 %, хулиганства — 38,6 %, взяточничества — 95,2 %.²⁴

Если говорить о насильственных преступлениях, то регистрация не только убийств, но и, прежде всего, причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований, разбоев, грабежей в настоящее время далеко не полностью отражает действительное состояние этих преступлений. Что же касается хулиганства, особенно когда речь идет о несовершеннолетних, то его латентность значительно выше. Так, например, при проведении исследования методом обзоравиктимизации населения М.А. Крупина пришла к выводу, что наиболее латентными в числе преступлений, которые совершают несовершеннолетние, являются прежде всего хулиганство — 24,3 %, а также вымогательство — 18,2 %, грабёж — 17 %, кража — 14,6 %, причинение телесных повреждений — 12,1 %, мошенни-

чество — 8,5 % и изнасилование — 4,8 %.²⁵ Высокую латентность краж, грабежей и хулиганства, совершаемых несовершеннолетними, отмечают в своих исследованиях И.М. Мацкевич и В.Е. Эминов.²⁶

Существует немало способов и методик определения уровня латентности видов преступности и конкретных преступлений. При этом достаточно часто используется метод экспертных оценок. В результате одного из аналогичных исследований, как отмечает Я.И. Гилинский, были установлены следующие коэффициенты латентности по некоторым преступлениям (2002 г.): убийство — 1,17; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 1,18; истязание — 2,45; изнасилование — 4,08; кража — 4,21; грабёж — 1,52; разбой — 1,36; контрабанда — 2,99; хулиганство — 3,81; бандитизм — 3,45; получение взятки — 10,13.²⁷ За истекшее десятилетие латентность этих преступлений (прежде всего хулиганства) значительно возросла.

Высокая латентность изнасилования и хулиганства объясняется, в частности, тем, что потерпевшие по различным мотивам зачастую не обращаются в правоохранительные органы о совершённом преступлении.

Вместе с тем следует заметить, что с ростом регистрируемой преступности в 2005 г. (сразу на 22,8 %) выросли соответственно и показатели регистрируемого хулиганства почти в той же пропорции (на 21,1 %). Тем самым уголовная политика в истекшем десятилетии носила непоследовательный, зигзагообразный характер²⁸ с общим трендом в направлении ухода государства из сферы противодействия преступной экспансии.

²⁵ Крупина М.А. Криминологические аспекты латентной преступности несовершеннолетних (по материалам Санкт-Петербурга и Ленинградской области). Автореф. дис. канд. юрид. наук. — СПб., 2009. — С. 15.

²⁶ Криминология: учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. — М., 2010. — С. 561.

²⁷ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. — СПб., 2009. — С. 57-58.

²⁸ См.: Милоков С.Ф. Зигзаги современной уголовно-правовой политики // Актуальные проблемы взаимодействия науки и практики / Под общ. ред. О.А. Заячковского. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. — С. 132–140.

²² Санкт-Петербургские ведомости. — 2010. — 24 декабря.

²³ Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд. — М., 2010. — С. 458.

²⁴ Криминология. Учебник для юридических вузов. / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. — СПб., 1999. — С. 91.

2005 год предстаёт в качестве последней попытки государства жёстко повлиять на нарушителей общественного порядка, после чего оно, как говорится, предпочло «умыть руки» и всё более устранилось от противодействия хулиганским проявлениям. Данная пассивность видна любому неангажированному наблюдателю и выражается хотя бы в том, что даже в крупных городах число милицейских патрулей на улицах сократилось в несколько раз.

Не изменило эту прискорбную динамику и принятие Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ, которым ч. 1 ст. 213 УК РФ вновь подвергла существенным изменениям. Речь идет о введении в её диспозицию альтернативного мотива политической, идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Ярко выраженная политизация состава хулиганства создаёт предпосылки злоупотребления этой нормой в ходе противоборства различных по своей идеологии социальных, этнических и религиозных группировок внутри российского общества и государства. При этом неизбежны существенные сложности в отграничении хулиганства от некоторых преступлений против личности и посягательств экстремистского характера. События, последовавшие в самом конце 2010 года, в полной мере подтвердили эти опасения.

В ноябре 2010 года Президент РФ публично признал, что данные официальной уголовной статистики в нашей стране полностью сфальсифицированы. Сделал он это в нарочито грубоватой форме, импонирующей российскому обывателю. Д.А. Медведев заявил буквально следующее: «Статистика у нас лукавая. Веры в неё нет! Брехня это зачастую!».²⁹ Как представляется, к такому заключению Президента в немалой степени подвигло совершённое незадолго до этого массовое убийство людей в станице Куцёвской Краснодарского края. Уже в начале предварительного расследования выяснилось, что на про-

тяжении долгих лет в станице открыто действовала преступная, организованная по семейному принципу (т. е. в полном смысле мафиозная) группировка, которую в последний период возглавлял С. Цапок. Его приспешники («опричники») жёстко эксплуатировали станичников, обеспечивали безопасность функционирования своего рода «латифундии» на богатых кубанских чернозёмах, где, как выясняется, применялся рабский труд, промышленляли вымогательством на автотрассе Центр – Юг. А в свободное от основной службы время насиловали студенток местного медицинского колледжа, бесчинствовали («озорничали») в пьяном виде. Всё это покрывалось местной прокуратурой и милицией, находившейся на содержании кубанских гангстеров.

Разоблачения вокруг куцёвского дела были в полном разгаре, когда неожиданно для многих грянули массовые беспорядки поблизости от Кремля на Манежной площади в Москве, Сенной площади в Петербурге, а также Ростове-на-Дону, Новосибирске и других городах. Мало кто помнит, что аналогичный погром в непосредственной близости от Кремля был учинён ещё в середине истекшего десятилетия. Поводом к нему стало обидное для фанатов поражение сборной России в отборочном матче со сборной Японии. В декабре 2010 года основной движущей силой также стали футбольные хулиганы.³⁰ Однако глубинные причины происходящих и грядущих потрясений кроются в тех социальных, экономических, религиозных, этнических и прочих антагонизмах, которые раздирают современную Россию.

Государственные структуры нашей страны стоят перед нелёгким выбором —

²⁹ Комсомольская правда. — 2010. — 20 ноября.

³⁰ До сих пор в отечественной юридической литературе грозному феномену футбольного хулиганства уделяется явно недостаточное внимание. Первым монографическим исследованием в этой сфере явилась кандидатская диссертация: *Мейтин А.А.* Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками, и их предупреждение: Ростов н/Д: Ростовск. юрид. ин-т МВД России, 2004. — 243 с. Позднее названным автором была опубликована монография по результатам проведённого исследования.

опытаться устранить первопричину этих антагонизмов — вопиющее социальное неравенство³¹ или продолжать лавировать между противоборствующими социальны-

ми силами (классами), рискуя вновь познать на себе печальный опыт 1905, 1917, 1991, 1993 годов...

³¹ По данным Росстата в крайней нищете (ежемесячный доход ниже 3422 руб.) живёт 13,4 % населения страны. В нищете (доход от 3422 до 7400 руб.) — 27,8 %. В бедности (доход от 7400 до 17 тыс. руб.) — 38,8 %. «Богатыми» среди бедных являются 10,9 % с доходами от 17 до 25 тыс. руб. На уровне среднего достатка живёт всего 7,3 % (доход от 25 до 50 тыс. руб.) К состоятельным относятся граждане с доходами от 50 до 75 тыс. руб. Их число мизерно — 1,1 %. Доходы же подлинно богатых превышают доходы бедных в 800 (!) раз. О нашей оценки роли социального расслоения в генезисе преступности см.: *Милоков С.Ф.* Причины, обуславливающие преступность // *Криминология: Учебник* / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. — СПб.: Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2005. — С. 98–109.

УДК 343.9
ББК 67.51

Э.Э. Раска*

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ПРЕВЕНЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. В ПОРЯДКЕ ДИСКУССИИ

Аннотация: Результативность превенции преступлений зависит от желания и умения видеть действительную сущность преступности.

Ключевые слова: преступность; превенция преступлений; социальное пространство.

E.E. Raska

STRATEGY AND TACTICS OF CRIME PREVENTION (BY WAY OF DISCUSSION)

Summary: The effectiveness of crime prevention depends on the ability to see the true essence of crime.

Key words: crime; crime prevention; social space.

О социальном фоне преступности

После Второй мировой войны в государствах западного культурного пространства произошли изменения принципиального характера. Частично за этими изменениями стоят смещения акцентов (приоритетов) в идеях социальной философии, теории государства и права, и шкале принятых истин (то, что безоговорочно принималось за правду).

В первой половине двадцатого века мировые войны, потрясшие народы и страны своими непредвиденной разрушительной силой и бесчисленными жертвами, дали мощный толчок для пересмотра существовавшей до этого времени практически без конкуренции, идеи верховенства государства. Бесчинства войны доказали, что основанная на этой идее организация общественной власти представляет реальную опасность для существования цивилизации.

Для предотвращения новых катастроф, которые на фоне быстрого технического развития становились всё ужаснее, люди стали требовать большего участия в формировании своего будущего. Отсюда и получила своё начало идея (как направление мысли), процесс, который охватывается

понятием *гражданское общество*. Философия и практика гражданского общества смещает государство, его доминирование в обществе с его прежней позиции верховенства, единственного властелина на более скромную роль. Исходя из этой идеи, государство постепенно начинает превращаться в средство обслуживания человека, как высшей ценности, видя в этом свою высочайшую цель и предназначение.

Рассматривая сущностные задачи государства, Heinrich Herrfahrdt пишет: «Исходя из того вопроса, что является задачами, предназначением государства, исходя из его сущности, его противоположными возможностями являются, либо предпочесть достижения высших ценностей, по-государственному управляя всей жизнью, или наоборот предусмотреть в свободной личности носителя этих высших ценностей и ограничить государство в целях обеспечения этих свобод личности».¹

Действительное развитие государства и общества за последние десятилетия позволяет сказать, что тенденции в развитии всё более направлены к свободной личности

* Эдуард Эдуардович Раска (1944–2008) – доктор юридических наук, профессор.

¹ Herrfahrdt, Heinrich. Haldusõpetus. Avaliku halduse alused. Valimik Euroopa esseid. – Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997, – lk. 23. Интересные и весьма содержательные размышления на эту тему можно найти также в: Tammelo, Ilmar. Õigluse filosoofiast. – Õigluse ja hool. – Ilmamaa, 2001, – lk. 58.

и гражданскому обществу, поддерживающую жизнь личности организационно.

Государство уже обнародовало многие доселе принадлежавшие ему функции и компетенции, которые полностью или частично перешли к институтам гражданского общества.

У многих жизненно важных функций новой структуры общества нет ясно понимаемого организационного покрытия; структурная и функциональная неопределённость общественной жизни влечет недоверие и напряжения в отношениях между людьми, в связи с чем у них пропадает желание к сотрудничеству, и вместо него появляется конфликтное противостояние.²

Малоэффективный социальный контроль и вытекающая из этого неопределённость, неурегулированность, отражающаяся в поведении людей, проявляется, в конечном счете, в социальных отклонениях, в т. ч. в тенденции роста криминальной активности.

В рамках традиционных концепций преступности разумного объяснения такой динамики её роста найдено не было. Рост экономического и социального благосостояния, быстро растущий уровень образования и культуры населения в течение десятилетий характеризуют социальную действительность в т. н. благополучных странах. Всё это должно было бы снизить криминальную активность людей. Но вопреки ожиданиям преступность растёт.

Сегодня криминальная активность достигла той границы, переход через которую становится серьезной угрозой, как для национальной, так и для межгосударственной (глобальной) безопасности.

Угроза тем более реальна, что вместе с количественным ростом, преступность изменяется и качественно. К примеру, международная организованная преступность сегодня сопоставима с предпринимательством, основанном на эффективных организационных началах, использовании современных систем коммуникаций и управления или связанного с деятельностью

сил нападения и диверсий международно-го терроризма, обученных и вооружённых на самом высоком уровне.

Традиционные средства контролирования, сдерживания преступности при этом не дали ожидаемых результатов. Слабо эффективными оказались попытки модернизировать и усилить контроль путём реформирования и осовременивания условий работы полиции. Неспособность переломить тенденцию роста преступности, поставило под удар полицию, а в более широком смысле — авторитет и доверие ко всему государственному правоохранению.

В поисках выхода из ситуации и для того чтобы восстановить положительный имидж соответствующих институций, как защитников общественного порядка, в последние десятилетия, начиная с 60-х годов XX столетия, стали всё настойчивее говорить о превенции преступлений как принципиально новом подходе к проблеме контроля над преступностью, как о новой криминальной политике.

В рамках так называемого нового подхода, обычно на первый план выдвигают сужение возможностей совершения преступлений, улучшение взаимодействия между полицией и населением, передачу некоторых функций охраны порядка частному предпринимательству и напрямую населению и т. п., что, однако также не смогло сколько-нибудь заметно сдержать рост преступности.³ По какой причине?

О концепции стратегии превенции преступлений

Как обычно при обсуждении социальных проблем, на этот вопрос нет однозначного ответа. Несмотря на это, существует ряд обстоятельств, которые по нашему мнению не позволили, не дали реальной возможности мерам превенции преступлений эффективно действовать.

В первую очередь заслуживает внимания то, что значительная часть мер, которые были предприняты для воспрепятствования преступности под лозунгом

² Подробнее об этом смотри: Fukuyama, Francis. Suur vapustus. Inimloomus ja ühiskondliku korra taastamine. – Tänapäev, 2001.

³ Об этом подробнее см.: Sherman, L.W., Gottfredson, D.C., MacKenzie, D.L., Eck, J., Reuter, P., Bushway, S.D. Preventing Crime: What Works, What Doesn't, What's Promising. Research in Brief, July. Washington, DC: U.S. Department of Justice, National Institute of Justice.

новой криминальной политики, превенции преступлений, на самом деле вообще не были мерами превентивного характера.

Как и все традиционные (полицейские) меры контроля, они направлены не на устранение причины, а скорее на то, чтобы замаять, затушевать последствия преступности или на то, чтобы воспрепятствовать их появлению.

Эти формы новы только внешне, будь то формой усиления и укрепления формального контроля: соседский дозор, или же более усиленная защита объектов от возможных криминальных посягательств, путём принятия мер, отталкивающих потенциального преступника, или иной способ осуществления превенции преступлений. По существу, по своей сути, в этом нет ничего нового.

Теоретическая основа этой стратегии, мягко говоря, слаба. Правильнее было бы сказать, что корректной теоретической основы у такой стратегии и основанных на ней мер воспрепятствования преступности, нет. Говорить в данном случае можно лишь о такой сумме идей о преступности, её контроле и возможности предупреждения, которые, по сути, зачастую весьма туманны, основаны на поверхностных представлениях, мифах о сущности преступности или на практическом (жизненном) опыте. Именно по этой причине такие меры контроля и сдерживания преступности, предложенные в виде превенции преступлений, не могут сколько-нибудь эффективно функционировать, поскольку они в большинстве своём основаны на методе проб и ошибок.

Неспособность сторонников такой превенции преступлений подняться на другой, отличный по существу от старого, новый более эффективный уровень, обусловлена скорее всего тем, что они не удосужились прояснить для себя, что же на самом деле представляет собой понятие преступности, какие факторы и процессы его обуславливают или наоборот, какие из них смогли бы удержать, снизить криминальную активность людей.

Но всё это возможно лишь при условии, что также основательно как мы погружимся в теорию проблемы, мы научимся понимать и ту конкретную среду, те обстоя-

тельства и факторы, которые в данном месте, в городе или волости (области), регионе и т. д. обуславливают преступность, или в более широком смысле — социальные отклонения.

Познавая факторы конкретной среды, территории, есть возможность трансформировать теоретические идеи в превентивно применимые, в практически действующую стратегию предупреждения преступности.

Однако зачастую исследователи выбирают более простой путь, вместо создания научно обоснованной теории и формирования на её основе стратегии превенции преступлений, они, молча или посредством конкретных выражений, признают то, что сущность преступности проявляется через статистическое множество преступлений.

Двигаясь дальше от этой отправной точки, они неизбежно приходят к следующему методологически ошибочному выводу о том, что основные свойства преступности связывают воедино лиц, совершивших преступления и их непосредственную жизненную среду или обстоятельства микросреды совершения преступления.

Такие исследователи не считают необходимым изучение общества, как явления с самостоятельным значением для понимания сущности преступности, с присутствующими только ему особыми признаками, качествами и регулятивными механизмами. И всё это несмотря на утверждаемую социальную сущность преступности.

В результате появляется мнение о том, что превенция преступлений, новая уголовная политика заключается в планировании и принятии соответствующих отталкивающих от совершения преступления мер, желательно с возможно большим вовлечением в этот процесс населения, учреждений и организаций и т. д.

Характерной особенностью такого хода размышлений и базирующейся на них концепции превенции преступлений является то обстоятельство, что при этом в большинстве случаев говорится о предупреждении преступлений, а не преступности. При этом легко заметить, что общество не просто стадо людей, не механическое множество индивидов.

Следует признать заманчивость противодействовать преступности на основе

такого рода поверхностных идей, которые, благодаря своей простоте, понятны любому и каждому. Однако вероятно и то, что победу в данной сфере деятельности можно одержать лишь в случае, если вместо заманчиво простых представлений о сущности преступности исследователи соглашались изучать действительные социальные системы и механизмы, обуславливающие преступность и криминальное поведение, а также, если стратегия и тактика предупреждения будут разработаны на основе прочного фундамента результатов исследований.

Зачастую все это требует серьезной работы и напряжения, углубления в теорию преступности как социального процесса, проведения корректно подготовленных и осуществленных исследований, способности осмыслить (интерпретировать) результаты исследования и реализовать их в практике превенции преступлений.

В теории криминологии сегодняшнего времени в вопросе о сущности преступности существует единодушное мнение, что мы имеем дело со специфическим социальным явлением или иными словами с процессом, который существует, прежде всего, и в основном на уровне общества, а не на уровне существования и деятельности индивида.

Следуя этой логике, во-первых, преступность в принципе невозможно понять, объяснить её, и, следовательно, в той или иной мере влиять на неё исключительно посредством человека, как существующей личности, и его индивидуальных свойств.

Во-вторых, получило общественное признание мнение о том, что ни одно свойство человека или его деяние (поведенческий акт) объективно не является плохим, наказуемым, криминальным само по себе, вне зависимости от соответствующего социально-культурного контекста. Согласно этой точки зрения, такого рода оценка свойств человека или его деяния может иметь место только посредством тех оценочных нормативных связей, которые определяют положение индивида, его роль в обществе и ожидаемый тип поведения человека, как члена определённой социальной группы.

Статистические исследования первых

десятилетий XIX века установили зависимость преступности (состояния, структуры, динамики и др. статистических характеристик) от ряда социальных процессов. Проведённые позднее более основательные исследования увереннее и убедительнее доказали, что преступность действительно органично связана с обществом как социальным целым, со специфическим функционированием социальной системы.

С одной стороны, появление преступности обусловлено факторами на уровне социальных процессов, уровне функционирования социальной системы, а, с другой стороны, преступность, отражая её, является индикатором качества этих процессов (социальной системы).

В обоих случаях преступность, вне зависимости от аспектов (возникновения или функционирования) её рассмотрения, предстаёт перед нами социальным процессом, а не просто механическим (статистическим) множеством случайных преступлений.

Примечательно в этом отношении семантическое определение преступности: «под преступностью следует понимать свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов».⁴ Автор этого определения, профессор Д.А. Шестаков, с должным к тому основанием замечает: «Теоретически нельзя исключить существование людей, вовсе не предрасположенных к совершению преступлений, чего нельзя сказать об обществе в целом. Если преступность от-

⁴ Шестаков Д.А. На криминологическом семинаре // Правоведение. — 1981. № 2. — С. 106; *его*: Понятие преступности в российской и германской критической криминологии // Правоведение. — 1997. № 3. — С. 108; *его*: Криминология. Преступность как свойство общества. Учебник для вузов. — СПб., «Лань», 2001. — С. 72; *его*: Школа преступных подсистем: парадигма, отрасли, влияние вовне // Российский криминологический взгляд. — 2005. — № 1. — С. 45—53; *его*: Криминология. Учебник для вузов. 2-е изд. СПб., Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». — 2006. — С. 134—141.

дельного человека, в принципе, может равняться нулю, то преступность общества всегда имеет абсолютную величину.⁵

Преступления действительно рассматриваются как одно из эмпирических проявлений преступности, что, однако не означает, что этим проявлением исчерпывается сущность рассматриваемого социального процесса.

Преступность как одна из форм социального самовыражения человека в обществе, является относительно самостоятельным явлением, одним из многих других социальных процессов с присущими именно ему признаками и характеристиками.

Более того, известно, что при наличии подходящих условий преступность может стать самостоятельной, в определенном смысле автономизироваться, отделиться от «почвы» своего возникновения и начать жить и функционировать, образно выражаясь, на «собственной» основе. Если в определённых случаях речь идёт о преступности как о противостоящей обществу деструктивной силе, то, по всей видимости, при этом имеется в виду именно такая автономизировавшаяся преступность.

В качестве примера можно назвать международную организованную преступность, которая представляет собой институционализированное криминальное предпринимательство культур, народов и государств. Преступность, отделившаяся от своей естественной «питательной среды», создаёт в иных общественных явлениях и процессах относительно независимые механизмы собственного воспроизводства и вместе с ними приобретает способность существовать и развиваться в виде так называемой контркультуры. В качестве таких механизмов назовём различные организационные и институциональные формы, а также криминальную субкультуру с характерными для неё ценностными и знаковыми системами и т. д.

Чем шире (в социальном смысле) и сильнее (в организационно-институциональном смысле) специфическое основание преступности, тем она более живуча,

способна к развитию и агрессивна.

В процессе автономизации и как результат этого процесса формируется качественно новый уровень преступности, который можно назвать вторичной преступностью. Этот уровень представлен различными группами профессиональных преступников и институционализированными объединениями.

В духовном плане вторичная преступность проявляется, как было уже сказано ранее, в основном в форме криминальной субкультуры. Здесь уместно обратить внимание на то обстоятельство, что общество (государство) само способствует автономизации преступности своими неадекватными реакциями на отклонения, неуклюжей экономической, социальной, криминальной и пенитенциарной политикой, дилетантством, и зачастую также нежеланием предотвратить массовое поглощение членов общества сферой влияния криминальной субкультуры.

Несмотря на то, что уже достаточно давно стали понимать глубокую сущность преступности и умели эмпирически устанавливать и теоретически объяснять её связанность с функционированием общества как социальной системы, в настоящее время встречаются так называемые теоретики, а ещё в большей степени практические работники, для которых преступность была и остается суммой преступлений и преступников (из числа антисоциальных, опустившихся лиц).

В лучшем случае они связывают преступность с гипотетической патологией состояния или динамики общества, что по существу означает то, что как причины преступности, так и обусловленную ими саму преступность, пытаются рассматривать не как социальные, а наоборот — антисоциальные явления.

Как в одном, так и в другом случае мы имеем дело со своеобразной мистификацией криминальности, провозглашением преступности феноменом, существующем вне нормальной общественной жизни.

В Средние века такого рода соображения были присущи ведьмам и святой инквизиции. Такая позиция, зародившаяся в Средние века и существующая в настоящее время, направляет довольно часто

⁵ Д.А. Шестаков. Криминология. Преступность как свойство общества. Учебник для вузов. — С. 72.

волю и поступки тех, кто утверждает, что они занимаются превенцией преступлений, формированием новой криминальной политики.

Во имя рационального исследования социальной сущности преступности, её механизмов возникновения и функционирования, необходимо в первую очередь избавиться от вышеуказанных мистификаций.

Следовательно, суть вопроса состоит не в том, какие деяния, явления и процессы являются криминальными, а только в том, на основании чего в том или ином обществе, на той или иной фазе общественного развития их *считают* криминальными.

Для создания теоретической конструкции превенции преступлений и формирования соответствующей стратегии надо сосредоточиться на механизмах и системах, на которых зиждется системная целостность общества, его организационно-структурная упорядоченность и непосредственно связанная с этим способность общества как системы к саморегуляции.

Вышеуказанная стратегия в свою очередь устанавливает общие границы для созданных людьми регуляций, в том числе пенитенциарному и уголовному праву, обеспечивая безопасное сосуществование в обществе. В сказанном нет ничего нового или оригинального. Уже в течение десятилетий социологи и криминологи пытались понять и объяснить преступность в контексте проблематики социальной регуляции и контроля. Наиболее выдающимся ученым в этой области был Эмиль Дюркгейм (1858–1917).

Развивая идеи Э. Дюркгейма с позиций сегодняшнего понимания и уровня накопленных знаний и их влияния на социальное поведение людей, следует более смелее оперировать понятием социальное пространство. Не ставя перед собой задачу дефинирования этого понятия, всё-таки подчеркну, что в первом приближении усматриваю социальное пространство как определенное энергетически качественное состояние общественного сообщества, или если попытаться выразить эту мысль через подходящие параллели в точных науках, как структурно упорядоченное поле общения.

В этом смысле, говоря о социальном пространстве, мы подчеркиваем то, что имеем дело в первую очередь с культурным феноменом, влияние которого основывается на известных знаковых и смысловых системах, других культурных символах.

Именно по этой причине и можно трактовать социальное пространство как активное, более или менее упорядоченное поле, с присущими ему регулятивными чертами.⁶ Основная ценность понятия социальное пространство в контексте проблематики преступности и её предупреждения состоит в том, что оно приводит нас кратчайшим путём к объективным механизмам саморегуляции и контроля в обществе, независимым от воли и сознания людей. Люди ведут себя совершенно по разному в зависимости от особенностей и степени упорядоченности среды (социального пространства).

В сообществе с организационно упорядоченными отношениями люди ведут себя совершенно иначе, чем в массе отношений с неупорядоченной или не понятной для субъектов структурой. По опыту мы знаем, что разрушение организационной структуры социального пространства, явившееся следствием природной катастрофы или общественного катаклизма, влечёт за собой обычно всевозможные отклонения, в т. ч. криминальные, лавину деяний, оцениваемых как наказуемые.

Следовательно, степень структурной и функциональной упорядоченности пространства и формирующего его сообщества выступает в роли фактора, формирующего и направляющего поведение, в том числе и в функциях регуляции и контроля.

Действительно, даже просто небрежное пространство обычно мотивирует совершение правонарушения, прибранное же пространство наоборот, способствует поддержанию и увеличению порядка. В принципе то же самое можно наблюдать и в функционировании социального пространства. При этом можно сказать, что структурная упорядоченность создаёт общие предпосылки для осуществления социального контроля и регуляции.

⁶ Рассмотрение проблем социального пространства и поля в философском плане см.: Bourdieu, Pierre. *Praktilised põhjused. Teoteooriast.* – Tänapäev, 2003.

Учитывая то, что ранее было высказано мнение о неблагоприятной динамике в развитых европейских странах и сопутствующем социальном фоне, хотелось подчеркнуть то обстоятельство, что эффективность мер социальной регуляции и контроля зависит в основном и прежде всего не от их качества, а от степени и вида структурной упорядоченности общества как системы.

Это происходит потому, что от названных характеристик общества зависит его способность саморегуляции. Чем она выше, тем меньше отклонений (со стороны членов общества), и тем легче им препятствовать довольно простыми мерами воздействия.

В исторической перспективе хорошо прослеживается, как в европейском культурном пространстве интенсивность преступности снижалась при формировании и стабилизации организационной структуры государства. Именно тогда, когда в конце 19-го века государство в своём развитии достигло апогея, состояние преступности характеризовалось самыми низкими за всю историю показателями.

С другой стороны, продолжающийся до настоящего времени рост преступности начался практически одновременно с процессом, в ходе которого формируемое гражданское общество стало осложнять функционирование и отторгать из общества доселе монополюно управлявшие государственные структуры.

Из вышесказанного несложно проследить главное направление превенции преступлений, иными словами, её стратегии. В нескольких словах, её сутью является, во-первых, организационное *упорядочение* социального пространства, применительно как к материальным, так и духовным его характеристикам. Во-вторых, направленная на достижение этой цели *деятельность*, для более быстрого формирования и кристаллизации организационных основ и сети взаимоотношений гражданского общества, посредством которых возможно функционирование на необходимом уровне эффективности саморегуляции обновленной социальной системы.

Как было сказано выше, эту стратегию аргументирует и обосновывает знание о

том, что фундаментальная основа отклонения, в том числе и криминального поведения, состоит в организационно-структурной неупорядоченности общества. Именно из неё проистекает неуверенность людей, как при выборе варианта поведения, так и при оценках этого выбора.

Из неуверенности в свою очередь рождается недовольство и стресс, от которых до поведенческих отклонений уже не так и далеко. Очень многие члены в неупорядоченном, со слабыми связями и раздраемом внутренними противоречиями обществе, менее предприимчивы и агрессивны в заботе о своей судьбе. *Из них формируется масса выкинутых, выпавших из общественной жизни людей. Для таких людей едва ли не единственным выбором и судьбой является отклоняющаяся самореализация в форме наркомании, алкоголизма, суицида и криминального поведения.*

О тактике превенции преступлений

Очевидно, организационно-структурная кристаллизация общества как социальной системы — объективный процесс, при котором форма общественного существования человека приходит в соответствие с изменившимися условиями и содержанием существования.

Этот процесс нельзя остановить или повернуть назад. Однако есть возможность умелыми действиями компенсировать или нейтрализовать социально опасные выхлопы процесса в каждодневную жизнедеятельность.

К примеру, реструктуризации предпринимательства не обязательно должен сопутствовать значительный рост безработицы, в том случае если для недопущения этого своевременно предприняты предупредительные меры. Безработица сама по себе не обязательно влечёт «выпадение» из общественной жизни, если взамен утраченной работы человеку предлагается альтернативная социально ценная деятельность.

Для того чтобы предусмотреть такого рода выхлопы и быть к ним готовым, следует понимать, что происходит в обществе и почему. Рассматривая общество на уровне каждодневной жизнедеятельности человека, оно представляет собой среду с определёнными свойствами.

Несмотря на то, что связи человека со средой обитания бесконечно разнообразны и сложны, в контексте социальной регуляции поведения и контроля (иными словами, в контексте проблематики превенции преступлений), возможно выделить в качестве наиболее значимых две линии связей.

Во-первых, это связи, которые формируют пространственный идентитет человека, и, во-вторых, связи и зависимости, которые формируют степень его пространственной интеграции.

Говоря о пространственном идентите человека, я имею в виду его субъективное самопозиционирование в контексте определённой пространственно-территориальной подсистемы, к примеру, в качестве жителя деревни, поселения, части города и т. д.

Чем яснее пространственное самоопределение и чем интенсивнее оно выражается, тем сильнее пространственный идентитет человека. Пространственный идентитет как источник субъективного чувства безопасности и уверенности в себе является важным фактором в регуляции поведения. Чувствуя свое физическое и духовное участие в какой-либо подсистеме общества, человек одновременно начинает видеть в этой подсистеме защиту от возможных опасностей.

При этом пространственный идентитет предлагает человеку определённый масштаб значений (смыслов) и ценностей, конкретный культурный фон для формирования оценок и отношений при оценке поведения своего и других людей.

В отношениях субъектов, нашедших свой идентитет, определивших своё положение в данном сообществе, социальном пространстве, возникают более или менее отчётливые поведенческие ожидания, обоснованные представления об ожидаемом правильном, нормативном поведении, которое определяется таковым применительно к данному социальному положению и в рамках структуры соответствующих отношений.

В хаотическом скоплении анонимных индивидов ничего подобного произойти не может в принципе. Здесь царит поведенческая неопределённость, неосведом-

лённость о том, как сам должен себя вести и что можно ожидать от других.

Очевидность для формирования пространственного идентитета и постоянства соответствующих отношений путём возможно большего количества взаимосвязанных пространственных измерений (деменсий) тем больше, чем жизненная среда целостнее, связаннее и рациональнее (разумнее), с точки зрения практической деятельности человека.

И наоборот, слабо связанная структурными отношениями среда предоставляет человеку мало возможностей для формирования и пространственного идентитета и его постоянства.

Подразумевается, что пространственный идентитет человека ограничивают не столько территориальные критерии, а этнические, языковые и т. п. факторы. В таком случае, по всей видимости, уместно говорить о пространстве идентитета, а не о пространственном идентитете.

В то же время есть причина говорить и о так называемом втором или более высокого порядка идентитете, к примеру, социального состояния, национальной или религиозной принадлежности и т. п. основаниям.

Поскольку качество результата во многом зависит от характера и качества формирующих его факторов, есть повод предположить наличие сильных качественных связей на линии макросреда — микросреда, или пространство идентитета — социальное поведение.

Если это так, то в этом случае нельзя согласиться с теми авторами, которые при изучении поведения человека, в том числе и особенно при изучении отклоняющегося поведения ограничиваются прежде всего и в основном непосредственной жизненной средой и «забывают» о факторах, формирующих эту самую среду. В действительности влияние общества как целого или, по меньшей мере, его существенных подструктур реализуется в поведении, хотя на первый взгляд оно обусловлено индивидуальными, непосредственно личными или обстоятельствами микросреды.

Перед тем как сделать практические шаги следует очень точно выяснить, в ка-

кой роли и в каких связях выступают различного уровня факторы организационной структуры общества при формировании индивидуального поведения людей.

Как известно, трехступенчатая модель организационной структуры общества (макросреда — микросреда — индивид) взята за основу практически во всех концепциях превенции преступлений.

Все нижеперечисленные действия в совокупности и являются тактикой превенции преступлений: научно аргументированное разделение обоснованных программ и задач; формирование инфраструктур, поддерживающих взаимодействие внутри и между различными уровнями превенции преступлений; мотивация учреждений и людей для деятельности во имя общей цели; создание соответствующей аналитической институции и механизма обратной связи для постоянной оценки результативности деятельности, и в конце всего названного — обеспечение постоянного ресурсного обеспечения.

В заключение стоит подчеркнуть, что результативность превенции преступлений зависит от желания и умения видеть действительную сущность преступности и силы, её обуславливающие, в соответствии с ними ставить стратегические цели

и избирать для их достижения надлежащие тактические средства.

Простая суэта, применение средств, основанных на методе «проб и ошибок», зачастую просто на предвзятом опыте или на зарубежных примерах, может создать мнение активной деятельности в данной сфере, но не приведёт и не может привести к желаемому успешному результату.

В случае, если по какой-либо причине исследователи не удосуживаются проникнуть в необходимой мере в сущность проблемы, было бы разумно вообще не заниматься безрезультатной, но при этом требующей больших затрат ресурсов игрой в превенцию преступлений. При этом следует подчеркнуть, что построение реально действующей системы превенции преступлений является действительно вызовом времени, на который нельзя не ответить. Достаточным аргументом для построения серьёзно воспринимаемой системы превенции преступлений является продолжающийся рост преступности и превращение её в незнающее границ международное явление, которое в своих политических или религиозных формах уже становится угрозой глобальной безопасности.

УДК 343.9
ББК 67.51

В.Б. Клишков, В.В. Пасынков***

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: Особое значение в деле противодействия преступности в условиях глобализации приобретает международное сотрудничество.

Ключевые слова: противодействие преступности; глобализация; международное сотрудничество; организованная преступная деятельность.

V.B. Klishkov, V.V. Pasyнков

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF COUNTERACTION TO CRIME IN TERMS OF GLOBALIZATION

Summary: International cooperation is taking on special significance in counteraction to crime.

Key words: counteraction to crime; globalization; international cooperation; organized crime activity.

Глобализация становится одной из важнейших проблем современности. Её называют осевой проблемой, выражающей главное направление развития мира, главным противоречием и даже главным конфликтом XXI века. Глобализация давно идёт, она затрагивает жизнь каждого человека, каждой страны и мира в целом и давно беспокоит думающие слои населения разных стран, поскольку несёт в себе для большинства стран и народов не только и не столько позитивные изменения, сколько негативные последствия, пути минимизации которых пока недостаточно просчитываются и разрабатываются. Особое значение в структуре негативных последствий представляют криминоген-

ные и иные криминологически значимые последствия глобализации.

Традиционная криминология рассматривает преступность как социальный феномен (явление), представляющий собой совокупность (систему) совершаемых в обществе преступлений. В рамках невольжской криминологической школы под преступностью понимается свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов (Д. А. Шестаков).¹ Новейшие криминологические отрасли изучают преступность какой-либо иной функциональной подсистемы общественной жизни (социального института). Такие отрасли стали выделяться с середины 70-х годов XX столетия.²

* **Владимир Борисович Клишков** — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: Klishkov63@mail.ru

** **Вячеслав Владимирович Пасынков** — кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры криминологии Санкт-Петербургского Университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: alit-treidingspb@inbox.ru

© В.Б. Клишков, 2011

© В.В. Пасынков, 2011

¹ Шестаков Д. А. Понятие преступности в российской и германской критической криминологии // Правоведение. — 1997. — № 3. — С. 108.

² Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. — СПб., 2006. — С. 29.

Зависимость преступности от экономических, социальных, политических, демографических, культурологических процессов и их глобализация неизбежно сказываются на глобализации преступности. Это проявляется прежде всего в наличии некоторых общемировых закономерностей.

Основные из них:

- абсолютный и относительный рост зарегистрированной преступности в мире;
- существенно более высокий уровень зарегистрированной преступности в развитых странах, чем в развивающихся;
- «гуманизация» преступности в развитых странах — рост удельного веса имущественных преступлений при сокращении удельного веса насильственной преступности;
- отставание социального контроля над преступностью от её развития.³

Криминальное общество с развитием его международных связей и новым, транснациональным полем деятельности, а также всё более частым использованием методов терроризма, глобализируется и противостоит уже не отдельному государству, а обществу вообще с его культурными и иными ценностями. Развитие криминального общества в России, расширение международных связей организованных преступников и другие обстоятельства превратили Россию в поле активной деятельности международной преступной деятельности.

Преступность политики (политическая преступность) как одна из её сторон, как свойство политической сферы воспроизводить преступления, связанные с борьбой за власть, является закономерным, непреходящим, хотя и изменчивым явлением.⁴ Борьба за власть идёт на протяжении всей истории человечества, что обусловлено природой человека. Глобализация, каж-

додневно ускоряющиеся темпы технического развития приводят к многократному ускорению всех общественных процессов. В свете последних политических и экономических событий в мире: война в Южной Осетии, газовый конфликт между Россией и Украиной, глобальный экономический кризис особо актуальным становится вопрос о преступной государственной политике и глобально-американизированной преступности (ГАП).⁵

В России, по данным уголовной статистики, в девяностых годах XX — начале XXI века число выявлявшихся иностранных граждан и подданных, лиц без гражданства, совершавших преступления в отношении российских физических и юридических лиц, в несколько раз превышало число российских граждан, жертвами которых становились иностранцы.

Наиболее ярко процессы глобализации видны на примере организованной преступной деятельности и терроризма. Организованная преступная деятельность — сложный социальный феномен. Возникнув, он переплелся с другими социальными институтами и процессами, прочно врос в общественную ткань. Данный феномен никогда не остаётся в рамках границ одного государства, со временем он неизбежно принимает международный и транснациональный характер, что неизбежно влечёт глобализацию криминального общества.

Формирование и развитие организованной преступной деятельности — закономерный общемировой процесс, частный случай повышения уровня организованности всех социальных подсистем: экономики, политики, управления, коммуникаций и др. Организованная преступная деятельность институционализируется в различное время в разных странах. К основным признакам организованной преступности можно отнести: длительность существования; регулярность (постоянство) функционирования; выполнение определённых социальных функций (удовлетворение спроса на нелегальные или

³ Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. — М., 1997. См. также: Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. — СПб., 2002.

⁴ Данилов А.П. Убийства по политическим мотивам в современной России (криминологический и уголовно-правовой аспекты) // Автореф. дисс. канд. юрид. наук. — СПб., 2008. — С. 7.

⁵ Шестаков Д.А. Постлиберальный статус криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2009. — № 2(17). — С. 13–21

дефицитные товары и услуги, предоставление рабочих мест, перераспределение средств и др.); наличие комплекса норм (правил поведения), «профессионального» языка (сленг), вполне определённых ролей. Институционализация (процесс, в ходе которого социальные практики становятся регулярными, долговременными и «обрастают» всеми признаками института) организованной преступности происходит постепенно. Этот процесс начался в России (СССР) с конца 1950-х — начала 1960-х гг. и завершился в конце 70-х — начале 80-х гг. прошедшего столетия.

Международные связи криминальных структур известны давно. Нелегальный экспорт-импорт наркотиков, оружия, алкоголя, торговля людьми, международный характер «отмывания» денег, нажитых преступным путём, никого уже не удивляют. Нелегальный экспорт цветных металлов из России в страны Западной Европы (в основном через республики Балтийского региона). Появились сведения о нелегальном экспорте из России радиоактивных материалов. Контрабанда предметов искусства. Количество таких предметов, изъятых при попытке вывоза, выросло в несколько раз. При этом, по мнению таможенной службы, задерживается не более 5–10 % реально вывозимых ценностей.

Одним из наиболее прибыльных видов криминального бизнеса (второе место после торговли наркотиками) является продажа оружия за рубеж. Однако сведения о торговле оружием очень скудные, поскольку связаны с преступной деятельностью высших чинов военного ведомства.

Активно действует международная система производства и торговли фальсифицированными продуктами и, прежде всего, алкогольными изделиями. Так, в Россию поступает алкогольный фальсификат из Польши, Нидерландов и др. До 95 % фальшивой (поддельной) иностранной валюты поступает в Россию из зарубежных государств.⁶

Но самый широкий размах приобрел международный наркоторговля. Эксперты ООН оценивают ежегодный международ-

ный оборот наркотиков в 400 млрд. долларов, что составляет около 8 % всей мировой торговли. Д.А. Шестаков справедливо отмечает, что «легализация торговли наркосодержащими средствами это — возможно, эффективный инструмент по выбиванию одного из финансовых рычагов в механизме воспроизводства преступности глобальной экономики. Но надо отнестись к нему с чрезвычайной осторожностью... В странах, в которых употребление наркотиков в той или иной мере было легализовано (Нидерланды, Швейцария, Бельгия, Германия...), не в полной мере соблюдено требование государственной монополизации торговли наркотиками и осуществление потребления наркотиков под строгим медицинским контролем...». Едва ли возможен переход на строго регламентированную государственную торговлю наркотическими средствами в отдельно взятой стране. Для этого требуется международное сотрудничество...⁷ Как пишет С.У. Дикаев, совершенно очевидно, что за признанием несовершенства общественного устройства должно следовать создание надёжной государственной системы по самосанации общества путём принятия специфических мер в отношении лиц (и не только наркоманов), от которых следует ожидать ненормативного поведения (алкоголики, проститутки, лица, страдающие психическими заболеваниями, венерическими и прочими заразными болезнями и пр.).⁸

Глобализация преступности осуществляется не только в форме организованной её части. Резко усилившиеся миграционные потоки наряду с позитивными результатами (интернационализация науки, искусства, культуры) несут с собой и негативные последствия. Мигранты, независимо от их этнической принадлеж-

⁷ Шестаков Д.А. Хотим ли мы ликвидировать наркоторговлю? (теоретико-криминологический подход) // Безопасность большого города: «Современные технологии профилактики наркопотребления и противодействия наркопреступности»: Материалы 4-й науч.-практ. конф. (17 ноября 2009 г.). — СПб.: Правительство Санкт-Петербурга, 2009. — С. 23-24.

⁸ Дикаев С.У. Некоторые вопросы противодействия наркотизации населения России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 1(20). — С. 103.

⁶ Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / ред. А.И. Гуров. — М., 2000. — С. 41.

ти, всегда хуже адаптированы к условиям жизни принимающей страны: языковые барьеры, профессионально-квалификационные трудности, проблема жилья, культуральные различия и прочие проявления социальной неустроенности, которая служит одним из существенных источников девиантного поведения. Многие страны-реципиенты испытывают всё большие проблемы в связи с преступностью иностранцев, мигрантов. Так, например, в Германии в 2001 г. около 25 % всех преступлений было совершено иностранцами; в том же году 30,4 % убийств и смертельных повреждений, 31 % изнасилований и иных сексуальных преступлений были совершены иностранцами. Из общего числа всех преступлений, совершённых «не немцами»: свыше 20 % совершены турками, свыше 10 % — жителями Югославии, свыше 7 % — поляками, 4-5 % — итальянцами, около 3 % — русскими).⁹

Высокий уровень и неблагоприятные тенденции организованной преступности в целом являются серьёзной базой для организованной террористической деятельности. Терроризм является особой разновидностью организованной преступности, отличающийся лишь специфической мотивацией, поэтому связь его с другими видами организованной преступности очевидна. Организованная преступность обладает высоким криминальным потенциалом, тесной связью с коррупционными властями, опытом применения насилия, организационными возможностями, специальными силами и средствами (оружием, отрядами боевиков). Преступные

организации и сообщества используют террористические методы в своих корыстных целях. Интересы террористов и организованных преступников могут совпадать, а возможности организованной преступности особо привлекательны для террористов.

Проблема распространения терроризма непосредственно связана с активизацией деятельности экстремистских организаций на почве, в частности, религиозной розни.¹⁰ По оперативным данным в стране в настоящее время действует свыше 240 организаций экстремистской направленности численностью более 33 тысяч человек. Данные организации могут быть использованы заинтересованными силами для совершения антинародных преступлений.¹¹

Анализ идеологических основ терроризма имеет существенный практический смысл для разрешения конкретных конфликтных ситуаций, предупреждения и диагностики угроз общественной безопасности, разработки стратегических моделей противодействия этим явлениям.

Ещё одна проблема — несовершенство действующего законодательства. Без создания эффективной правовой базы противодействия терроризму не удастся обеспечить устойчивость, необратимость результата, достигнутого при реагировании на отдельные террористические акты. В этих условиях особое значение приобретает международное сотрудничество в данной сфере.

*Статья поступила в редакцию
15 октября 2010 года.*

⁹ Polizeiliche Kriminalstatistik BRD. — Berichtsjahr 2001. Bundeskriminalamt Wiesbaden, 2002. — S. 11—114.

¹⁰ См.: Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера: Криминологическое и уголовно-правовое исследование: Монография. — СПб., 2006.

¹¹ См.: Данилов А.П. Декабрьская провокация гражданской войны в России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 3(22).

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Материалы семинара клуба от 15 октября 2010 года
«Ювенология как междисциплинарное научное знание»

УДК 343.9
ББК 67.51

*О.В. Лукичёв**

ФЕНОМЕН ЮВЕНОЛОГИИ КАК КОМПЛЕКСНОГО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ЗНАНИЯ О ПОДРАСТАЮЩЕМ ПОКОЛЕНИИ

Аннотация: Государству нужна эффективная, обоснованная ювенальная политика, без чего невозможно надлежащее воспитание и образование молодёжи.

Ключевые слова: ювенология; молодёжь; молодёжная политика.

O. V. Lukichev

PHENOMENON OF JUVENOLOGY AS A COMPLEX INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC KNOWLEDGE OF THE YOUNGER GENERATION

Summary: The state needs an effective and sound juvenile policy which is necessary for proper upbringing and education of the youth.

Key words: juvenology; the youth; youth policy.

Реформирование общества, социальное и экономическое развитие страны в значительной мере зависят от «молодёжного фактора». Качество нынешней молодёжи предопределяет человеческий потенциал, экономическую активную часть населения: его демографические и медико-биологические характеристики, уровень образования и профессиональной подготовки, нравственность и гражданскую зрелость. Молодое поколение не столько объект воспитания, сколько субъект общественного воспроизводства — будущий трудовой потенциал, от качеств и свойств

которого зависит или процветание нации, или её деградация.

Долгие годы в нашей стране отделяли экономику от социальной сферы, забывая, что устойчивый экономический рост не самоцель, а лишь условие нормального развития человека, формирование человеческого потенциала. Была забыта важная роль человеческого фактора в стабилизации и развитии общества, где он всегда является определяющим. Наибольший эффект в экономическом развитии достигнут в тех странах, где долгие годы реализуется эффективная национальная политика параметрирования и активизации человеческого потенциала (Германия, Куба, Китай, Ю. Корея, США, Япония). В этих странах общество в лице государства устанавливает через политику в отношении детей, семьи и молодёжи необходимый социальный статус, место и роль подраста-

* **Олег Васильевич Лукичёв** — кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, профессор кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург).

© О.В. Лукичёв, 2011

ющего поколения в изменяющемся мире (его здоровье, образованность, профессиональную подготовленность, политическую зрелость, характер социализованности) в конечном счёте — качество человеческого потенциала как важнейшей составляющей экономического роста.

Системный кризис и деструктивные тенденции в современной России уже превышают психофизиологические защитные механизмы молодого поколения, качество которого резко ухудшилось за последнее десятилетие. Деформированы демографические, медико-биологические, социально-экономические, нравственные и другие параметры молодёжной популяции. Многие процессы носят необратимый характер и в значительной степени определяют качество генофонда нации, экономическое положение России в мировом сообществе в 21-м веке. Поэтому обществу и государству следует целенаправленно и регулярно параметризовать человеческий потенциал в соответствии с заданными свойствами и качествами.

Складывающаяся в Российской Федерации за последние десятилетия «система» формирования и реализации политики в отношении семьи, детства и молодёжи не учитывает современные реалии: не базируется на единой концепции (доктрине) воспитания, образования и социализации молодого поколения: функционально, финансово и законодательно не обеспечена; её реализация не подлежит должному контролю. Многие направления и мероприятия дублируют друг друга. Всё это приводит к ещё большим деформациям качества молодого поколения россиян. Политика в отношении семьи, детства и молодёжи, с точки зрения государственного управления, должна стать фактором, средством и условием воспитания, образования и социализации подрастающего поколения россиян, эффективной подготовки его к самостоятельной жизни, в конечном итоге — должна быть направлена на повышение качества будущего трудового потенциала страны.

Сегодня, как никогда ранее, требуется научно обоснованная, эффективная государственная политика в отношении молодого поколения, целенаправленное фор-

мирование у него необходимых свойств и качеств для обеспечения в будущем эффективной трудовой деятельности на благо Отечества.

Обществу и государству настало время обратить пристальное внимание на качество молодёжной составляющей человеческого потенциала, как важнейшее условие экономического развития территориального образования любого уровня (от муниципалитета до России в целом). Необходимо по-новому отнестись к стратегическому планированию развития территорий, закладывая в его основу предстоящие изменения параметров человеческого (в том числе, трудового) потенциала, вытекающего из реального качества нынешней молодёжи, ровно как и характера проводимой федеральной и региональной политики в отношении семьи, детства и молодёжи (заметим, весьма неудовлетворительной). Эта политика уже в ближайшем будущем должна стать одним из важных средств комплексной социализации подрастающего поколения, фактором эффективной подготовки его к активной самостоятельной жизни, условием сбережения, воспроизводства, параметрирования и использования имеющегося молодёжного потенциала.

Молодёжную политику и политику в отношении семьи и детства предлагается концептуально, законодательно и финансово объединить в единую ювенальную политику Российской Федерации, придав ей статус приоритетной государственной социально-экономической политики, определяемой задачами целенаправленного формирования и параметрирования будущего трудового потенциала в соответствии со стратегией развития общества.

Новая государственная политика должна базироваться на комплексном междисциплинарном знании о взрослении и становлении молодого поколения в диалектическом единстве социального, духовного и биологического начал. Подобный подход соответствует единству процессов воспитания, образования и социализации молодого поколения, а также основным ориентирам стратегического развития России и её регионов на долгосрочную перспективу с учётом активизации чело-

веческого фактора в экономической и социальной жизни.

Формирование единой ювенальной политики в отношении семьи, детства и молодёжи определяется во многом развитием коллективного и междисциплинарного знания о механизмах взросления и социализации молодого поколения, а также дальнейшем становлении в России региональной политики и регионального развития. Взаимосвязь и взаимообусловленность всех составляющих процесса взросления, становления и развития молодого поколения определили необходимость привлечения различных научных дисциплин, что обусловлено объективно возникновением и формированием ювенологии как самостоятельной науки (отрасли знания).

Ювенология, как гуманитарная наука органически объединяет общественно — и естественнонаучные знания о молодом человеке и молодёжи.

Эмпирическим объектом этой науки выступают различные когорты подрастающего поколения (дети, подростки, молодёжь, молодые семьи и семьи с несовершеннолетними детьми (в т. ч. многодетные, неполные, кризисные)).

Теоретическим объектом исследования ювенологии выступают процессы, происходящие в социально-демографической группе, находящейся в состоянии становления, развития, перехода от социально незрелого (детского) возраста и социальной, экономической и гражданской зрелости.

Предметом науки являются различные стороны, элементы ювенальных процессов и явлений, определяемых спецификой теоретического и эмпирического объектов — человека (группы), входящего в «мир взрослых».¹

Принципами ювенального знания являются:

— принцип социальной обусловленности (детерминированности) формирования, протекание и развитие ювенальных

процессов в конкретном обществе и в конкретный исторический период;

— принцип относительной самостоятельности от окружающей среды, опосредованности протекания ювенальных процессов (базируется на диалектике единства социального и биологического в природе поведения и сознания человека);

— принцип коммуникации (общения), выступающий главным средством формирования биосоциальных и духовных характеристик (параметров) личности, группы (молодёжи);

— принцип преемственности поколений (межпоколенных взаимосвязей) при освоении подрастающим поколением идей, ценностей, образцов материального и духовного производства, социального общения и культуры, сформировавшихся у старшего поколения, а также в процессе адаптации к окружающим условиям, современных новому поколению на момент его рождения и последующего взросления (созданных старшим поколением);

— принцип диалектического единства социального, биологического и духовного начала в формировании и развитии ювенальных субъектов жизнедеятельности.

В дальнейшем процессе развития ювенологического знания будут уточнены и определены новые принципы.

Терминологический базис ювенологии, сложившийся к настоящему времени, уже достаточно обширен. Его основу составляет терминология, определяющая предметно-объектную специфику ювенологических исследований.

Неотъемлемым элементом методологии и ювенологии, наряду с принципами, являются её категории. Глоссарий ювенологии достаточно обширен, так как находится во взаимосвязи с гуманитарными и естественно-научными дисциплинами.

Ювенология (как любая другая наука) характеризуется определённой внутренней структурой составляющих её элементов, органически связанных между собой в строенную логическую систему. При построении внутренней структуры ювенологического знания необходимо использовать функции научной системы как таковой. Структура ювенологии включает: 1) методологию, 2) феноменологию, 3) праксиологию.

¹ Ювенология в 21-м веке: комплексное междисциплинарное знание о молодом поколении / под ред. Е.Г. Слущкого и В.В. Журавлёва. — СПб., 2007. — С. 27.

Важнейшие проблемы, составляющие основу ювенологии, как определённой совокупности междисциплинарных знаний о молодом поколении, объединены в следующие научные сферы: 1) взаимодействие общества и молодёжи; 2) характер отношений молодёжи и государства; 3) качество молодёжи как критерий состояния и реформирования общества; 4) молодое поколение и перспективный трудовой потенциал социума; 5) молодое поколение в другие группы и слои общества: характер взаимодействия.²

Говоря о становлении отечественной «науки о молодёжи» с 60-х до середины 90-х годов XX века наряду с позитивными следует отметить и ряд отрицательных сторон:

— отсутствовал системный подход в определении приоритетных направлений исследований проблем молодёжи;

— исследования не были связаны с практикой решения конкретных молодёжных проблем;

— отсутствовало необходимое комплексирование в исследованиях, проводимых социологами, педагогами, психологами, медиками, юристами, демографами и экономистами, а также междисциплинарное изучение явлений и процессов, происходивших в молодёжной среде;

— проводимые исследования часто имели слабую теоретическую, эмпирическую и методическую базу (в основном использовался анкетный опрос в ущерб другим методам и процедурам);

— редко проводились исследования по единым и сопоставимым программам и методикам, что не позволяло отслеживать тенденции и делать прогнозы;

— существовала выраженная диспропорция в исследованиях: более 60% работ были посвящены студенчеству, еще 30% — школьникам и учащимся ПТУ, а 10% — всем остальным категориям молодого поколения. В результате однобокой ориентации исследователи практически не имели представлений о комплексе взаимосвязанных

проблем, с которыми сталкивались молодые граждане — представители различных категорий подрастающего поколения.

Формированию новой науки о молодёжи — ювенологии — в России в конце XX века способствовали внешние социальные и внутринаучные факторы развития познавательных процессов. К социальным факторам относятся сложность и динамичность современных преобразований общественной жизни, будущее которой во многом определится качеством молодого поколения. Основным внутринаучным фактором становления ювенологии выступает диалектика познания. Современное познание на пороге третьего тысячелетия вновь характеризуется интеграционными процессами, возвращением целостности представлений о мире, но уже на новой научной основе — комплексной и междисциплинарной. Поэтому появление ювенологии обусловлено объективно как результат интеграционных процессов современного научного знания, проявившихся достаточно рельефно в последние десятилетия, а также как итог исследовательского поиска (последних сорока лет) в области изучения разнообразных проблем подрастающего поколения — детей, подростков и молодёжи.

Промежуточным итогом становления научного знания стала коллективная монография — «Ювенология и ювенальная политика в 21-м веке: опыт комплексного междисциплинарного исследования» / под ред. Е.Г. Слущкого, вышедшая в старейшем издательстве «Знание» в Санкт-Петербурге в 2004 году на 734 страницах. Монография подготовлена в лаборатории региональных проблем воспроизводства человеческого потенциала и ювенальной политики Института проблем региональной экономики Российской Академии наук. Коллектив авторов: более 20 учёных и специалистов-практикантов, представляющих различные области знания и организации — Комиссию Совета Федерации по делам молодёжи и спорту, Северо-Западную Академию государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербургскую государственную педиатрическую медицинскую академию,

² Ювенология в 21-м веке: комплексное междисциплинарное знание о молодом поколении / под ред. Е.Г. Слущкого и В.В. Журавлёва. — СПб., 2007. — С. 29–33.

Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права и другие учреждения.

Участие экономистов, социологов, юристов, медиков, демографов, политологов, социальных работников и т. д. в разработке теоретических положений нового научного знания о молодом поколении — ювенологии и концептуальных основах единой (ювеноальной) политики в отношении семьи, детства и молодёжи, позволило по-новому осмыслить вопросы биосоциального становления молодого поколения, роль и место молодёжи как субъекта и объекта общественного воспроизводства, механизмы включения молодёжи в рыночные отношения, интеграцию в социальную структуру, экономическую, социально-политическую и культурную жизнь российского общества. Проведённое комплексное

междисциплинарное исследование, аналогов которому нет в отечественной и зарубежной науке, расширило горизонты системного подхода, используемого в таких научных дисциплинах, как региональная экономика, геополитика, социология молодёжи, ювеноальное право и ювеноальная юстиция, ювеноальная (подростковая) медицина, социальная работа с молодёжью и ряд других.

В таком документе, как «Отчёт о деятельности Российской академии наук в 2005 году. Важнейшие итоги» (Москва, 2006) нашли отражение итоговые разработки в области ювенологии и ювеноальной политики, которые проводились в последние годы лабораторией региональных проблем воспроизводства человеческого потенциала и ювеноальной политики (рук. Е.Г. Слущкий) ИПРЭРАН.

УДК 343.9
ББК 67.51

*А.В. Комарницкий**

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ О ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ: КОНЦЕПЦИЯ, ПРИНЦИПЫ, СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация: России необходима самостоятельная система ювенальной юстиции по защите прав и интересов детей.

Ключевые слова: юстиция; ювенальная юстиция; Россия; концепция; несовершеннолетний; парадигма; восстановительное правосудие.

A. V. Komarnitsky

SCIENTIFIC THINKING ON JUVENILES IN RUSSIA: CONCEPTS, PRINCIPLES, CONTENT

Summary: Russia needs a separate system of juvenile justice for the protection of children's rights and interests to counteract juvenile delinquency.

Key words: justice; juvenile justice; Russia; concept; juvenile; paradigm; restorative justice.

Преступниками вырастают дети, страдавшие не от дефицита наказания, а от дефицита любви.

Б. Снок

В юридической науке и практике существует множество определений понятия «юстиция», которые опосредованно касаются и ювенальной юстиции. Например, уголовная юстиция как система уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов противодействия преступности; юстиция как правосудие по уголовным и гражданским делам, предусмотренное Уголовно-процессуальным и Гражданским процессуальным кодексами и иными национальными нормативно-правовыми актами.

Лингвистическое сочетание слов «юстиция» и «ювенальная» означает, что речь идёт одновременно и об общем, и о специ-

фическом понятии юстиции. По этому поводу Э.Б. Мельникова пишет: «Как часть общей юстиции она сохраняет её принципы и институты. Специфическое понятие ювенальной юстиции отличает её от общей юстиции, создаёт степень её автономности».¹

В Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила ООН 1985 г.), английская версия — Juvenile Justice — в аутентичном русском тексте переведена как «правосудие в отношении несовершеннолетних».² Таким образом, в мировой практике понятие «ювенальная юстиция» используется для обозначения системы правосудия в отношении несовершеннолетних. В отечественной же научной литературе единый подход к определению данного понятия отсутствует.

«К сожалению, даже среди наиболее квалифицированных учёных и специалистов всё ещё нет единого мнения о том, что же такое ювенальная юстиция. Причём

* **Анатолий Васильевич Комарницкий** — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: respect200@mail.ru

© А.В. Комарницкий, 2011

¹ Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособие. — М., 2001. — С. 14.

² Там же. — С. 15.

разночтения возникают не только в отношении содержательного аспекта, но и в самом названии», — пишет В.Д. Ермаков.³ Он считает, что актуальным становится проблема создания в России ювенальной юстиции и более понятным и точным является термин «юстиция, обеспечивающая защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних».⁴

На вопрос «Что такое ювенальная юстиция?» В.В. Панкратов ответил следующим образом: «Ювенальная юстиция — не просто нормативный институт, принимающий решения на основе жёстких норм. Это не суд по делам несовершеннолетних, а одно из звеньев системы профилактики, причём важнейшее».⁵ Э.Б. Мельникова относит к ювенальной юстиции преимущественно специализированные судебные органы: не только в виде отдельной системы судов, но и в виде судебных присутствий, составов, коллегий в рамках судов общей юрисдикции. Не отрицает она и создание административных органов, альтернативных судам, в том числе и ювенальным.⁶ Г.Н. Ветрова понимает под ювенальной юстицией «судебную систему, осуществляющую правосудие по делам несовершеннолетних и имеющую задачи судебной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних и судебного разбирательства дел о правонарушениях и преступлениях несовершеннолетних».⁷

Более объёмно и с социальным уклоном к понятию ювенальная юстиция подходит группа авторов во главе с В.Д. Ермаковым, разработавшая в 1999 г. проект закона «Основы законодательства о ювенальной юстиции в РФ». В ст. 1 этого документа устанавливается, что ювенальная юстиция — «это совокупность правовых механизмов, медико-социальных, психо-

лого-педагогических и реабилитационных, а также иных процедур и программ, предназначенных для обеспечения наиболее полной защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, а также лиц, ответственных за их воспитание, реализуемых системой государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций».⁸

Д.А. Ягофаров рассматривает ювенальную юстицию как особую подсистему правоохранительной системы общества. Например, система органов правоохраны, в чьи непосредственные задачи входят предупреждение правонарушений несовершеннолетних, обеспечение исполнения наказаний в их отношении. Ювенальное правосудие и ювенальные суды в его интерпретации не отождествляются с понятием «ювенальная юстиция», а лишь органично связываются. «Если первое отражает главным образом уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты правосудия в отношении несовершеннолетних, то второе отражает наличие в системе судостроительства судов общей юрисдикции, специализирующихся на рассмотрении дел с участием несовершеннолетних».⁹

«О какой ювенальной юстиции для несовершеннолетних правонарушителей можно говорить в России, включая отдельные ювенальные суды в систему общих уголовно-правовых судов, не создавая специального законодательства (права и процесса) и рассматривая несовершеннолетних как субъект в действующей уголовно-правовой юрисдикции (УК, УПК, УИК РФ) — права, процесса, пенитенциарной системы?» — пишет в своей монографии «Ювенальная юстиция в Российской Федерации» Н.П. Мелешко.¹⁰

На наш взгляд, точно сформулировать определение ювенальной юстиции невозможно без определения основных элементов, т. е. ее системы, относительно которой

³ Ермаков В.Д. Юстиция обязана защищать права и законные интересы несовершеннолетних // Российская юстиция. — 2000. — № 10. — С. 23.

⁴ Там же. — С. 22.

⁵ Опыт и перспективы введения элементов ювенальной юстиции в России / отв. за выпуск Р.Р. Максудов. — М., 2003. — С. 24.

⁶ Мельникова Э.Б. Указ. соч. — С. 149.

⁷ Мельникова Э.Б., Ветрова Г.Н. Проект закона «О ювенальной юстиции в РФ» // Правозащитник. — 1996. — № 2. — С. 42.

⁸ Тетюев С.В. Ювенальные суды: какими им быть в России // Вопросы ювенальной юстиции. — 2006. — № 2(7). — С. 28.

⁹ Ягофаров Д.А. Ювенальное право // Основы государства и права. — 2003. — № 1. — С. 72.

¹⁰ Мелешко Н.П. Ювенальная юстиция в Российской Федерации. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. — С. 612.

в юридической литературе сложились различные точки зрения.

О.Н. Ведерникова выделяет несколько основных элементов: «особый круг лиц, на которых распространяется действие ювенальной юстиции; специальные нормы, регламентирующие процесс расследования и судебного разбирательства; система специализированных судебных органов и учреждений».¹¹

И.И. Мартинович полагает, что «система ювенальной юстиции включает ювенальные суды, ювенальную прокуратуру и адвокатуру, службу квалифицированных психологов и социальных работников и иных специалистов, а также специальные воспитательные и пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних».¹²

Такой разброс научных мнений и взглядов в определении понятия, содержания, системы ювенальной юстиции затрудняет формулировку единого подхода к пониманию, что такое ювенальная юстиция в России. Именно эта неопределенность используется в настоящее время противниками, где идёт подмена целей, задач и основных принципов ювенальной юстиции.

Исходя из основополагающих принципов (преимущественно охранительная ориентация ювенальной юстиции; социальная насыщенность ювенальной юстиции; максимальная индивидуализация судопроизводства) защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, а также из компетентности различных органов власти по делам несовершеннолетних ювенальную юстицию, на наш взгляд, можно трактовать в широком и узком смысле.¹³

В широком смысле ювенальная юстиция рассматривается как научное направление, учебная дисциплина, система органов, применяющих в своей деятельности специальные правила обращения с несовершеннолетними, как вовлеченными в уголовное судопроизводство, так и на ста-

дии профилактики правонарушений (преступлений) несовершеннолетних.

В узком смысле — это система органов, применяющих в своей деятельности специальные правила обращения с несовершеннолетними по поводу имеющего место правонарушения, преступления несовершеннолетнего, а также нарушения прав и законных его интересов. Это социально-правовая охрана несовершеннолетних.

Система ювенальной юстиции представляется нам как совокупность следующих элементов: особый субъект и субъектный состав — несовершеннолетний и несовершеннолетие как правовая база ювенальной юстиции; специализированные судебные органы и учреждения; особые процедурные нормы, регламентирующие процесс расследования и судебного разбирательства; специальные меры уголовно-правового воздействия; несудебные органы (комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, уполномоченный по правам ребёнка, органы опеки и попечительства, служба пробации), специальные правоохранительные структуры, созданные для профилактики правонарушений (преступлений) несовершеннолетних.

В настоящее время в российском обществе обозначились три направления в развитии системы ювенальной юстиции.

Первое направление представлено в проекте, который был опубликован Э.Б. Мельниковой и Г.Н. Ветровой.¹⁴ Они предлагают регулировать только общественные отношения в стадии отправления уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних.

Второй проект разработан группой ученых института ИМПЭ имени А. С. Грибоедова под руководством В.Д. Ермакова, который предлагает регулировать общественные отношения с несовершеннолетними правонарушителями и делинквентами.

Представители третьего направления (Н. П. Мелешко и др.) предлагают посредством системы ювенальной юстиции регулировать все отношения, касающиеся

¹¹ Ведерникова О.Н. Ювенальная юстиция: исторический опыт и перспективы // Российская юстиция. — 2000. — № 7. — С. 51.

¹² Мартинович И.И. В Беларуси созрели предпосылки создания ювенальной юстиции // Российская юстиция. — 2002. — № 8. — С. 49-51.

¹³ Комарницкий А.В. Основы ювенальной юстиции. — СПб., 2010. — С. 31.

¹⁴ Мельникова Э.Б. Проект ювенальной юстиции // Правозащитник. — 1996. — № 2. — С. 42-56.

семьи и всех детей от рождения до совершеннолетия.¹⁵

На наш взгляд, наиболее перспективным и реальным для российской действительности является развитие первого направления. Характерная особенность ювенальной юстиции и отличие её от юстиции общеуголовной и общегражданской заключаются в специфике её принципов.

Э.Б. Мельникова определяет три главных принципа ювенальной юстиции: преимущественно охранительная ориентация ювенальной юстиции; социальная насыщенность ювенальной юстиции; максимальная индивидуализация судопроизводства.

Преимущественно охранительная ориентация ювенальной юстиции — специфический принцип, потому, что ювенальная юстиция создавалась и действует до настоящего времени преимущественно как уголовное правосудие, которое ассоциируется с уголовным преследованием, обвинением, осуждением, наказанием, но не с преимущественной защитой несовершеннолетних, совершивших преступление.

Обращает на себя внимание одна историческая особенность, объясняющая такую направленность ювенальной юстиции: фактически суд по делам несовершеннолетних создавался как суд, решающий двуединую задачу — защиты прав детей и подростков и уголовного преследования несовершеннолетних преступников. С развитием ювенальной юстиции её охранительная функция всё более расширялась и усиливалась.

В судебном процессе ряда государств, где функционирует ювенальная юстиция, повышенная судебная защита предусмотрена для всех несовершеннолетних, оказавшихся в орбите правосудия, независимо от их процессуального положения (с учётом российской терминологии — подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осуждённых, свидетелей, потерпевших).

Специальный охранительный правовой режим для несовершеннолетних может быть выражен в разных формах:

— прямой протекционизм (например, уменьшение, только по факту несовершеннолетия, на определённую часть размера наказания, указанного в статье УК РФ);

— дополнительная правовая защита отдельных групп несовершеннолетних (например, по российскому уголовно-процессуальному законодательству обязательно участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего свидетеля, не достигшего возраста 14 лет);

— во многих странах закон предписывает проводить закрытые заседания суда по всем делам о преступлениях несовершеннолетних или о преступных посягательствах на них;

— провозглашение преимущественного применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия, а не наказания — это тоже проявление охранительной функции ювенальной юстиции.

Отметим, что воспитательное воздействие на несовершеннолетнего, проходящее через весь судебный процесс, относят к самостоятельному принципу ювенальной юстиции, равно как считают принципом уголовного права в отношении несовершеннолетних (принцип воспитуемости).

Социальная насыщенность ювенальной юстиции. Суть этого принципа заключается в широком использовании в судебном процессе по делам несовершеннолетних неюридических специальных знаний, в акценте на изучение социальных условий жизни несовершеннолетних, представших перед судом, социально-психологических признаков их личности. Использование таких специальных знаний в западной правовой науке носит название «непрофессиональный элемент».

Привлечение неюридических специальных познаний в судебном разбирательстве имеет место и в общеуголовном, и общегражданском праве (заключения экспертов, участие специалистов), предусмотренных, в том числе, и российским процессуальным законодательством.

В рамках ювенальной юстиции происходит социальное насыщение всего юридического процесса данными из неюридических источников. Речь идёт не только о привлечении к участию в процессе экспер-

¹⁵ Ювенальная юстиция в России. Вчера. Сегодня. Завтра / сост. В.Д. Ермаков. М., 2001. — 313–386.

тов и специалистов, но и об использовании в рамках ювенальной юстиции данных, полученных судом и по его специальным заданиям, от специализированных неюрídических учреждений и служб ювенального профиля (медико-психологических, социально-психологических, социальных служб, консультационных центров). Привлечение этих данных — одна из главных особенностей судебного процесса в «классическом» правосудии по делам несовершеннолетних.

Согласно законам своих стран, суд для несовершеннолетних может не только задать интересующие его вопросы указанным неюрídическим службам, но и поместить в связи с этим несовершеннолетнего на стационарное обследование.

Вопросы (и ответы на них) могут касаться психологических особенностей личности несовершеннолетнего, его реакции на негативные жизненные ситуации.

Перед указанными учреждениями суд может поставить вопрос и о выборе оптимальной для данной личности меры воздействия, особенно о наиболее результативном режиме её исполнения. Естественно, закон оставляет за судом право выбора и меры воздействия и режима, однако помощь неюрídических консультантов оценивается высоко и успешно используется в деятельности судов по делам несовершеннолетних. Ещё раз стоит подчеркнуть, что такая позиция не соответствует концепции и философии ювенальной юстиции.

Тем не менее, рассматриваемый «непрофессиональный элемент» органически связан с ювенальной криминологией, которая разрабатывает свои методы исследования причин преступности несовершеннолетних, изучения личности несовершеннолетних именно на базе неюрídических специальных познаний, которые затем использует ювенальная юстиция.

Максимальная индивидуализация судопроизводства — один из главных принципов ювенальной юстиции. Он означает, что в центре судопроизводства находится личность несовершеннолетнего, а также причины и условия их правонарушений.

Вместе с тем в ст. 421 УПК РФ среди

обстоятельств, подлежащих установлению по делам о преступлениях несовершеннолетних, не указано на необходимость установления причин и условий, способствовавших совершению преступления. Лишь в ст. 73 УПК РФ в общей форме упоминается о необходимости выявления по всем уголовным делам обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Статья 11 УПК РФ содержит требование о необходимости принятия мер безопасности в отношении потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц при наличии достаточных данных о том, что им угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями.

Однако УПК РФ не выделяет специальных норм о мерах безопасности применительно к производству по делам о преступлениях несовершеннолетних.

На наш взгляд, для производства по делам несовершеннолетних должна быть разработана совершенно иная система мер безопасности, рассчитанная на максимальную защиту их прав и интересов, как обвиняемых и подозреваемых, так и свидетелей и потерпевших.¹⁶

Как отмечается в современной юридической литературе, имеющийся перечень уголовных наказаний для несовершеннолетних слишком узок и не позволяет дифференцировать и индивидуализировать наказание в соответствии с особенностями личности виновного и конкретной жизненной ситуацией несовершеннолетнего.¹⁷

Судопроизводство по любому делу, а не только по делу несовершеннолетнего, имеет сугубо индивидуальные цели, поскольку каждое преступление — акт индивидуальный, как индивидуальны уголовная ответственность и наказание за него.

Законодательство и судебная практика тех стран, где функционируют суды для несовершеннолетних, оценивают такую

¹⁶ Комарницкий А.В. Указ. соч. — С. 35.

¹⁷ Панкратов В.В. Предисловие к книге «Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития». — Ростов — СПб., 2006. — С. 13.

правовую ситуацию как самую эффективную применительно к подросткам.

Очевидно, что неформальный характер процедуры — основа индивидуализации судебного процесса в суде для несовершеннолетних — должен быть согласован и с общими процессуальными правилами, но не должен быть ими «задавлен», иначе судебная процедура войдёт в конфликт с динамичным участником процесса — несовершеннолетним, что снизит эффективность правосудия.

С точки зрения концептуального содержания, в юридической литературе выделяют три парадигмы ювенальной юстиции: 1) карательная; 2) реабилитационная (парадигма индивидуализации обращения); 3) парадигма восстановительного правосудия.¹⁸

В карательной парадигме ювенальная юстиция строится по аналогии с организацией правосудия в отношении взрослых правонарушителей. Преступление совершается против государства, а уголовное наказание рассматривается как основной механизм реализации принципа «воздаяния по заслугам». Карательная парадигма на сегодняшний день доминирует в российской системе правосудия в отношении, как взрослых, так и несовершеннолетних.

В рамках реабилитационной парадигмы преступление рассматривается как знак нарушения процессов социализации подростка. Вмешательство суда, прежде всего социальных служб, призвано исправить социальное отклонение и применить воспитательные меры воздействия, адекватные личностным проблемам и нуждам несовершеннолетнего правонарушителя. Реабилитационная модель ювенальной юстиции предполагает развитую систему социальных служб, широкое включение социальных работников в систему профилактики и правосудия в отношении несовершеннолетних. Социальная работа в этой парадигме рассматривается как один из основных инструментов предотвращения преступности и снижения рецидива.

В парадигме восстановительного правосудия коренным образом переопределяются принципы организации системы

правосудия. Преступление рассматривается не только как нарушение закона и власти правительства, а как причинение вреда пострадавшему и обществу. Целью восстановительного правосудия является возмещение ущерба, причиненного жертве, признание правонарушителем вреда от преступления и примирение между жертвой, преступником и сообществом, в котором они живут. С точки зрения экспертов, восстановительное правосудие является самым перспективным направлением, особенно в сфере правосудия в отношении несовершеннолетних. Следует подчеркнуть, что восстановительное правосудие определяется не только как идея возмещения вреда жертве, но и как технология разрешения конфликтов и восстановления позитивных взаимоотношений между участниками конфликта. Поэтому нередко говорят о распространении отдельных элементов восстановительного правосудия — восстановительных программ, или программ примирения, которые могут использоваться наряду с системой официального правосудия либо быть задействованы в сферах, далеких от официального правосудия, например, использоваться в школах, социальных учреждениях, локальных общинах и т. д.

Центральным звеном концепции ювенальной юстиции, несомненно, является ювенальный суд, тесно взаимодействующий со специализированными структурами в правоохранительных органах, учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, прокуратуре, адвокатуре и правозащитных организациях, причем не только до того, как подросток окажется в орбите судопроизводства, но и после вынесения приговора.

Суд по делам несовершеннолетних включён в концепцию ювенальной юстиции в связи с тем, что, во-первых, он реализует специфические принципы этой ветви юстиции, во-вторых, как особая судебная юрисдикция дополняет её специфику.

Концепция ювенальной юстиции предусматривает внедрение и развитие элементов, которые позволяют повысить эффективность и качество отправления правосудия в отношении несовершенно-

¹⁸ Комарницкий А.В. Указ. соч. — С. 20.

летних на всех его этапах. Этот период включает создание специализированных подразделений по работе с несовершеннолетними в органах юстиции, внутренних дел, образования и науки, в судах, прокуратуре и адвокатуре.

Концепция ювенальной юстиции предполагает, что расследование и судопроизводство по делам несовершеннолетних должно носить пластичный, гибкий, более неформальный и упрощенный характер, чем судопроизводство в общем порядке, что не соответствует традиционным представлениям о строго регламентированной в законе судебной процедуре.

К сожалению, каких-либо норм, имеющих неформальный, упрощенный характер для расследования и судебного рассмотрения дел по обвинению несовершеннолетних, российское законодательство на современном этапе не содержит. Более того, вносимые в Уголовный кодекс Российской Федерации изменения подчас противоречат идее благоприятного отношения к несовершеннолетним правонарушителям.

Согласимся с С.Ф. Милюковым в том, что России нужен новый Уголовный кодекс, а не модернизация действующего.¹⁹ В то же время следует отметить, что нельзя в ожидании «совершенного законодательства» ничего не делать в плане противодействия преступности и правовому совершенствованию и развитию общества. Эту работу надо проводить, и она осуществляется на базе действующего законодательства в условиях существующего общественного и государственного устройства с использованием имеющихся правовых норм, институтов, принципов и категорий.

Концепция ювенальной юстиции предусматривает создание специализированных подразделений по организации надзора за применением законодательства о несовершеннолетних в органах прокуратуры, специализированных ювенальных

юридических консультаций, оказывающих гарантированную государством квалифицированную юридическую помощь несовершеннолетним, а также введение специалистов по делам несовершеннолетних в штаты уголовно-исполнительных инспекций и т. д.

Кроме того, в концепцию системы ювенальной юстиции входит не только комплекс государственных и иных органов и организаций, имеющих своим назначением защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, осуществление правосудия в отношении их, но и соответствующее законодательство.

Анализируя понятие «несовершеннолетие» как правовую базу ювенальной юстиции, нельзя забывать об объёме прав, свобод и обязанностей несовершеннолетних, предоставляемых им разными отраслями права, поскольку они определяют и юридические границы функционирования ювенальной юстиции.

Непременно требует юридического обоснования положение о том, относятся ли к юрисдикции судов по делам несовершеннолетних те несовершеннолетние, которые признаны в установленном законом порядке полностью дееспособными.

В разных отраслях права существуют разные возрастные границы реализации несовершеннолетними предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей. Зависит это не только от возраста, но и от специфики тех правоотношений, в которые вступают несовершеннолетние и которые предусмотрены конкретными отраслями права.

Так, ГК РФ разрешает даже 6-14-летним детям в предусмотренных законом случаях самостоятельно заключать имущественные сделки. Заключить же трудовой договор подросток может, только достигнув 15 лет (при наличии указанных в законе условий — 14 лет).

Уголовный кодекс РФ установил два возраста уголовной ответственности: 14 и 16 лет. Преступления, за которые уголовная ответственность наступает с 14 лет, характеризуются повышенной общественной опасностью, доступной для её осознания 14-летними подростками. Эти правовые и возрастные границы учитываются и

¹⁹ Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы 3-й Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 30–31 мая 2002 года. — М., 2003. — С. 42.

в уголовно-процессуальном законодательстве России.

Вместе с тем в судебном процессе есть особые возрастные группы несовершеннолетних, для которых предусмотрены свои правила защиты прав и законных интересов, равно как и реализации уголовного преследования.

Таким образом, отраслевая специфика возрастных подгрупп несовершеннолетних существует во всех отраслях российского права, в нормах, где речь идёт о физических лицах. Сочетание возраста и специфики национальной отрасли права значительно влияет на деятельность ювенальной юстиции.

Возраст уголовной ответственности в России — 14 и 16 лет; во Франции — 13 и 16, в Англии — 12 и 17, в Германии — 14 и 17, в США — от 10 до 17 лет (по законам штатов) и т. д. В перечисленных странах, в том числе России, существуют два возраста уголовной ответственности со сходными возрастными границами.

Возвращаясь к вопросу о концепции ювенальной юстиции, необходимо отметить её основополагающую значимость в создании системы ювенальной юстиции, моделей ювенальных судов и различных ювенальных структур (восстановительное правосудие, ювенальная адвокатура, ювенальные юридические консультации, служба пробации и реабилитации, ювенальная милиция) и т. д.

В начале XXI в. концепция ювенальной юстиции претерпела изменения, наполнилась новым содержанием и получила стремительное развитие на постсоветском пространстве. Примером тому являются страны Балтии, Беларусь, Молдова, Казахстан, Узбекистан, Украина и, несомненно, Россия.

Положивший начало семейной криминологии Д.А. Шестаков ещё в 1996 году высказал идею о создании семейной юстиции, основу которой должны составить семейные суды. При этом он подчеркнул, что усилия по созданию семейных судов и ювенальных судов следует объединить и добиваться организации подлинно *семейной юстиции*, охватывающей правонарушения несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, все внутрисемей-

ные преступления, независимо от возраста виновных и потерпевших, а также гражданско-правовые споры, затрагивающие интересы семьи и несовершеннолетних.²⁰ Впоследствии к мнению известного криминолога присоединились Пудовочкин Ю.Е., Мелешко Н.П. и др. Далеко не всегда с необходимыми ссылками на первоисточник.²¹

На наш взгляд построение и создание системы ювенальной юстиции в Российской Федерации должно быть начато с принятия на государственном уровне научно-обоснованной Концепции развития системы ювенальной юстиции в России. Целью Концепции является поэтапное внедрение и развитие элементов ювенальной юстиции, которые позволят повысить эффективность и качество отправления правосудия в отношении несовершеннолетних на всех его этапах. Концепция включает создание специализированных подразделений по работе с несовершеннолетними: в министерствах юстиции, внутренних дел, образования и науки, в судах, прокуратурах и адвокатуре.

Не надо забывать, что необходимость создания ювенальной юстиции обусловлена обязательствами, которые взяла на себя Россия по исполнению норм международного права. Наличие разных научных взглядов, подходов и проектов по поводу ювенальной юстиции приводит к основному вопросу, какой должна быть ювенальная юстиция в России?

²⁰ Шестаков Д.А. Законодательная регламентация предупреждения насилия в семье // Criminological Situation and Security in Society. First International Social Deviant Behavior Symposium of the Black Sea Countries. — Chişinău, 9–11 November, 1995. — С. 128–130; *его*: Семейная криминология. Семья — конфликт — преступление. — СПб., изд-во Петербургского ун-та, 1996. — С. 175, 249–250.

²¹ См.: Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: дис. ...докт. юрид. наук. — М., 2005. — С. 45.

УДК 343.9
ББК 67.51

*Мелешко Н.П.**

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ «ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ» И «ЮВЕНОЛОГИИ» КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация: Ювенальная юстиция обусловлена необходимостью нормализовать условия жизни и воспитания детей.

Ключевые слова: ювенология; ювенальная юстиция; молодёжь.

N.P. Meleshko

THE DEVELOPMENT OF «JUVENILE JUSTICE» AND «JUVENOLOGY» AS INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Summary: Juvenile justice is due to the need to normalize living and upbringing conditions of the children.

Key words: juvenology; juvenile justice; the youth.

В последние годы в нашей стране рядом учёных осуществлена весьма плодотворная проработка проблемы ювенальной юстиции. Важно добиться в организационном плане практической и теоретической реализации данных идей.

В работе «Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития»¹ мною ювенальная юстиция рассматривается как новая форма комплексного междисциплинарного знания о молодом поколении, призванная способствовать формированию концепции единой государственной ювенальной политики в области семьи, детства и молодёжи, как основы национальной политики человеческих ресурсов в РФ.

Предложено в системе юридического образования ввести четвёртую основную

специализацию (помимо уголовно-правовой, гражданско-правовой, государственно-правовой) — «Ювенальная юстиция», посвящённую управлению развитием (воспитание, образование) детей (молодёжи, подрастающего поколения), защите их прав и свобод, а также отправлению правосудия в этой сфере общественных отношений. В данную специализацию предлагалось включить следующие дисциплины: «Основы ювенальной юстиции», «Ювенальное правосудие», «Международные стандарты социализации (развития) детей», «Защита детей, попавших в трудную жизненную ситуацию», «Система органов защиты детей и профилактики их девиантного поведения», «Психология несовершеннолетних детей», «Духовный мир и ценностные ориентации молодёжи», «Основы педагогики», «Проблемы противодействия домашнему насилию», «Семейная криминология», «Семейное право», «Ювенальное, гражданское, трудовое, конституционное право».²

В 2007 году в Санкт-Петербурге издана работа: «Ювенология в XXI веке: комплексное междисциплинарное знание о

* **Николай Петрович Мелешко** — кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Уголовно-правовые дисциплины» Института управления, бизнеса и права г. Ростов-на-Дону, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Ростов-на-Дону). E-mail: meleshko@iubip.ru

© Н.П. Мелешко, 2011

¹ «Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития». — СПб.: Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

² Там же. — С. 61–62.

молодом поколении»,³ в которой ставится вопрос о создании и развитии в России Национальной академии ювенологии. Национальная Академия рассматривается как добровольное самоуправляемое общественное объединение. Определены её задачи и функции, а также дан анализ уже наработанного опыта.⁴ Приветствую подобную инициативу.

Объектом научных интересов данного учреждения должна быть государственная политика в отношении детей с момента их рождения до 25 лет. Государственная политика должна охватывать воспитание, обучение (дошкольное, школьное, профессиональное, вузовское), трудоустройство и социальное обеспечение всех граждан.

Социальная потребность в создании научных дисциплин «Ювенольной юстиции», «Ювенологии» связана, прежде всего, с необходимостью нормализовать условия жизни и воспитания детей и подростков путём защиты их прав и свобод, оказания правового воздействия на лиц, обязанных осуществлять их воспитание, обучение, подготовку к труду, охрану здоровья несовершеннолетних.

Не менее важная социальная задача этих дисциплин связана с корректировкой

нравственно-психологического развития личности несовершеннолетнего, совершившего правонарушение.

Помимо этого следует подчеркнуть, что все перечисленные социальные функции ювенольной юстиции и ювенологии, выполнение которых необходимо с точки зрения потребностей личности и общества, должны найти должное отражение в соответствующих правовых актах.

Особое воспитательное воздействие, которое должны оказывать на подростков органы ювенольной юстиции, представляется недостаточным в плане адаптации детей для жизни в обществе. Помимо нравственно-психологических качеств (на изменение которых рассчитано воспитание) дети должны приобрести социальные качества личности (знания, профессиональное умение, трудовые навыки, привычки и потребности в культурных формах досуга, опыт нормального социального общения). В социологии этот процесс называется социализацией личности. При этом воспитание рассматривается как одно из средств социализации. Формирование социальных свойств личности достигается образованием (в т. ч. профессиональным), подготовкой к труду, укреплением здоровья и т. п.

³ «Ювенология в XXI веке: комплексное междисциплинарное знание о молодом поколении. / Под ред. Е.Г. Слуцкого и В.В. Журавлёва. — СПб., 2007.

⁴ Там же. — С. 177—193.

УДК 343.9
ББК 67.51

*Л.В. Готчина**

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ КАТЕГОРИЙ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ МОЛОДЁЖНОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация: Виктимологическая группа молодёжной наркопреступности нуждается в особой уголовно-правовой защите.

Ключевые слова: молодёжная группа; наркотики; наркопреступность; виктимность.

L. V. Gotchina

SOME ASPECTS OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF VICTIMOLOGICAL PREVENTION CATEGORIES OF YOUTH DRUG CRIME

Summary: Victimological youth group needs special legal protection from drug-related crime.

Key words: youth group; drugs; drug-related crime; victimization.

«Сегодня каждый двадцатый школьник употребляет наркотики. 70 % опрошенных впервые их попробовали в школах и местах развлечения — на дискотеках и в клубах. Продолжительность жизни наркомана после знакомства с наркотиками составляет от 4 до 5 лет. Ежегодно от 30 до 40 тысяч молодых россиян погибает от передозировки. Около 37 % наркоманов ВИЧ-инфицированы через внутривенные инъекции общими шприцами».¹ Увеличивается число наркопреступлений, совершаемых молодёжью и подростками. Необходимо констатировать, что ключевую роль в этом процессе играет наличие группы, а потребность в группировании яв-

ляется естественной и необходимой именно в подростковом возрасте.

Так Я.И. Гилинский, приводя цифры по преступности несовершеннолетних, отмечает, что «более «благоприятные» тенденции их преступности по сравнению со взрослой преступностью гипотетически могут объясняться относительно лучшей адаптацией несовершеннолетних к современным условиям российского бытия». Далее им акцентируется внимание на причинах такой «адаптации», предлагаются варианты «за счёт большей наркотизации», «за счёт ухода в криминальные структуры, латентность которых очень высока», «более высокая латентность преступлений несовершеннолетних».² Ещё выше перечень потенциальных жертв. Так, под виктимностью понимают предрасположенность к тому, чтобы стать потерпевшим от преступления.³ Д.В. Ривман под виктимностью подразумевал объективно присущую человеку (реализованную преступным актом или оставшуюся в потенции), но

* **Лариса Владимировна Готчина** — кандидат социологических наук, доцент, докторант Санкт-Петербургского университета МВД России, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: lgotchina@yandex.ru

© Л.В. Готчина, 2011

¹ Пресс-релиз международной конференции по проблеме: «Незаконный оборот наркотиков. Угроза национальной безопасности России»: Комитет Государственной Думы Российской Федерации по безопасности, Национальный антикриминальный и антитеррористический фонд. — М.: Государственная Дума Российской Федерации, 04.10.2010. — С. 1.

² *Гилинский Я.И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. — СПб., 2009. — С. 341.

³ *Франк Л.В.* Виктимология и виктимность. — Душанбе, 1972. — С. 22.

отнодью не фатальную способность, «предрасположенность» стать при определённых обстоятельствах жертвой преступления.⁴ «Жертвенность может быть как устойчивым свойством, более или менее длительное время присущим человеку, так и опасным состоянием, в котором он пребывает в тот или иной момент».⁵ Так, криминологическая характеристика наркопреступности в России позволяет констатировать, что большинство зарегистрированных преступлений в этой сфере совершается подростками и молодежью. И, к сожалению, именно эти возрастные группы подвергаются рискам стать их жертвами.

В частности, статья 228 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в крупном размере, а также незаконные приобретение, хранение, перевозку растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, то есть для последующего личного потребления, которое, в свою очередь, способствует развитию наркотической зависимости, втягиванию в систематическую преступную деятельность, увеличивает риски заражения ВИЧ-инфекцией, гепатитами, имеет иные социальные последствия.

Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 228.1 УК РФ) также предполагают привлечение к наркопробам подростков и молодёжи, когда они выступают одновременно и жертвой и преступником (приобретая указанные вещества, то есть, совершая действия, предусмотренные ст. 228 УК РФ).

Подростки и молодёжь предрасположены стать жертвой преступления, предусмотренного статьёй 230 УК РФ. Склонение к потреблению наркотических

средств или психотропных веществ предполагает возбуждение у другого лица желания потреблять запрещённые законом и предусмотренные в конструкции этой статьи вещества путём уговора, предложения, дачи совета, обмана, психического или физического насилия и других действий. Таким образом, добровольно контактируя с преступником, подвергаясь вышеперечисленным действиям с его стороны, легко стать реальной жертвой.

Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ (статья 232 УК РФ) способствует групповому времяпрепровождению молодых людей, имеющих и ещё не имеющих отношения к незаконному обороту наркотиков и их немедическому употреблению, втягиванию в наркооборот самих притонорганizationalторов, создаёт возможности для совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 228, 228.1, 230, 234 УК РФ.

Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ создаёт условия несовершеннолетнему или молодому человеку фактически их получить и употребить (статья 233 УК РФ).

Незаконное изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка в целях сбыта, а равно незаконный сбыт сильнодействующих или ядовитых веществ либо оборудования для их изготовления или переработки (статья 234 УК РФ) также провоцируют жертв по аналогии с преступными действиями, предусмотренными ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ.

Вышеприведённый анализ позволяет сделать выводы. Во-первых, при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 228-234 УК РФ, одновременно личность молодого преступника может выступать и жертвой.

Во-вторых, характеристика молодёжной наркопреступности предполагает выделение следующих профилируемых подростково-молодёжных групп: 1) экспериментаторов наркотических средств или психотропных веществ; 2) лиц с возникновением признаков болезни наркомании; 3) допускающих правонарушения, в том числе

⁴ Ривман Д.М. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. — Л., 1972. — С. 32.

⁵ Шестаков Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. — СПб., 2006. — С. 221.

преступления с наркотиками. Для всех них высока вероятность совершения наркопреступлений, которые выступают и как причина, и как следствие иных проявлений молодёжного наркотизма. Первые пробы могут способствовать началу преступной деятельности и, наоборот, её эксперименты приводят к употреблению.

Между тем, в соответствии со Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года⁶ объектами антинаркотической деятельности являются:

— население страны, в первую очередь, дети, подростки, молодёжь и их семьи, особенно входящие в группы риска вовлечения в незаконный оборот наркотиков и их прекурсоров, а также лица, злоупотребляющие наркотиками без признаков зависимости, и их семьи; больные нарко-

манией, нуждающиеся в лечении и реабилитации, и их семьи; работники отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источниками повышенной опасности;

— организации и учреждения, участвующие в легальном обороте наркотиков и их прекурсоров;

— организованные преступные группы и сообщества, участвующие в незаконном обороте наркотиков.

По нашему мнению, определённая нами виктимологическая молодёжная группа молодёжной наркопреступности нуждается в особой уголовно-правовой защите, механизм реализации которой возможен путём введения квалифицирующего признака «в отношении молодёжи» в статьи УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за наркопреступления.

⁶ Указ Президента РФ от 09 сентября 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. — 2010. — № 28.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.9
ББК 67.51

В.И. Омигов*

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ЕЁ СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация: В последние годы в криминологической науке и правоприменительной практике профессиональная преступность «растворилась» в многообразии статистической отчётности. Необходимо уделять больше внимания проблеме противодействия профессиональной преступности.

Ключевые слова: профессиональная преступность; противодействие преступности; криминальный профессионализм; преступники-профессионалы.

V.I. Omigov

PROFESSIONAL CRIME: ITS MODERN CONTENT

Summary: In the science of criminology and law enforcement practice professional crime was «dissolved» in a great variety of statistical reports in recent years. More attention is to be paid to the problem of professional crime counteraction.

Key words: professional crime; counteraction to crime; criminal professionalism; professional criminals.

Профессиональная преступность в правоприменительной практике как бы растворилась в массе информации среди рецидива и новых видов преступлений, хотя удельный вес его составлял в 2003 г. — 27,8 %, ¹ в 2008 г. — 30,4%. Специалисты учитывают её в своей деятельности, но специального раздела в официальной уголовной статистике нет. Данное отношение, по нашему мнению, к профессиональной преступности проявляется в ошибочном её отнесении некоторыми исследователями к рецидивной преступности, а профессионалов-преступников выделяют среди остальных преступников как в спорте мастеров среди любителей. Преступник-профессионал во главу своего образа жизни ставит цель — совершение преступлений на протяжении своей жизни и им становится, как правило, после трёх и более преступных эпизодов.

* **Омигов Виктор Иванович** — доктор юридических наук, профессор, член Российской академии юридических наук, Криминологической ассоциации России, Академии национальной безопасности Российской Федерации, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права и криминологии Пермского филиала Нижегородской академии МВД России (Пермь, Россия). E-mail: viktor-omigov@yandex.ru

©В.И. Омигов, 2011

Среди криминологов тема профессиональной преступности является делом виднейших учёных. Так, тип профессионального преступника описали в своих трудах Ч. Ломброзо, М. Геринг, Р. Колдуэлл, Э. Ферри и др.; среди российских учёных данную тему разрабатывали: М. Гернет, М. Гроздинский, П. Люблинский, С. Познышев, Б. Утевский, И. Якимов; на рубеже XX и XXI веков занимались исследованием профессиональной преступности: Ю. Антонян, А. Алексеев, Я. Гилинский, А. Гуров, А. Долгова, И. Карпец, В. Кудрявцев, Н. Кузнецова, Г. Миньковский, В. Резинкин, А. Тайбаков, В. Устинов, Г. Хохряков, В. Эминов и др.

Впервые в мире профессиональную преступность (в качестве самостоятельного вида) выделили в 1897 г. на Гейдельбергском съезде международного союза криминалистов. Различный подход при описании профессиональной преступности и недостаточной её изученности объясняется по мнению Я. Гилинского рядом обстоятельств:

- исторически менялось само понятие профессиональной преступности;
- деятельность профессиональных преступников многообразна, многолика и,

очевидно, не поддаётся исчерпывающему перечню и описанию;

— профессиональная преступность в значительной степени пересекается и с организованной, и с «беловоротничковой», и с рецидивной преступностью, так что трудно, а то и невозможно, определить её чёткие границы, в том числе уголовно-правовые.²

Так, конечно, сугубо профессиональной является деятельность в рамках «шлаковой преступности», связанной с циркуляцией «не отмытых» преступных доходов, торговлей наркотиками, оружием и людьми, коррупцией, понятие которой введено Д.А. Шестаковым. По его мнению, она может быть представлена как совокупность рыночных факторов, с одной стороны, и обусловленного ими вредного для человека, запрещённого оборота товаров, связанного с излечением посредством риска сверхприбыли. Иными словами, это свойство экономики реагировать на запреты созданием теневого оборота с соответствующей системой его «жизнеобеспечения».³

Любой вид преступности, в том числе и профессиональную, выделяют в качестве самостоятельного в силу двух обстоятельств: он качественно отличается от всех других; качественное отличие помогает установить причины данного вида преступлений и разработать эффективные меры борьбы с ними.⁴ В криминологической литературе по поводу определения профессиональной преступности извечно идёт спор: как по содержанию, так и по поводу того, что иметь в основе при её определении. Американский криминолог Р. Колдуэлл выделил ряд признаков, характеризующих профессиональную преступную деятельность:

- занятие преступлением как бизнесом;
- специализация на каком-либо одном типе преступлений;

¹ Криминологический анализ состояния преступности в России в 2003 г. и ожидаемые тенденции её развития в 2004 г. — М., 2003. — С. 46.

² Гилинский Я.И. Криминология. — СПб., 2002. — С. 249.

³ Шестаков Д.А. Постлиберальная криминология о «торговле людьми» // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2010. — № 3. — С. 14—22.

⁴ Гуров А.И. Профессиональная преступность: история и современность. — М., 1990. — С. 55—73.

— умение чётко действовать при осуществлении преступной деятельности, тщательно планировать преступления, технически оснащать сам процесс реализации преступного умысла и выполнять с мастерством преступные действия;

— совершенствование в пределах преступной деятельности своих знаний и опыта;

— отношение к преступлению как к своей карьере, подчинение этой деятельности своего мировоззрения;

— отождествление себя с преступным миром.⁵

Наряду с этими признаками сама преступная среда в различные отрезки времени подчеркивала собственный профессионализм путём различных мастей: храпы, асмадеи, воры-карманники, домушники, медвежатники, фарцовщики, современные разновидности мошенничества (шулеры, напёрсточники, кукольники, продавцы воздуха), рэкетеры, киллеры и т.д. Только у воров было более 25 специальностей.⁶

Отдельные авторы, определяя профессиональную преступность, считают, что она есть разновидность преступного занятия, являющегося источником средств существования для субъекта, требующего необходимых знаний и навыков для достижения конечной цели и обусловливающего определённые контакты с антиобщественной средой; другие — это преступность, содержащая в себе три признака: устойчивый вид преступной деятельности, квалификация, приносящая доход; третьи — это совокупность преступлений, совершаемых лицами, для которых криминальная деятельность является специфической профессией, основным источником дохода; четвёртые — ограничиваются отдельными её признаками.⁷

⁵ Цит.: Кузнецова Н.Ф. Преступления и преступность. — М., 1969. — С. 226, 304.

⁶ Гуров А.И. Профессиональная преступность: история и современность. — М., 1990. — С. 55—73.

⁷ Гуров А.И. Профессиональная преступность и её предупреждение // Криминология. — М., 1995. — С. 237; Хохлаков Г.Ф. Указ.соч. — С. 284; Резинкин В. Профессиональная преступность // Криминология. — М., 2001. — С. 713; Устинов В.С. Криминальный профессионализм: понятие, характеристика, предупреждение // Криминология. — СПб., 2003. — С. 282—288; Гилинский Я.И. Криминология. — СПб., 2002. — С. 249—253.

Например, А. Тайбаков считает, что в её определение входят соответствующие характеристики и элементы: требуется соответствующий уровень подготовки и мастерства, преступная деятельность у профессионала-преступника — есть источник добычи средств к существованию, как правило, используют приспособления для совершения преступления, применяют специальные способы и приёмы при совершении противоправных деяний, эту деятельность возводит в дело своей жизни, осуществляет тщательное планирование и подготовку преступления, наличие внутренней градации в среде преступников, собственная субкультура, свойство объединения в сообщества, постоянная передача начинающим преступникам собственного опыта, имеют спрос на свою профессию в криминальной среде.⁸

По мнению А.И. Гурова, *криминальный профессионализм — это разновидность преступного занятия, являющегося для субъекта источником средств существования, требующего необходимых знаний и навыков для достижения конечной цели и обуславливающего определённые контакты с антиобщественной средой*.⁹

Г. Миньковский даёт более точную формулировку профессиональной преступности: *«Профессиональная преступность — это вид преступности, характеризующийся постоянством преступной деятельности (занятием как промыслом) её участников, которая является основным источником их дохода и требует специализации знаний, навыков, умений (способов и средств совершения преступлений), а также принадлежностью преступников, имеющих соответствующую специализацию, к относительно замкнутой и иерархизированной криминальной среде и субкультуре»*.¹⁰

⁸ Тайбаков А.А. Профессиональная преступность: основные понятия и направления предупреждения её органами внутренних дел. — М., 1993. — С. 7—10.

⁹ Гуров А.И. О некоторых вопросах изучения криминального профессионализма // Советское государство и право. — 1987. — № 5; Он же. Профессиональная преступность: прошлое и современность. — М., 1990. — С. 40.

¹⁰ Миньковский Г.М. Криминологическая характеристика профессиональной преступности // Криминология. — М., 1988. — С. 314.

Из анализа содержания профессиональной преступности следует дать определение её степени общественной опасности. Степень общественной опасности профессиональной преступности выражается в том, что:

- преступления, совершаемые профессиональными преступниками, являются наиболее тяжкими, причиняют большой материальный и иной ущерб, наиболее сложны для раскрытия и расследования;

- преступники-профессионалы обладают опытом противодействия органам уголовной юстиции;

- профессиональная преступность достаточно замкнутая система (закрытое сообщество: шайки, группы, синдикаты), способная к самопроизводству, особенно опасно то, что активно вовлекают в преступную деятельность несовершеннолетних;

- представители этого вида преступности трудно поддаются исправлению и не всегда идут на компромисс с органами предварительного расследования;

- являясь носителями негативных традиций и обычаев, преступники-профессионалы повсеместно насаждают собственную субкультуру в быт россиян;

- её существование породило спрос на некоторые виды их преступной деятельности в криминальной среде (например, киллеры, хакеры, профессиональные нищие, кидалы и т.д.);

- их деятельность в сфере преступлений против личности носит циничный и жестокий характер;

- наличие в их среде общей кассы нередко благоприятствует их деятельности: подкуп (должностных лиц и свидетелей), вывод из-под пресса кары отдельных авторитетов за содеянное;

- консолидирует криминальную среду, насаждая свои законы, иерархию и систему мер ответственности;

- как правило, преступники-профессионалы при совершении преступлений, являясь вдохновителями и организаторами, руководителями преступной деятельности, нередко остаются «за кадром», подставляя вместо себя «лохов», новичков либо мало авторитетных преступников, связывая их круговой порукой, что зачастую и позволяет последним не выдавать собственных лидеров под страхом расправы;

Профессиональная преступность постоянно и энергично развивается, модифицируется, спланируется и организуется, повышается её уровень интеллектуализации и профессионализации в зависимости от потребностей времени и воздействия на неё со стороны государства, интенсивно участвует в разделе сфер влияния (о чём говорят бандитские разборки 1990-х гг.), активно внедряет своё влияние за рубежом и в целях получения больших прибылей и легализации преступных доходов, врётся во власть и безжалостно устраняет конкурентов (как из среды криминальной, так и из не входящих в её состав), интенсивно участвует в разграблении и переводе за рубеж предметов старины, культурных ценностей и т.д., нанося тем самым колоссальный ущерб национальным интересам.

Причинный комплекс существования профессиональной преступности весьма многообразен. Во-первых, для неё характерен комплекс причин, присущий всей преступности, и, во-вторых, на неё распространяются специальные причины. Происходящие социально-экономические преобразования в обществе всей своей мощью негативных последствий оказывают влияние на содержание профессиональной преступности и главным здесь является не видение государством самой опасности нарастающей мощи профессиональной преступности и её последствий, слабость органов уголовной юстиции в противодействии ей, отсутствие надлежащих профессионалов в криминальной милиции, ФСБ, органах следствия и суда; отсутствие в государстве надёжной системы защиты свидетелей и участников уголовного судопроизводства.

Формы и интенсивность проявления профессиональной преступности, как пишет В. Резинкин, — всегда зависели от экономической ситуации и уровня правоохранительной деятельности. Возникновение диспропорций в указанных процессах приводило к росту профессиональной преступности.¹¹

Среди специфических причин профессиональной преступности главным остаётся корыстно-паразитическая психология среди её участников (для её про-

цветания существует благодатная почва в условиях рыночных отношений). В этой связи Г. Миньковский считает: «Корыстно-паразитическая психология, лежащая в основе имущественных преступлений (включая насильственные их виды), порождает профессиональную преступность при наличии такой специфической причины, как существование криминальных (воровских) традиций и обычаев»,¹² которые лежат в основе еёсамопроизводства и самодетерминации.

При отсутствии в обществе объединяющей нацию идеологии профессиональная преступность быстро заполнила существующий вакуум: «ботать по фене» стало популярной не только в местах лишения свободы, но и повсеместно среди несовершеннолетних и молодёжи. Это происходит в следствии, как отмечает Г. Миньковский, передачи воровских традиций и обычаев ... в бытовой среде путём формирования досуговых компаний вокруг профессиональных преступников и целенаправленного вовлечения ими в преступления новых лиц из числа несовершеннолетних и молодёжи. При этом используется стремление новичков к достижению определённого статуса в криминальной микросреде.¹³

Другой специфической причиной стала недооценка органами уголовной юстиции роли профессиональной преступности и опасности, дестабилизация профессионального ядра уголовного розыска, некачественный состав его сотрудников, снижение профессионализма и отсутствие систематической наступательной работы в борьбе с профессиональной преступностью, устаревшая система критериев оценки деятельности оперативных аппаратов по количественным показателям и по завершённым уголовным делам, при принижении роли предупредительной работы, а также расширяющаяся тенденция в структуре правоохранительных органов — предательство.

Отсутствие надлежащей качественной информационно-аналитической работы в масштабе государства не позволяет достаточно полно учитывать профессиональных

¹¹ Резинкин В.С. Профессиональная преступность // Криминология. — М., 2001. — С. 719.

¹² Миньковский Г.М. Указ. соч. — С. 324.

¹³ Там же. — С. 326.

преступников, следить за их «карьерой», оценивать криминогенную обстановку и оказывать эффективное влияние на её содержание и самих преступников, принимать оперативно эффективные и надлежащие управленческие решения по её нейтрализации.

Криминологическая наука неоправданно упустила за последние годы из поля своего внимания профессиональную преступность, ограничиваясь рецидивной и организованной, тем самым породила отсутствие надлежащих методик противодействия профессиональной преступности и само собой разумеющееся — специфическую причину её существования.

С 1922 г. в России в уголовном законе отсутствуют правовые нормы, которые бы считали участие в профессиональной преступности, преступный профессионализм в качестве отягчающего (либо квалифицирующего) обстоятельства (признака), что также способствует развитию и детерминации профессиональной преступности.

Существенной специфической причи-

ной развития профессиональной преступности является сложившееся равнодушие в обществе, а нередко и одобрение в виде героизации преступников-профессионалов (например, к/ф «Бригада» — по всей России дала толчок для молодых лиц, не нашедших места в жизни, действовать по их образу и подобию); попустительство со стороны государства практически легализовало такие ранее забытые специальности в профессиональной преступности как шулерство, сутенёрство, притонодержательство и т.д.

Криминологическая характеристика профессиональной преступности, в современных условиях весьма пёстрая, отражающая специализацию уголовной среды, в основном сводится к множественности преступных эпизодов в сфере имущественных преступлений. Чаще всего действуют преступники-профессионалы. Устойчивость их преступной деятельности проявляется в тенденции отхода от формы действий преступников одиночек к форме групповой деятельности.¹⁴

¹⁴ См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность и её предупреждение // Криминология. — М., 2001. — С. 239—249.

3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков*

ФИКЦИЯ ПОРОЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЗАКОНОМ. КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: Операционное криминологическое понятие преступления нужно для уточнения предмета криминологии, для экспертизы законов и законопроектов. Криминологическое определение преступления является ключом к парадоксам преступного закона и преступности законодательства.

Ключевые слова: преступный закон; криминологическое определение преступления; мнимое преступление.

D.A. Shestakov

FICTION OF THE «LAW CAUSING CRIME» CONCEPT. CRIMINOLOGICAL DEFINITION OF CRIME

Summary: Operating criminological concept of crime is necessary to specify the subject of criminology, to examine the law and bills. Criminological definition of crime is a key to the paradoxes of felonious law and criminality of legislation.

Key words: felonious law; criminological definition of crime; mock crime.

Закона нет — есть только принужденье.
Все преступленья создаёт закон.
Преступны те, которым в стаде тесно...

*М. Волошин. Путиами Каина.
Трагедия материальной культуры*

Преступлением признаётся виновно
совершённое общественно опасное де-
яние, запрещённое настоящим Кодек-
сом под угрозой наказания.

Ч. 1 ст. 14 УК РФ

1.1. Мираж порождения

Может ли криминология позволить себе ограничиться уголовно-правовым (его называют ещё формальным, конвенциональным) определением преступления, устанавливающим: преступно то, что под страхом уголовного наказания

запрещено законом? Или криминология должна пользоваться в первую очередь материальным (социологическим) определением преступления (*per se* — как такового), ставящим во главу угла не наличие официального запрета, а собственно существенные вред, опасность деяния для общества?¹ Для меня это вопрос о свободе, свободе криминологического мышления от произвола законодателя.

Закон в каком-то смысле является источником преступлений, в одном случае мнимым (фиктивным), в другом подлинным.

Прежде о фикции. Фикцией порождения законом преступлений я называю фиксацию в законе, юридической практике, уголовной статистике и т.д. преступлений, в том числе являющихся по существу *мни-*

* Дмитрий Анатольевич Шестаков — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, соучредитель, почётный президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: criminology_club@mail.ru

© Д.А. Шестаков, 2011

¹ О сосуществовании материального (социологического) и формального (юридического) понятий преступления в связи с криминализацией отклоняющегося поведения см., например: G. Kaiser: Kriminologie. Ein Lehrbuch. 3., völlig neubearbeitete und erweiterte Auflage. — Heidelberg, 1996. — S. 315–355.

мыми, вследствие чего создаётся впечатление, будто бы сущность преступления состоит не в том объективном зле, которое оно (преступление) наносит человеку и окружающему его миру, а в субъективной воле сложившихся в обществе сил, которые направляют законотворчество.²

Да, возникает видимость, будто бы закон порождает преступления: «*nullum crimen sine lege* — нет преступления без указания в законе» — говорили юристы Древнего Рима. Вот и наш Волошин писал: «Закон нет — есть только принуждение. Все преступления создаёт закон». Но правы римляне и русский поэт были только отчасти. Рассмотрим определённую нами фикцию подробнее.

В самом деле, от воли законодателя зависит, какие поступки запретить, установив за них наказание, а какие нет. Так, например, в российском законодательстве в конце XX века появляются такие составы преступлений как «похищение человека» (ст. 126 УК РФ), «незаконное помещение в психиатрический стационар» (ст. 128 УК РФ), «насильственные действия сексуального характера» (ст. 132 УК РФ), «нарушение неприкосновенности жилища» (ст. 139 УК РФ). Этих составов в законе прежде не было — соответственно не было и статистических данных о соответствующих действиях. Вот и создаётся впечатление, якобы закон породил преступления, как будто бы до его принятия у нас людей не похищали, не помещали их насильно в психиатрические больницы, как будто никто не вторгался в чужое жилище, а гомосексуалисты и того, и другого пола никого не насиловали (именно о такого рода половом насилии в первую очередь идёт речь в статье 132 Уголовного кодекса). Налицо ложная видимость, некий мираж порождения преступлений.

1.2. Мнимое преступление и ненаказуемое зло

Далее речь пойдёт о приписывании законодателем качества преступного поведению, которое таковым по существу не является. Теперь самое время привести понятие мнимого преступления, под кото-

² Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества. — С. 78.

рым — напомним — я понимаю деяние, не обоснованно запрещённое законом под страхом уголовного наказания.³

Замечу на полях, что введённое мной в оборот понятие мнимого преступления работает. Так, например, Т.Э. Караеву оно дало возможность поставить вопрос о мнимой латентности преступности и исследования её в Азербайджане. Он считает, что очистка законодательства от норм такого, «порождающих» мнимые преступления, представляет собой актуальную задачу для правовой реформы.⁴ Е.В. Богданов пишет о том, что пришедшая в криминологию дифференциация преступлений на мнимые и подлинные требует уточнения многих, ставших традиционными теоретико-методологических подходов криминологического анализа. Мнимая криминогенность закона, пишет этот автор, определяется формулировкой «правомерное нелегально», когда юридически провозглашается преступным то, что в криминологическом смысле преступлением не является... Иногда в силу экономических, политических, идеологических или иных причин законодатель не может или не хочет принимать реальные меры по предотвращению и сдерживанию преступности. Вместо этого он имитирует борьбу с ней, порождая мнимое преступление путём запрета поведения, объективно не являющегося общественно опасным.⁵ Развитие представлений о мнимом преступлении имеет значение для практики криминологической экспертизы нормативных актов, успешно осуществляемой, в том числе при активном участии Е.В. Богданова в Беларуси.

В разные времена в разных странах существовала уголовная ответственность за поступки, не причиняющие столь значительного зла окружающему миру, чтобы за них следовало жёстко наказывать — за

³ Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества. — С. 81.

⁴ Караев Т.Э. Проблемы борьбы с преступностью в Азербайджанской республике. Баку. 1992. — С. 116.

⁵ Богданов Е.В. Подлинное и мнимое преступление: экономические критерии оценки криминогенности закона. // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2010. — № 1(18). — С. 21–36.

самоубийство, эвтаназию, попрошайничество, бродяжничество, спекуляцию и т.д. По прошествии времени признание законодателем подобных деяний преступными воспринимается значительной частью населения как нелепость. Но и ныне в международном и национальных уголовных законодательствах имеется ряд составов преступлений, оправданность которых вызывает непрекращающуюся полемику: отмывание денег, транспортные деликты, усечённые составы, конструкция которых переносит ответственность с собственно преступления на предварительную преступную деятельность, например, участие в преступном сообществе (ч. 2 ст. 210 УК РФ). Фикция здесь состоит в том, что закон гласит о преступлениях, люди наказываются, а преступлений-то в действительности нет, как нет значительного зла окружающим и окружающему.

Обратим внимание также на случаи, в которых законодатель игнорирует подлинное зло и не устанавливает за него наказания. Так до сих пор наказание за организацию массовых репрессий в России, столь от них пострадавшей, не предусмотрено, отчего, если смотреть с юридической точки зрения, такого рода преступной деятельности как бы и не существует, поскольку законодатель на её счёт пока ещё не распорядился.⁶

1.3. Веяние постмодернизма

Последние двадцать лет сторонники легалистского (формального) подхода к определению преступления прибегают к модному конституциональному — его называют также постмодернистским — подходу.⁷ Теоретическая школа постмодерниз-

ма утверждает, что наука с присущими ей иерархиями, классификациями и исключениями влечёт за собой тяжкие последствия для миллионов людей: империализм, половая дискриминация, расизм, классовое неравенство. (Хант, Бест и Кельнер, Боргман).

Рациональное мышление постмодернисты расценивают как форму власти. В постмодернистском лексиконе широко используется термин «разграничение». Так, например, разграничение людей по признаку пола на мужчин и женщин. Считается, что постмодернисты стремятся разрушить всякую концепцию, каждый комплекс социальных устоев.

На основе постмодернизма возникла теория конститутивной криминологии (С. Генри, Д. Милованович и др.).⁸ Трактовка преступления «конститутивистами» увязана с властными отношениями, основанными на дифференциации.⁹ Эти авторы феномен преступления выводят из принятых в обществе дифференциаций: разделение по признаку класса, пола («сексизм»), расы, этнической принадлежности и др.¹⁰

Преступность, согласно доктрине конститутивной криминологии, связывается с непрерывным процессом создания обществом социальных концепций, иерархий, классификаций. В связи с конститутивным направлением в криминологии сторонники формального (легалистского) подхода трактуют преступление как условный *конструкт*, продукт договорённости или субъективных решений (*конвенциональность преступного*).¹¹ Постмодернисты отрицают реальность различий, стоящих за дифференциациями. У них выходит, что в реальной жизни нет деления на богатых и

⁶ Нами поставлен вопрос о криминализации террора, в частности об установлении уголовной ответственности за организацию массовых репрессий (Шестаков Д.А. Разработка законодательства об организованной преступности и права человека // Семинар «Законодательство Российской Федерации, регламентирующее борьбу с организованной преступностью и коррупцией, и его соответствие международным правовым нормам». Стенографический отчёт. — СПб., Гражданский контроль; Euronet, Берлин, 1996. — С. 92–97.

⁷ См.: Lanier M., Henry S. Essential criminology. — Boulder, Colorado-2nd ed., 2004. — P. 321–324; Bähr A. Bausteine in der postmodernen Kriminologie. — Pfaffenweiler, 1999.

⁸ Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism. — SAGE Publications, London, 1996.

⁹ Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism. — P. 116.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». — СПб., Юридический центр Пресс, 2004. — С. 192–193; Hess H.A., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal, 1997, Heft 2. — S. 48–52; Hesse H.A. Einführung in die Rechtssoziologie. — Wiesbaden, VS Verl. für Sozialwiss., 2004.

бедных, на мужчин и женщин, преступное и не преступное поведение!.. Но мы-то знаем, что, по крайней мере, есть мужчины и есть женщины, есть богатые и есть бедные и т.д. Соответственно этому есть добродетель и есть зло безотносительно, а иногда и вопреки тому, как реагирует на то и другое законодатель.

1.4. Правоведческое дополнение

Означает ли проведённый анализ фикции порождения законом преступлений то, что криминология должна игнорировать юридические конструкции? Отнюдь нет.

Исходя из практических соображений, при описании массы преступлений (преступного множества) нельзя обойтись не только без законодательных определений конкретных составов преступлений, их разграничения, но также и без некоторых других понятий и классификаций, содержащихся в уголовном законе. Это касается, в частности, подразделения преступлений на категории (преступления небольшой, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие — ст. 15 УК РФ) и группировки их по главам Кодекса. Проведённая в законе градация ответственности в зависимости от возраста лиц, совершивших преступления (раздел V УК РФ), от допущенного ими рецидива (ст. 68 УК РФ) как бы предопределяет криминологическую классификацию преступников в зависимости от тяжести ими содеянного, возраста, от того, отбывалось ли ими уже наказание, и т.д. Криминологи часто вынуждены пользоваться понятийным аппаратом закона для того, чтобы быть правильно понятыми теми, кто его применяет. В этом смысле характерен взгляд на преступление как на условный *конструкт*, продукт договорённости или субъективных решений (*конвенциональность преступления*).¹² Очевидно, что в уголовном праве с его принципом «*nullum crimen*

sine lege» без юридического определения преступления как деяния, запрещённого под страхом уголовного наказания, воспроизведённого, в частности, в части 1 статьи 14 УК РФ, не обойтись.

Но если в криминологии под преступлением понимать виновно совершённое общественно опасное *деяние, запрещённое Уголовным кодексом под угрозой наказания*, как его определяет закон (ч. 1 ст. 14 УК РФ. *Курсив мой. — Д. Ш.*), т.е. только те деяния, которые упомянуты в законе, то в случае уже имеющегося пробела или исключения из Уголовного кодекса даже самых злостных проступков они выпадают из поля зрения. В то же время известно, что от прямо не запрещённой опасной деятельности (противоправных репрессий, злоупотреблений при приватизации, произвола банков, отказывающихся возвращать кредиты, и т.д.) население терпит несоизмеримо больше, чем от той, которая законодательно признана преступной. И наоборот, необоснованный закон иногда навязывает обществу и развивающейся в нём науке признавать преступлением то, что на самом деле *не столь* или *вовсе* не зловредно для окружающих. При таком подходе криминология, занятая осмыслением преступности, оказалась бы поставленной в зависимость от усмотрения власти, от того, что ей было бы удобно считать вредным и опасным. Не надо забывать: закон — это отнюдь не всегда право.

1.5. Криминологическое определение преступления

Стало быть, наука о преступности испытывает потребность в том, чтобы, не замыкаясь на уголовно-правовом определении понятия преступления, выработать своё собственное криминологическое его понятие, в большей мере соответствующее его сути. Понятно, что в юриспруденции представление о преступлении не может быть не ограничено признаком установления за него ответственности в законе, в противном случае на место уголовного права заступил бы произвол. *В криминологии же под преступлением следует понимать деяние, представляющее для человека и общества значительное зло, безотносительно*

¹² Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». — СПб., Юридический центр Пресс, 2004. — 192–193; Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal.— 1997, Heft 2. — S. 48–52.

к признанию такого деяния в качестве преступления законом.¹³

При определении преступного я склонен говорить не об опасности, «общественной опасности», как это обычно делается, но о значительном зле. Это ёмкое слово, оно охватывает связку объективного вреда и субъективного отношения к нему (степени виновности), что играет важную роль при решении вопроса: криминализовать — не криминализовать? Так вред от неосторожного причинения смертей, например, при нарушении правил движения транспорта в масштабах общества количественно больше вреда от убийств. Употребление наркотиков зачастую несёт не меньший вред, чем кражи — нередко наркоман разоряет своих близких, вымогая у них средства на приобретение одурманивающих веществ. Но в силу психического отношения к содеянному, способности человеком предвидеть и осознавать все последствия своего поведения зло, причиняемое наркоманией или неосторожными проступками, не должно быть оценено как требующее уголовного наказания. Понять зло на уровне индивидуальных и даже общественных отношений едва ли возможно. Что плохо для одних — то хорошо для других. Зло как таковое может быть понято только при сопоставлении с Высшим Разумом и Его программой.

1.6. Pro et contra

Криминологическое понимание преступления, в отличие, скажем, от парадокса преступного закона, не является моим открытием. Материальное (криминологическое) и формальное (юридическое) определения преступления издавна сосуществуют. Они отражают две стороны одного и того же явления: его вред и оценку его законодателем (криминализацию). Ссылаясь на апостола Павла (Послание римлянам, глава 7), профессор Гамбургского университета К. Сессар пишет, что первоначально грех приходит в мир через закон с его запретами и предписаниями. И впер-

вые через закон же приходит идея закон нарушить.¹⁴

Другой немецкий криминолог Г. Кайзер, директор Института международного и зарубежного уголовного права им. Макса Планка во Фрайбурге, констатировал, что всеобъемлющей теории криминализации (т.е. введения уголовно-правовых запретов) не существует, но имеется много суждений о том, что именно должно оцениваться как преступное. Он отмечал, что социологическое понятие отклоняющегося поведения не предлагает продуманного плана, это понятие в спорных вопросах о неправовом или преступном возвращает назад к позитивному праву. «Если слабости юридического понятия преступления состоят в исторической случайности и зависимости от времени и пространства, то слабость материального понятия преступления состоит в субъективности и ненадёжности оценки. Это становится наглядным в таких актуальных спорных вопросах, как криминализация употребления наркотиков, самоубийства и эвтаназии, вспомоществовании аборт, политические деликты и транспортные преступления. Научно определить, что есть преступно, остаётся всё ещё затруднительно».¹⁵

На потребность в «собственном» криминологическом определении преступления выходит и петербургский криминолог профессор С.Ф. Милюков. В связи с определением преступления в Уголовном кодексе РФ он пишет: «Отказ от нормативного закрепления общественной опасности — как органически присущего любому преступлению свойства — ведёт к обособлению уголовного права и криминологии, при котором первое окончательно формализуется, а вторая вынуждена «изобретать» собственное определение преступления, не согласующееся с законодательным».¹⁶ К поиску криминологиче-

¹⁴ Sessar K. Verbrechen als soziale Konstruktion // K.-M. Karliczek (Hg.) Kriminologische Erkundungen. Wissenschaftliches Symposium aus Anlass des 65. Geburtstages von Klaus Sessar. — S. 60.

¹⁵ Kaiser G. Kriminologie. Ein Lehrbuch. 3., völlig neubearbeitete und erweiterte Auflage. — Heidelberg, 1996. — S. 353–354.

¹⁶ Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. — СПб., СПБИНВЭСИ, Знание, 2000. — С. 50.

¹³ См.: Шестаков Д.А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. — СПб., 2001. — С. 80.

ского определения преступления подключились и Л.В. Кондратюк в соавторстве с В.С. Овчинским. Они криминологическое определение преступления связывают с выраженным в нём общественно опасном, то есть превышающем определённый пороговый уровень, проявлении виновным агрессии, экспансии, обмана (раздельно или в их сочетании).¹⁷

Близкую к моей позиции по поводу соотношения преступления и закона занимает Рейман (Reiman, 1979, 1995), по его мнению, «любое поведение, которое вредит индивидуумам, даже то, которое делает их жертвами при поддержке закона, должно быть рассмотрено как преступное».¹⁸

Принимая моё определение преступления в его криминологическом смысле, Ю.А. Кашуба и С.И. Карибов пишут: «В криминологическом понимании преступник — каждый, кто нарушает как формальный, так и некие незыблемые для людей правила поведения».¹⁹

Конечно, на первый взгляд, криминологическое определение кажется довольно расплывчатым, ибо границу, за которой начинается опасность, существенный вред или, лучше сказать, зло, может быть, не столь уж просто очертить. Но для криминологического видения общественной жизни не столь уж важно, включать ли в общее число преступлений одну-две спорных их разновидности или нет. Значительно важнее иметь возможность критически оценивать правомерность введения или исключения уголовных запретов. Есть, конечно, круг преступлений несомненных — посягающих на жизнь человека, его свободу, телесную неприкосновенность, имущество, опасность которых ни у кого не вызывает сомнения. Именно на них обычно концентрируется внимание при изучении преступности, сопоставлении массы преступлений разных стран и раз-

ных времён: хищение — есть хищение; убийство — есть убийство.

Криминологическое определение преступления вызвало и высказанное В.А. Номоконовым возражение, состоящее в опасении «безнадежно запутаться в разграничении одноимённых понятий в уголовном праве и криминологии».²⁰ Понятно, у меня возникал вопрос, нельзя ли не криминализированное законодателем преступление назвать как-то иначе?.. В общем-то, можно. Но, полагаю, не нужно — одно слово «преступление» звучит лаконичнее, чем четыре слова «опасное деяние, подлежащее криминализации» и, что намного важнее, оно — привычно употребляемое юристами — удерживает нас в правоведении, ориентируя на право, стоящее над законом.

1.7. Перспективы: теоретические и практические

Практическая потребность в криминологическом понимании преступления проявилась при организации криминологической экспертизы законопроектов, на которой подробнее мы остановимся ниже. Здесь лишь отметим, что в Методических рекомендациях по проведению криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь риски криминогенного характера определяются как деструктивные факторы правового (надо бы: *нормативного*) свойства, создающие предпосылки и мотивацию отклонения от правомерного поведения, *независимо от того, является ли такое отклонение уголовно наказуемым деянием*.²¹

Надо сказать, что белорусские специалисты и в теоретическом и практическом отношении подключились к разработке криминологии закона. Так, минский криминолог Е.В. Богданов полагает, что

¹⁷ Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Ещё раз о криминологическом понятии преступности и преступления // Журнал российского права. — 2004.

¹⁸ Цитирую по: Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon. — Boston, London, Toronto, Tokyo, Singapore, 1998. — P. 25.

¹⁹ Кашуба Ю.А., Карибов С.И. Доктринальные основы уголовной ответственности легальных организаций. — Ростов-на-Дону, 2008. — С. 86–87.

²⁰ Номоконов В.А. Современная криминология: традиционные подходы и новые направления // Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке. Тезисы докладов научной конференции. — Волгоград, 2001. — С. 23.

²¹ Методологические рекомендации по проведению криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2009. — № 2 (17). — С. 21.

дифференциация преступлений на мнимые и подлинные требует уточнения многих, ставших традиционными теоретико-методологических подходов криминологического анализа.²² На примере экономического подхода, объясняющего преступность противоречиями между выгодами и затратами правомерного и противоправного поведения, белорусским учёным показана недостаточность представлений о преступности, отождествляющих её юридическую и криминологическую стороны.²³

Операционное криминологическое понятие преступления нужно для уточнения

предмета криминологии, для экспертизы законов и законопроектов. Невольно устремляя нас в поиск критериев определяющего его сущность значительного зла, оно также даёт толчок для развития богословской криминологии. *И наконец, криминологическое определение преступления послужило мне ключом к парадоксам преступного закона и за ним преступности законодательства!*

Отметим для себя что, преступление в криминологическом смысле не следует путать с преступлением в юридическом смысле слова, а также с мнимым преступлением.

²² Богданов Е.В. Подлинное и мнимое преступление: экономические критерии оценки криминогенности закона // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2010. — № 1(18). — С. 21.

²³ Богданов Е.В. Подлинное и мнимое преступление: экономические критерии оценки криминогенности закона. — С. 21.

ВОЕННАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

В.М. Шеншин*

ПРЕСТУПНОСТЬ МЛАДШИХ ОФИЦЕРОВ ВС РФ: ПОНЯТИЕ, ПРИЧИНЫ

Аннотация: Необходима разработка инновационных подходов в работе с личным составом Вооружённых Сил с целью уменьшения количества преступлений, совершаемых офицерским составом, и противодействия процессу криминализации в Вооружённых Силах в целом.

Ключевые слова: общество, преступления офицеров, коррупция, криминализация, дедовщина, дисциплинарное воздействие.

V.M. Shenshin

CRIME BY JUNIOR MILITARY OFFICERS IN THE RUSSIAN ARMED FORCES: DEFINITION, CAUSES

Summary: It is necessary to elaborate innovative approaches to working with the armed forces staff to reduce a number of crimes committed by officers and counteract to the process of criminalization in the armed forces in general.

Key words: society; crimes committed by officers; corruption; criminalization; army hazing; disciplinary action.

Вооружённые Силы России являются органической и неотъемлемой частью нашего общества. В условиях резко обостряющихся общественных противоречий, постоянно углубляющихся дезинтеграционных процессов происходит падение престижа и популярности воинского труда, растёт число правонарушений, совершаемых военнослужащими всех категорий: от рядового до генерала.

Преступность в армии является опаснейшим дестабилизирующим фактором, крайне негативно воздействующим не только на Вооружённые Силы, но и на государство в целом.¹ Именно положение дел в армии является одним из индикаторов, по которому общество оценивает состояние национальной безопасности.

Автор надеется, что употребляемый им термин «преступность военнослужащих» не вызовет возражений. В невиско-волжской криминологической школе преступности социальных подсистем понятие преступности охватывает не только общество, но и свойство человека воспроизводить опасные для окружающих людей деяния.²

В криминологии выделяют несколько подходов к определению понятий причин и условий преступности. Первый заключается в более или менее точном отделении причин от условий, когда причинами объявляются только те общественные процессы, которые порождают преступность, а условиями — те, которые сами не

* **Виктор Михайлович Шеншин** — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vityashen@mail.ru

© В.М. Шеншин, 2011

¹ *Клепиков Д.В.* Военная организация и девиантность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — № 2(11). — 2006. — С. 153–157.

² *Шестаков Д.А.* На криминологическом семинаре // Правоведение. — 1981. — № 2. — С. 106; *его:* Понятие преступности в российской и германской критической криминологии // Правоведение. — 1997. — № 3. — С. 108; *его:* Криминология. Преступность как свойство общества. Учебник для вузов. — СПб., «Лань», 2001. — С. 72; *его:* Школа преступных подсистем: парадигма, отрасли, влияние вовне // Российский криминологический взгляд. — 2005. — № 1. — С. 45–53; *его:* Криминология. Учебник для вузов. 2-е изд. СПб., Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». — 2006. — С. 134–141.

порождают, но способствуют, ускоряют, катализируют совершение преступлений.³ Д.А. Шестаков определяет основные причины воспроизводства преступности как противоречия между: 1) духовным и материальным, выражающееся, в частности, в утрате национальной идеи, 2) богатством и бедностью при отсутствии среднего зажиточного слоя, 3) глобально-американизированной олигархией и суверенными цивилизациями. В России, по мнению этого автора, названное глобальное противоречие преломляется в противоречие между властью, слившейся с олигархией, и большинством населения.⁴

Второй подход более прагматичен, присущ главным образом американским криминологам и состоит в принципиальном отказе от разделения причин и условий, которые являются факторами преступности.⁵

Учитывая определённую условность деления на причины и условия преступности, а также то, что в реальной жизни они между собой настолько тесно переплетены, что разделить их бывает довольно сложно, можно согласиться с изучением причин и условий преступности военнослужащих, не проводя между ними существенных различий. Тем более что такой подход полностью соответствует позиции законодателя. В ст. 21 УПК РФ, устанавливающей обязанность органа дознания, следователя, прокурора или суда выяснять причины и условия совершения конкретного преступления, принципиального различия между этими категориями не проводится.

Определяющие и главные причины преступности военнослужащих связаны с тем, что:

1) Орган государственной власти, в котором предусмотрено прохождение военной службы — хотя и не изолирован-

ный социальный организм, но вместе с тем относительно самостоятельный с присущими только ему особенностями взаимодействия военнослужащих между собой и обществом;

2) Причины преступности в стране, воздействуя на преступность военнослужащих, неизбежно изменяются в условиях армейской действительности;

3) Внутри воинских коллективов действуют специфические криминогенные и антикриминогенные факторы, которые отсутствуют в обществе.

Наряду с военнослужащими, проходящими военную службу по призыву, совершающими преступления как общеуголовные, так и воинские, преступления совершают также военнослужащие, проходящие военную службу по контракту. Одной из категорий таких военнослужащих являются офицеры.

Исследование офицерской преступности нельзя расценивать, как попытку исследователя найти огрехи в деятельности командования и органов военной юстиции. Без честного и объективного анализа состояния преступности этой категории военнослужащих невозможно выработать адекватные меры воздействия на данное негативное криминологическое явление в целях минимизации показателей.

Состояние офицерской преступности, которое мы имеем на сегодняшний день, было таким не всегда. Анализ статистики уголовных дел доперестроечного периода отечественной истории показывает, что в структуре воинской и общеуголовной преступности доля офицерского состава была незначительной. Это можно объяснить в первую очередь высоким социальным статусом офицеров в советском обществе и особой процедурой привлечения офицера к уголовной ответственности. Возбуждение уголовного дела в отношении офицера, и особенно генерала, считалось экстраординарным событием. Вплоть до 90-х гг. XX в. действовал «институт согласования», при котором уголовное дело в отношении офицера возбуждалось только после получения согласия военного командования.

В середине 80-х гг. XX в. был зафиксирован рост офицерской преступности,

³ Курс советской криминологии / Под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпец, Б.В. Коробейникова, — М.: Юридическая литература. — 1985. — С. 201.

⁴ Сайт Санкт-Петербургского международного криминологического клуба // URL: <http://www.criminologyclub.ru> (дата обращения: 01.04.2011).

⁵ Фокс В. Введение в криминологию. — М.: Прогресс. — 1985. — С. 105.

однако в результате принятых мер в основном командно-административных к 1989 г. показатели удалось снизить в 2,4 раза по сравнению с 1985 г. Несмотря на проведение широкомасштабных организационно-штатных мероприятий, связанных с сокращением Вооружённых Сил, с начала 1990-х г. отмечен устойчивый рост преступлений, совершаемых офицерами.⁶

Анализ показателей офицерской преступности за последние 10 лет свидетельствует о нарастании негативных тенденций в её структуре и динамике. В 2000 г. число преступлений, совершённых офицерами, возросло на 27,8 %, а их доля в структуре преступности военнослужащих достигла 12,6 % (в 1999 г. — 10,6 %). Каждое восьмое преступление военных в 2002 г. совершено офицерами, в 2004 г. — каждое седьмое.⁷

До недавнего времени трансформировалась структура коррупционных преступлений, совершаемых офицерами. Если ещё 5 лет назад посягательства на военное имущество и денежные средства составляли только четверть всех правонарушений офицеров, то сегодня этот показатель приближается уже к половине.⁸ Существенно возросло количество фактов взяточничества, должностных подлогов, присвоений и растрат. Совершенно очевидно, что любые благие намерения по формированию нового облика Вооружённых Сил так и останутся намерениями, если в ближайшее время мы не сможем преодолеть нарастание этой негативной тенденции.

Стоит отметить, что офицерская преступность и неуставные проявления являются основными составляющими современной преступности в войсках, которые

обуславливают другие преступления и весьма болезненно воспринимаются обществом.⁹ Статистика военных судов за 2007 год — наглядное тому подтверждение. Она свидетельствует о продолжающемся росте судимостей военнослужащих, как за общеуголовные, так и за воинские преступления, в том числе судимостей лиц офицерского состава.

Результаты изучения прокурорско-следственной и судебной практики показывают, что наряду с причинами объективного характера (недостаточным уровнем материального обеспечения, падением престижа военной службы, другими причинами, обуславливающими сложную кадровую ситуацию в войсках) существенное влияние на состояние преступности в офицерской среде оказывает качество исполнения офицерами обязанностей военной службы.

Снижение чувства ответственности, уровня профессионализма офицеров приводит к тому, что количество нарушений законов, вскрываемых военными прокурорами в армейской среде, остаётся высоким и характеризуется негативной динамикой (в январе-июне 2005 г. их выявлено свыше 60 тыс. (+ 15,2 %)). Выявляются такие недостатки в большинстве воинских частей (в 9 из 10 проверенных военной прокуратурой).

Наблюдается снижение уровня морально-психологического состояния офицеров. У многих из них нарастает неудовлетворённость службой, проявляются элементы психологической усталости, теряется вера в способность политического и военного руководства страны решить проблемы вывода Вооружённых Сил РФ из кризиса. Принижается чувство офицерской чести и достоинства. Изменяются нравственно-ценностные ориентации.

Совершению преступлений младшими офицерами наряду с проблемами социально-экономического характера во многом способствуют следующие основные причины:

⁶ *Харабет К.В.* Офицерская преступность как негативное криминологическое явление (состояние, причины, тенденции) // Военно-уголовное право. — 2002. — № 7—8. — С. 14.

⁷ По данным Главного управления обеспечения деятельности военных судов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

⁸ *Инишаков С.М.* Латентная преступность, как предмет криминологического изучения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — № 1(16). — 2009. — С. 109.

⁹ *Инишаков С.М.* Военная криминология (курс лекций). — М.: Военный университет. — 1998. — С. 227—229.

1. Преобладание в стиле руководства некоторых командиров административных методов, игнорирование уставных требований о необходимости сочетания высокой требовательности к подчинённым с постоянной заботой о них.

2. Ослабление роли командования по всей вертикали управления войсками и флотом по становлению в должности офицеров — выпускников военно-учебных заведений, обеспечению их положенными видами довольствия и оказанию помощи в решении социально-бытовых и жилищных вопросов.

3. Отсутствие в войсках практики наставничества опытных офицеров над младшими, системы обучения и воспитания молодых офицеров, повышения их профессиональных и методико-педагогических навыков в работе с личным составом.

4. Отсутствие механизма раннего выявления младших офицеров, склонных к нарушениям закона и дисциплины, формализм кадровых органов в вопросах сокращения сроков между аттестациями в отношении таких лиц.

5. Увеличение количества офицеров, призванных на военную службу после окончания гражданских учебных заведений, не имеющих не только практических навыков, но и соответствующих знаний по военному делу и работе с подчинёнными (особенно взводного и ротного звена).

6. Искажённые представления отдельных младших офицеров о назначении военной службы, отсутствие понимания служебного долга.

7. Ненадлежащее исполнение командирами и начальниками уставных требований по предупреждению преступлений, своевременному выявлению и устранению способствующих им причин и условий, обеспечению принципа неотвратимости ответственности за совершение преступления.

8. Нарушение отдельными должностными лицами своих служебных обязанностей по организации комплексной работы по обеспечению повседневной деятельности воинских частей и подразделений.

9. Низкая исполнительность некото-

рых должностных лиц органов военного управления, отсутствие надлежащего контроля за выполнением указаний вышестоящего командования, планов и принятых решений.

10. Ошибки в подборе и расстановке кадров, недостатки существующей системы правовой и профессиональной подготовки.

11. Пробелы законодательства по установлению мер дисциплинарного воздействия на нарушителей правопорядка из числа военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, а также младших офицеров.

12. Недостатки материально-технического обеспечения, бытовая неустроенность офицеров.

13. Недостатки воспитательной работы, бездушное отношение к подчинённым, проявляемое отдельными командирами и начальниками.

14. Увеличение в войсках числа офицеров с неустойчивой психикой, склонных к употреблению алкоголя и наркотических веществ, плохо адаптирующихся к условиям военной службы.

15. Поверхностный подход отдельных командиров (начальников) к реализации требований руководящих документов по предупреждению преступности среди офицеров, своевременному выявлению и устранению причин и условий, способствовавших их совершению.

16. Отдельные командиры и начальники глубоко не вникают в нужды подчинённых офицеров, не проявляют должной заботы об их социальной защищённости, не оказывают необходимой помощи в их становлении и профессиональном росте, в упорядочении служебной нагрузки.

17. Принижение роли индивидуально-воспитательной работы с офицерским составом, которая нередко подменяется администрированием, мерами дисциплинарного воздействия, а иногда и явной грубостью, вплоть до применения физического воздействия в отношении подчинённых офицеров.

18. Не всегда вышестоящие офицеры служат образцом дисциплинированности, исполнения своего воинского долга, образцом подражания для подчинённых, ведут себя недостойно, злоупотребляют

должностными полномочиями и сами совершают преступления.

19. В работе по профилактике правонарушений среди офицерского состава слабо используется роль и возможности офицерских собраний и постоянно действующих аттестационных комиссий.

20. Непринятие своевременных мер по профилактике преступлений корыстной и коррупционной направленности и низкий должностной контроль по недопущению хищения имущества из воинских частей, незаконной выдачи материальных ценностей и присвоения денежных средств.

4. ОСОБО ЗНАЧИМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

А.П. Данилов*

КУЩЁВКА. МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация: Основываясь на методике выявления латентных ритуальных убийств, можно предположить, что в ночь с 4 на 5 ноября 2010 года в станице Кущёвской Краснодарского края совершено ритуальное убийство 12 человек.

Ключевые слова: станица Кущёвская; ритуальное убийство; методика выявления латентных ритуальных убийств; реформа МВД РФ.

A.P. Danilov

KUSHCHEVKA. MYTH AND REALITY.

Summary: Based on the methods of detecting latent ritual murders, one can assume that the murder of 12 people committed in Kushchevskaya village (Krasnodar region) on the night of November 4/5 2010, was ritual one.

Key words: Kushchevskaya village; ritual murder; methods of detecting latent ritual crimes; Ministry of Internal Affairs reform.

Вместо предисловия. Мы живём в России — крупнейшей стране мира, обладающей богатейшими природными и иными ресурсами, многонациональной и сложной до грани лезвия ножа. Мы безгранично щедры, добры и, одновременно, ужасно несчастны. Каждый наш новый день может начинаться с далеко не новой фразы: «В интересное время живём!». Но, к сожалению, не всегда день добр, а ночь спокойна. Мне бы хотелось обратить внимание читателя на два момента, безусловно небесспорных, в общеизвестном трагическом случае — массовом убийстве 12 жителей станицы Кущёвской Краснодарского края, совершённого в ночь с 4 на 5 ноября 2010 года.

Криминологическая теория о сути массового убийства. Среди многих аспектов данного убийства я выберу только два. В рамках первого аспекта — криминологического — представляется необходимым обозначить расхождение в сущностной

трактовке произошедших событий, даваемой правоохранными органами, с тем, что имело место в действительности. Средства массовой информации преподносят убийство 12 человек как исключительно криминальное проявление преступной активности одной из многочисленных организованных преступных групп, действующих в России, хотя по существу оно является ритуальным убийством.

В рамках невиско-волжской криминологической школы были выдвинуты и разработаны различные научные идеи и теории, значительно обогатившие криминологическую науку. Среди них можно выделить уже прошедший определённую апробацию метод выявления латентности политических убийств.¹ Внедрение и использование данного метода в науке было поддержано Э.Ф. Побегайло, полагающим, что «такой новаторский подход заслуживает самого пристального внимания и поддержки... модель, вполне может быть в дальнейшем использована в тех случаях, когда традиционные методы исследования

* Андрей Петрович Данилов — кандидат юридических наук, заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: danilov-a1@mail.ru

© А.П. Данилов, 2011

¹ Д.А. Шестаков, А.П. Данилов. Тезисы о политических убийствах в современной России // Российский криминологический взгляд. — 2009. — № 1 (17). — С. 296–300.

неприменимы»,² об убийстве, произошедшем в станице Кущёвской Краснодарского края, мы можем с определённой степенью вероятности говорить как о латентном ритуальном убийстве. Для выявления ритуального характера преступления вышеназванный метод применён по аналогии, т. е. выявлена латентность не политических, а предполагаемых ритуальных убийств.

Ритуальное убийство — лишение жизни, имеющее своей целью исполнение определённого религиозного ритуала. В истории разных обществ и цивилизаций ритуальные убийства осуществлялись в процессе жертвоприношения по религиозным, *культурным* и этническим мотивам.³ По всей видимости, за счёт убийства 12 человек достигалась определённая цель. Криминальное сообщество — банда Цапка принесла в жертву людей по своим особым *преступно-культурным мотивам*.

Для подтверждения факта ритуального убийства мы используем вышеназванный метод. Подстановкой специальных признаков, сигнализирующих о ритуальном характере преступления, к конкретному событию мы определим вероятность того, что 4 ноября 2010 года в доме 6 по улице Зелёной станицы Кущёвской было совершено именно ритуальное убийство.

Для более точного расчёта исследуемой вероятности разделим данные признаки на две группы: прямые и косвенные. К *прямым* следует отнести:

а) символизм в выборе даты совершения преступления;

б) особый (ритуальный) способ совершения преступления;

в) качественный выбор жертв преступления, обусловленный определёнными критериями (возрастным, гендерным, физиологическим, принадлежности к определённой социальной группе);

г) количественный выбор жертв пре-

ступления;

д) специфическая подготовка к совершению преступления;

е) совершение преступления как процесс посвящения новых членов в таинство (братство).

К *косвенным* признакам можно отнести:

а) крайне противоречивые показания очевидцев, задержанных, обвиняемых, наличие расхождений между полученными показаниями и заключениями официальных экспертиз;

б) психическое состояние лиц (а), совершивших (его) преступление (я);

в) замалчивание СМИ ритуального характера совершённого преступления;

г) ночное время совершения преступления;

д) преступление совершается с особой жестокостью.

Перейдём к сопоставлению названных признаков, позволяющих с определённой степенью вероятности говорить о подозрительном случае, как о ритуальном убийстве, с имеющимися данными о совершённом преступлении.

Символизм в выборе даты совершения преступления. Как правило, ритуальность убийства проявляется в символичности выбора даты совершения преступления: Светлое Воскресение Христово,⁴ Рождество Пресвятой Богородицы,⁵ другие симво-

⁴ Ритуальное убийство 18 апреля 1993 г., на Светлое Воскресение Христово, в Оптиной пустыни (Калужская область) трёх православных монахов. Пойманный убийца — сатанист Николай Аврин — даже не отказывался от содеянного.

⁵ Зверское ритуальное убийство — жертвоприношение сатане — накануне праздника Рождества Пресвятой Богородицы в 1995 году в военном городке Дягилеве близ Рязани местной «экстрасенсом-целительницей» Ариной Забродиной, женой офицера, своего собственного сына-второклассника Коли, которого она специально готовила к жертвоприношению сатане несколько дней, кормила специальной пищей и т.п.: сначала она оглушила мальчика, затем перенесла его в ванную и отрезала ему голову, спустила кровь (факт обескровленности тела показала судебно-медицинская экспертиза); голову сына Забродина завернула в белую ткань и положила в полиэтиленовый пакет, соседи видели её стоящей на балконе, держащей в руках какой-то круглый предмет и совершающей странные действия, похожие на ритуальные; только вмешательство милиции спасло от расправы её дочь, которая должна была стать следующей.

² Э.Ф. Побегайло. Отзыв официального оппонента на диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук: А.П. Данилов. «Убийства по политическим мотивам в современной России (криминологический и уголовно-правовой аспекты)» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2010. — № 1(18). — С. 199–203.

³ URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 05.01.2011).

личные дни. Каждый год, на протяжении последних восьми лет, в начале ноября в станице Кущёвской совершалось убийство. По некоторым данным, Сергей Цапок, подозреваемый в организации массового убийства, устранял всех, кто так или иначе был связан со смертью его брата, Николая Цапка, убитого 31 октября 2002 года. И особо отметим, что 4 ноября — день убийства 12 человек — день рождения матери Сергея и Николая Цапков — Надежды Цапков. В этот же день страна отмечала День народного единения. Видимо, кровь убиенных — своеобразное жертвоприношение родственникам — Николаю и Надежде Цапков.

Особый способ (ритуальный) совершения преступления. По способу совершения преступления в некоторых случаях можно судить о его характере, в данном случае ритуальном. Как правило, в ритуальных убийствах для умерщвления используются ножи (спицы). Человеческие останки сжигаются или цинично утилизируются. Приведём лишь несколько примеров, позволяющих лучше понять то, что произошло в доме Аметова.

В 1994 году в Оптиной пустыни (Калужская область) совершено ритуальное убийство православного паломника Георгия тринадцатую уколами длинной спицей (последний удар был в сердце).⁶

В ночь на 15 августа 1996 года осуществлено необъяснимое преднамеренное сожжение трупов (по одной из версий, ритуальное) в морге центральной районной больницы г. Королёва Московской области. Злоумышленники взломали дверь, облили каждый в отдельности из 10 находящихся там трупов горючей жидкостью и подожгли их (аналогичный инцидент произошёл в этом же морге летом 1995 года).⁷

В ночь с 28 на 29 июня 2008 года в Ярославле совершено ритуальное убийство четырёх подростков. Следователи установили, что группа молодых людей в 2006 году создала так называемый «клан сатаны».

Для вступления в эту организацию требовалось принести в жертву кошку, собаку или другое животное. В 2008 году поклонники князя тьмы решили использовать в своих ритуалах людей. В ночь с 28 на 29 июня восемь членов клана совершили ритуальное убийство четырёх подростков. Детей с особой жестокостью умертвили в Петропавловском парке Красноперекопского района Ярославля. При этом злоумышленники расчленили тела своих жертв и изуродовали их до неузнаваемости.⁸ По итогам судебного рассмотрения максимальный срок был вынесен организатору преступления — 20 лет заключения, из них первые пять лет в тюрьме. Одному обвиняемому было назначено принудительное психиатрическое лечение. Остальные обвиняемые получили не более 10 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии.⁹

19 января 2009 года в Санкт-Петербурге совершено преступление, ужаснувшее весь город. Девушка Карина, влюблённая в музыканта Максима Главатских, пришла в гости к нему и его другу Юрию Можнову, надеясь на романтическую ночь. Главатских пригласил Карину уединиться с ним в ванной. Но вскоре туда зашел Юрий, и вместе они утопили девушку, а затем до утра двумя ножами расчленили её тело на куски. Потом полиэтиленовые мешки со страшным содержимым разбросали по окрестным помойкам. Отрезанные руки преступники утопили в пруде возле церкви Святого Георгия Победоносца. Дома Можнов и Главатских оставили два куска мяса. Юрий запек их в духовке вместе с картошкой и специями. Это блюдо каннибалы съели сами и угостили им хозяйку квартиры.¹⁰ Присяжные вынесли решение единодушно. Обвиняемые Максим Главатских и

⁸ Готы ответят за ритуальные убийства детей // URL: <http://www.dni.ru/society/2010/1/28/184368.html> (дата обращения: 05.01.2011).

⁹ В Ярославле вынесен приговор за ритуальное убийство четырёх человек // URL: <http://lenta.ru/news/2010/07/26/jail/> (дата обращения: 05.01.2011).

¹⁰ Два петербургских гота-людоеда проведут в колонии строгого режима 19 и 18 лет // URL: <http://kp.md/online/news/662632/> (дата обращения: 05.01.2011).

⁶ Православный форум о жизни // URL: <http://lifefreebru.spybb.ru/viewtopic.php?id=457> (дата обращения: 05.01.2011).

⁷ Христианский портал // URL: <http://forum.proboga.com/index.php?showtopic=3969>

Юрий Можнов получили 19 и 18 лет колонии строгого режима соответственно.¹¹

Если рассматривать убийство, совершённое 4 ноября в станице Кущёвской как бытовое, выбор оружия для совершения преступления представляется крайне непонятным. При выявлении ритуального характера деяния всё становится очевидным. Первым, кто увидел тела погибших, была дочь Аметова Лиля: «В разных частях дома лежали обезображенные трупы матери, отца, жены брата и её ребенка, гостей... У всех были ножевые ранения и ожоги».¹² На теле Сервера Аметова эксперты насчитали 18 ножевых ранений, на остальных телах их было от 3 до 12. Аметова, его супругу Галину, невестку Елену и девятимесячную (!) Амиру хоронили в закрытых (!) гробах... Как следствие ритуальной расправы — весь первый этаж дома залит кровью, ею пропитаны все ковры.

Следствие считает, что преступники, поджигая дом, хотели скрыть следы преступления. Как и многие другие версии следствия данная гипотеза представляется совершенно не соответствующей реальности. Поджог является частью ритуала, относится к способу убийства, а не к действиям по его сокрытию. По официальным данным судмедэкспертизы Аметов умер от отравления угарным газом, хотя в его убийстве путём удушения признался один из обвиняемых — Владимир Алексеев. Получается, что по имеющимся официальным данным Аметов получил 18 ножевых ранений (кровоспускание), был удушаем (но не задушен!) и заживо сожжён (умер в огне от отравления угарным газом).

Качественный выбор жертв преступления

Виктимность человека, применительно к ритуальным убийствам, определяется многими факторами: принадлежность к определённой религиозной группе (католики, православные и др.), пол жертвы (мужской, женский), физиологическое состояние (девственность), возраст (младен-

чество). Данный вид предрасположенности стать жертвой преступления (назовём её *ритуальной виктимностью*) мы классифицируем в зависимости от того или иного критерия, которые и постараемся раскрыть.

Возрастной критерий (возрастная ритуальная виктимность)

Определить наиболее виктимную возрастную категорию без проведения специального криминологического исследования невозможно. Возраст жертв ритуальных убийств может значительно колебаться: нижний предел — это ещё фактически не рождённые дети (эмбрионы), верхний предел не ограничен. Если вспомнить расстрелянную в 1918 году царскую семью, убийство членов которой также носило ритуальный характер,¹³ в числе убитых были и дети (13-летний цесаревич Алексей Николаевич, 17-летняя Великая княжна Анастасия Николаевна).

Приведём в качестве примера ещё один случай, уже, правда, не из отечественной истории. В Сен-Жермене в саду дома Маргариты Монвуазен, жены парижского ювелира следственными чиновниками были найдены останки двух с половиной тысяч зарезанных детей и неразвившихся эмбрионов. Мадам Монвуазен была главной обвиняемой в «деле о ядах», замешанными в котором оказались многие знатные люди, в том числе фаворитка Людовика XIV маркиза де Монтеспан. Началось это дело в 1677 году с ареста нескольких «колдуний». В ходе следствия выяснилось, что Монвуазен и её сообщницы производили подпольные аборты, по заказу знатных дам отравляли их мужей, устраивали чёрные мессы под руководством аббата Гибурра. Чёрный маг Гибурр поклонялся дьяволу, используя для этого заброшенную церковь Сен-Марсель. Во время чёрных месс Гибурр неоднократно убивал детей. Их кровь он запекал, кропил ею участников обряда.¹⁴

В доме Аметова были зверски убиты: хозяин дома Сервер Аметов (51 год), его

¹¹ Один ужин питерских готов потянул на 37 лет колонии // URL: <http://www.gzt.ru/topnews/accidents/-piterskie-gody-pouzhhinali-na-2-mln-rublei-/304414.html> (дата обращения: 05.01.2011).

¹² URL: <http://kuban.kp.ru/daily/24587.3/756015/> (дата обращения: 05.01.2011).

¹³ См.: Платонов О.А. История русского народа в XX веке. — М., 2009. — С. 169–177.

¹⁴ Жан-Кристиан Петифис. Дело о ядах. Часть III. Историческая тайна // URL: http://www.angelique.nm.ru/petifis_font_1.htm (дата обращения: 05.01.2011).

жена Галина (48 лет), невестка Елена (19 лет) и внучка Амира (9 месяцев). Гости из Ростова-на-Дону: Владимир Мироненко (46 лет), его жена Марина Мироненко и две дочери — Алена (1 год) и Ирина (4 года), родители Марины Мироненко — Виктор и Лидия Игнатенко. Соседи Аметова — Наталья Касьянова (46 лет) и её сын Павел (14 лет). Таким образом, из 12 убитых четверо дети, причём один из них — годовалый ребёнок, один — не достиг годичного возраста!

У меня вызывают полное недоумение фразы должностных лиц правоохранительных органов о том, что совершение данного убийства является вступительным экзаменом для новых членов банды, так называемой кровавой «пропиской». Отметим, что двое соучастников преступления были несовершеннолетними. Вопрос: «Разве можно стать авторитетом, убив девятимесячного ребёнка!?». Не увязывается выдвинутая следствием версия с формальной логикой, но, в то же время, данные факты в очередной раз подтверждают вероятность ритуального характера преступления.

Гендерный критерий (гендерная ритуальная виктимность)

Гендерные отличия также могут быть положены в основу классификации религиозной виктимности. Как и в случае с возрастным критерием, я не возьмусь обозначить среди мужской и женской половины человечества более виктимную. Очевидно, что преступная активность убийц, орудовавших 4 ноября в станице Кущёвской, была направлена на всех собравшихся в доме без разделения по половому признаку.

Физиологический критерий (физиологическая ритуальная виктимность)

К физиологическому критерию я отнёс такое состояние женского организма как девственность. Зачастую представителям сатанинских течений и иных культов для совершения определённых ритуалов требуется именно кровь девственниц. Напомню, что среди убитых были три девочки в возрасте от девяти месяцев до 4 лет.

Принадлежность к определённой социальной группе (социальная ритуальная виктимность)

Некоторые культуры, например, народов Кавказа, оправдывают совершение убийства лица, оскорбившего определённую личность, семью или группу людей. Если в группе рассматривается вопрос о наказании отступника, некоторые члены группы могут требовать смертной казни, причём выполненной с совершением неких обрядов. Действия банды Цапка правоохранительные органы объясняют мотивом мести за смерть Николая Цапка.

Количественный выбор жертв преступления

Символическое число 12 считается сверхсовершенным числом, символом «философского камня», законченности и божественного круга, вращающего вселенную. Двенадцатеричная структура мироздания, присутствие числа 12 во многих реалиях жизни и религиозно-духовных традициях отмечались многими исследователями. Так Лосев, говоря об античной культуре и произведениях Гомера, свидетельствует: «Кроме 12 гесиодовских титанов мы находим у Гомера: 12 убитых Диомедом фракийцев, 12 погибших троянцев при появлении Ахилла после смерти Патрокла; 12 пленников, приносимых Ахиллом в жертву; 12 жертвенных быков, 12 участников Одиссеевой разведки, 12 итакийских женихов Пенелопы, 12 рабынь, занятых помолом зерна; 12 неверных и казнённых служанок в доме Одиссея, 12 феакийских царей, 12 коней Агамемнона для примирения с Ахиллом, 12 жеребят Борея, 12 жертвенных телят Гектора, 12 быков в качестве цены треножника для победителя на играх в честь Патрокла, 12 кобыл у одного из женихов Пенелопы, 12 ног у Сциллы. И это ещё не все примеры употребления числа 12 у Гомера. Оно применялось к городам, кораблям, сараям для свиней, амфорам, топорам, украшениям, одеждам».¹⁵ Кроме этого, 12 знаков зодиака, 12 часов дня и ночи, 12 главных олимпийских богов, 12 библейских колен, 12 апостолов, 12 дней Рождества.

Арканологический герметизм связывает с числом 12 идею жертвы, как единс-

¹⁵ Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // «Студенческий меридиан». — 1983. — № 9–10.

твенно возможного условия восхождения человека к Богу. Число 12, отмечают многие оккультисты, представляет собой произведение 3 и 4, вмещающее в себе все проявления материи и духа, разнообразные ритмы вселенной, миропорядок проявленного космоса. Символика числа 12 была тесно связана с образом Небесного Иерусалима. В откровении Иоанна Богослова содержится следующее описание Мистического Града: «Он (город) имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых: с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот. Стена города имеет двенадцать оснований и на них имена двенадцати Апостолов Агнца».¹⁶

Жестокость преступников могла быть удовлетворена убийством уже 2-3 человек, но убиты все 12. Ритуал содержит основы символизма. Если предположить, что Цапок знал о наличии в этот день в доме именно 12 человек, мы можем говорить о ритуальном числе жертв преступления.

Специфическая подготовка к совершению преступления

Сотрудники фермы Аметова «Сириус» вспоминают: «Сервер Мухтарович очень ждал своих друзей, готовился к их приезду за несколько дней. А в тот самый день даже ушёл с работы пораньше — это большая редкость, потому что вместе с семьёй он на ферме дневал и ночевал».¹⁷ По всей видимости, преступники знали о большом количестве гостей в доме Аметова и к этому тщательно готовились.

Во время расправы над людьми, которая длилась не менее часа (сначала в бане издевались над мужчинами, а потом приволокли их в дом, чтобы смотрели, как режут их жён и детей), соседи по улицы не слышали, что творится в считанных метрах от них. Когда жестоко расправляются над детьми, женщинами, взрослыми мужчинами, поджигают дом должны быть слышны рёв, крики, лай дворовой собаки, иные звуки,

свидетельствующие о происходящем (дребезг разбивающейся посуды и т.п.), запах гари. Ничего подобного не было зафиксировано, что позволяет говорить о тщательной подготовке к совершению преступления, распределении ролей, определённом профессионализме преступников, цели, которую они преследовали.

Совершение преступления как процесс посвящения новых членов в таинство (братство)

Выше я уже писал об очевидной несостоятельности версии следствия, обосновывающей совершение данного убийства кровавой «пропиской» новых членов банды, позволяющей считаться им полноценными преступниками. Отмечу, что подобное кровавое посвящение полностью укладывается лишь в рамки извращённого ритуала, как и, например, у членов вышеупомянутого клана сатаны, приносивших в жертву людей.

От прямых признаков, указывающих на ритуальный характер преступления, перейдём к *косвенным*.

Крайне противоречивые показания очевидцев, задержанных, обвиняемых, наличие расхождений между показаниями и заключениями официальных экспертиз. Таковых в данном деле предостаточно, назовём лишь некоторые наиболее существенные.

По официальным данным судмедэкспертизы Сервер Аметов погиб от отравления угарным газом. Но недавно один из задержанных по подозрению в причастности к убийству дал признательные показания о том, что он лично задушил главу семейства. Чтобы подтвердить или опровергнуть это заявление, было принято решение об эксгумации.¹⁸ Первоначально официально было объявлено, что причиной смерти детей является отравление угарным газом и лишь много позже следствие назвало истинную причину — удушение. По словам одних очевидцев в ночь на 5 ноября на всю улицу Зелёную раздавались крики и зовы о помощи, по словам других — таковые не имели места быть.¹⁹ По версии следствия

¹⁶ URL: <http://www.astromeridian.ru/magic/numerologija3703.html> (дата обращения: 05.01.2011).

¹⁷URL:<http://kuban.kp.ru/daily/24587.3/756015/> (дата обращения: 05.01.2011).

¹⁸ Убийство в Кущёвке: эксгумировано тело Аметова // URL: <http://www.9111.ru/articles/view/44701.html> (дата обращения: 05.01.2011).

¹⁹ Программа А. Малахова «Пусть говорят» // 1-й канал. — 2010. — ноябрь.

исполнителями преступления являются члены банды Сергея Цапка, со слов сына главы дома — Джалиля Аметова — в станицу из Ростова за неделю до убийства была выписана бригада ветеранов-участников боевых действий в Чечне, бывших бойцов спецподразделений.²⁰

Психическое состояние лиц (а), совершивших (его) преступление (я)

Достаточно часто лица, совершающие ритуальные убийства, страдают теми или иными психическими расстройствами и впоследствии признаются невменяемыми. Так, ранее упоминавшийся М. Главатских, признанный виновным в убийстве 16-летней девушки, проходил лечение в психиатрической больнице.²¹ У многих членов банды Цапка была справка из психдиспансера.²²

К косвенным признакам, свидетельствующим о ритуальном характере убийства, я отношу факт *замалчивания СМИ ритуального характера совершённого преступления*. Говорить в центральных общероссийских средствах массовой информации о политической версии убийств генералов Рохлина, Лебеда, Петрова, Трошева, многих других государственных деятелей не принято. Заявлять о подобном непопулярно и небезопасно (причины самые разные). Аналогичная ситуация складывается при приближении пытливого исследователя к проблеме ритуальных убийств, особенно, определённых, узко направленных. Быть может поэтому СМИ преподносят события, произошедшие в станице Кущёвской, только с одной криминально-бытовой стороны, лишняя раз не поднимая сложного вопроса ритуальных преступлений и того, что с ними связано.

Ночное время совершения преступления. Как говорят в народе, дьявол делает

всё в темноте, сзади и наоборот. Все тёмные ритуалы совершаются, как правило, ночью. Массовое убийство в Кущёвке не стало исключением.

Последним среди косвенных признаков я выделяю то, что *преступление совершается с особой жестокостью*. Вспомним хотя бы о закрытых гробах на похоронах, убитых младенцах. Остаётся сокрушаться о случившемся, а также о том, что реальные факты, позволяющие дать объективную криминологическую и уголовно-правовую оценку произошедшего, нам вряд ли станут известны. Почему? Это я хотел озвучить при рассмотрении второго аспекта данного убийства.

Второй аспект массового убийства в станице Кущёвской

В рамках второго аспекта — политического — необходимо указать на факт использования властью темы убийства: нагнетание у населения через СМИ страха перед набирающей обороты безнаказанной преступной деятельностью бандитов, закрепление в сознании граждан образа тотальной коррумпированности ныне действующей милиции.

В итоге достигается главная цель: то, ради чего и раздувался информационный пузырь, неустанно поддерживалось внимание всей страны на трагедии кубанской станицы, — создание безопасной платформы для проведения реформы системы МВД по переходу от милиции к полиции.

Реформаторы правоохранительной системы и высшие должностные лица государства страхуют риски неудач в проведении реформы, предохраняя себя от ответственности в случае её неэффективности или иной слабости девизом-иммунитетом: «А вспомните события в Кущёвской, неспособность действовавшей правоохранительной системы справиться с преступностью, тотальную коррумпированность сотрудников милиции. Необходимо было срочно что-то менять!» Именно поэтому столько сил было брошено для привлечения внимания всех слоёв общества к данной трагедии: многочисленные телевизионные передачи в центральных СМИ, встреча председателя СКП России Александра Бастрыкина с жителями

²⁰ См.: Станица Кущёвская, взгляд изнутри // URL: <http://p-jon.livejournal.com/8051.html> (дата обращения: 05.01.2011)

²¹ Один ужин питерских готов потянул на 37 лет колонии // URL: <http://www.gzt.ru/topnews/accidents/-piterskie-gody-pouzhhinali-na-2-mln-rublei-/304414.html> (дата обращения: 08.01.2011)

²² Убийство в Краснодарском крае. Кущёвка // URL: <http://www.liveinternet.ru/users/svetovid/post141172383/> (дата обращения: 05.01.2011).

станции,²³ прибытие в станицу группы депутатов-коммунистов — представителей центрального руководства КПРФ,²⁴ поездка патриарха Московского и всея Руси в Краснодарский край,²⁵ заседание Совета Безопасности при Президенте РФ.²⁶

Предварительный итог

Уже через полтора месяца после кущёвской трагедии, когда ещё не вынесен приговор лицам, совершившим столь жестокое убийство, председатель СКП России Александр Бастрыкин на оперативном совещании в станице Кущёвской (22.12.2010) после обсуждения хода расследования

уголовного дела об убийстве 12 человек и расследования тяжких и особо тяжких преступлений прошлых лет, совершённых на территории Кущёвского района, отметил эффективную работу сотрудников по раскрытию этих преступлений. За проявленный профессионализм и вклад каждого члена следственно-оперативных групп Бастрыкин наградил наиболее отличившихся следователей Следственного комитета и оперативных сотрудников ГУВД по Краснодарскому краю ведомственными наградами СКП России.²⁷ Не рано ли, уважаемые?

²³ Александр Бастрыкин получил письмо из Кущёвской // URL: http://infox.ru/accident/incident/2010/12/27/Alyeksandr_Bastryyki.phtml (дата обращения: 05.01.2011).

²⁴ Депутаты от КПРФ встретились с жителями Кущёвской // URL: <http://www.yuga.ru/news/212498/> (дата обращения: 05.01.2011).

²⁵ Патриарх Кирилл: Преступление в Кущёвской — признак нравственного упадка в обществе // URL: <http://www.rg.ru/2010/12/06/reg-kuban/kirill-anons.html> (дата обращения: 05.01.2011).

²⁶ Общественная палата требует от президента остановить «уголовный геноцид» // URL: <http://www.soprotivlenie.org/?id=24&cid=1225&t=v> (дата обращения: 05.01.2011).

²⁷ Александр Бастрыкин получил письмо из Кущёвской // URL: http://infox.ru/accident/incident/2010/12/27/Alyeksandr_Bastryyki.phtml (дата обращения: 05.01.2011).

5. КРИМИНОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 343.9
ББК 67.51

Я.И. Гилинский*

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ КСЕНОФОБИИ, НАЦИОНАЛИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: Одним из основных источников ксенофобии, национализма и терроризма в современной России являются системные государственные ошибки.

Ключевые слова: ксенофобия; терроризм; толерантность; национализм; патриотизм.

Y.I. Gilinsky

SOME SOURCES OF XENOPHOBIA, NATIONALISM AND TERRORISM IN MODERN RUSSIA

Summary: System state errors are known as one of the main sources of xenophobia, nationalism and terrorism in today's Russia.

Key words: terrorism; tolerance; nationalism; patriotism.

Декабрьские события 2010 года в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону и других городах заставляют лишний раз задуматься об источниках *массовой* ксенофобии и пока ещё ограниченного национализма (нацизма? фашизма?) в современной России. Тем более (и тем страшнее), что это всего лишь «случайные» прорывы долго и глубоко назревающего нарыва... Ниже будут представлены краткие размышления об этом.

Биологические предпосылки

Деление на «мы» и «они», «свои» и «чужие» присуще многим животным и первобытному человеку.¹ Такое разделение лежит в основе филогенеза и онто-

генеза человека. Это различие преодолевается по мере развития цивилизации. Чем цивилизованнее общество, тем оно терпимее (толерантнее) к «чужим». Но не все общества достаточно цивилизованы и политкорректны...

Исторические корни

История русского фашизма имеет давние корни. «Чёрная сотня» (1904-1905); «Союз русского народа» (1906); младороссы Казема-Бека (начало 1920-х годов); «Русская фашистская организация», перешедшая в «Русскую фашистскую партию» К. Родзаевского (с начала 1930-х годов)² ... К сожалению, «опасность фашизма в России останется надолго».³ Правда, пишет У. Лакер в предисловии к русскому изданию (1994 г.), «я не думал, что фашистское движение появится на российской политической арене так стремительно и будет иметь столь массовую поддержку избирателей...».⁴

* **Яков Ильич Гилинский** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена, профессор Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, соучредитель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: yakov.gilinsky@gmail.com

© Я.И. Гилинский, 2011

¹ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. — М., 1966. — С. 78 и след.

² Подробнее см.: Лакер У. Чёрная сотня. Истоки русского фашизма. — Вашингтон, 1994.

³ Там же. — С. 5.

⁴ Там же. — С. 5, 13.

Идеологические истоки

К. Леонтьев, славянофилы, почвенники, Н. Карамзин, И. Аксаков и многие другие. Конечно, они не были ни нацистами, ни фашистами! Но идея национального превосходства, русской «самобытности», отторжение всего «западного» и т. п. не могли не быть использованы их менее приличными последователями...

Экономическая основа

Недавно опубликованы официальные данные Росстата: «В крайней нищете в России живут 13,4 % населения с доходом ниже 3422 рублей в месяц. В нищете пребывают 27,8 % с доходом от 3422 до 7400 рублей. В бедности — 38,8 % населения с доходом от 7400 до 17 тыс. рублей. «Богатыми среди бедных» являются 10,9 % с доходом от 17 до 25 тыс. рублей. На уровне среднего достатка живут 7,3 % с доходом от 25 до 50 тыс. рублей. К состоятельным относятся граждане с доходом от 50 до 75 тыс. рублей. Их число составляет 1,1%».⁵ Итого: 41,2% нищих, 49,7% бедных (всего нищих и бедных — 90,9%), 8,4% — среднего достатка и состоятельных, очевидно 0,7% — богатых. Доходы богатых россиян выше доходов бедных в 800 раз... Столь огромный разрыв между бедным большинством и сверхбогатым меньшинством — основной криминогенный и девиантогенный фактор.⁶ Подростки и молодёжь — наиболее активный и наименее обеспеченный слой населения — объективный резерв национализма (неонацизма, неофашизма) в условиях беспрецедентного социально-экономического неравенства.

Политические предпосылки

Процитирую самого себя: «Фашизм выполняет минимум три функции в современной России.

Во-первых, служит «страшилкой» для режима перед грядущими выборами: или мы (ВВП, преемник), или — фашисты!

Во-вторых, «иногородцы» — превосходный «козёл отпущения» для бездарной

власти, не способной решить ни одну из социальных проблем (бедность, жильё, армия, образование, медицина, наука и т. п.).

В-третьих, фашисты — социальная база, «резерв главного командования» в борьбе с предполагаемой «оранжевой революцией», до смерти напугавшей власть.

А, кроме того, существует некое «родство душ»: фашисты (нацисты) — сукины дети. Но это наши сукины дети».⁷

Что делать?

По большому счёту ничего сделать нельзя (ничего не будет делаться). В обществе, которое началось с «мочения в сортире», в котором «все ненавидят всех» (цитата из декабрьского же выступления по радио «Эхо Москвы» известного психолога — С. Ениколопова), — трудно рассчитывать на позитивные сдвиги.

Примечательна реакция властей: отменим половину дисциплин в старших классах школы, и вместо этого будем денно и нощно воспитывать... патриотизм! Да ведь националистические выступления и происходят под «патриотическими» лозунгами! Настоящий патриотизм тих и личностен. О нём не кричат, им не хвастаются и не рвут рубаху на груди! А громогласно клянутся тем «патриотизмом», который служит «последним убежищем негодяев». Воспитывать-то надо *толерантность, космополитизм, интернационализм, дружбу народов* (кому что больше нравится)! И не только в школе, но и в семье, и в СМИ, и в выступлениях политиков, учёных, деятелей искусства. Ну, так ведь это *понимать* надо... (А у нас по ТВ сплошной М. Задорнов, гордящийся своим прославленным антиамериканизмом).

На днях случилась очередная трагедия, на сей раз в московском аэропорту Домодедово. В результате взрыва погибли и ранены люди. Наша власть в очередной раз обещает нам найти виновных и разобраться. А между тем нет никаких гарантий, что история не повторится вновь. Мы, жители России, к сожалению, не защищены от терроризма. И в ближайшее время ситуация может только ухудшиться. 29 марта 2010

⁵ «Аргументы недели». — 2010. — 1 декабря.

⁶ См.: Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. — СПб., 2009. — С.182–199; Гилинский Я. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова). В: Экономика и право. — СПб., 2009. — С. 169–188.

⁷ Гилинский Я. Обыкновенный русский фашизм. В: Индекс: Досье на цензуру. — 2006. — № 24. — С. 156–161.

года, после терактов в московском метрополитене, я говорил, отвечая на вопросы журнала «Город-812»: «Самое страшное, что наши власти не делают выводов из сложившихся событий и продолжают совершать ошибки. Уже начали появляться заявления, что будут ужесточаться меры, наказание за терроризм будет ещё более суровым. Но никакого здравого смысла в этом нет».

Выскажу парадоксальную мысль: мы должны бороться не столько непосредственно с терроризмом, сколько устранять причины, его порождающие. Необходимо минимизировать терроризм. Но как это сделать, если со стороны власти слышится призыв не брать бандитов живьём? Как в таком случае прикажете выявлять связи, сообщников, выяснять, почему они идут на страшный шаг, уносящий наши и их жизни? Да, можно уничтожить несколько негодяев, но при этом окажется нетронутым террористическая сеть, которая спустя некоторое время будет вновь наводить ужас на всю Россию. Мне кажется, быть нацеленным только на уничтожение террористов — бред и глупость. Это противоречит стратегии и тактике борьбы с терроризмом.

Давайте вспомним историю. Терроризм, по сути своей, Россия развязала сама благодаря чеченским войнам. Если у первого Президента России Бориса Ельцина хватило мужества в своё время пойти на Хасавюртовский мир, то начало второй чеченской войны есть преступление. «Не мочите, да не мочимы будете!», не устаю повторять я слова питерского экономиста и журналиста Д. Травина. Отсюда все наши беды. Мы сами, своими руками взрастили террористов, нашими промахами с удовольствием воспользовались террористические, в том числе исламские организации по всему миру. Силовыми способами бороться с проблемой терроризма бессмысленно. Они только вызывают ответную реакцию. Терроризм можно победить лишь экономическими, политическими, дипломатическими мерами. Ведь только путём сложных и длительных переговоров

удалось ликвидировать проблему с басками в Испании или ситуацию в Алжире и Франции, в Северной Ирландии. Возможна ли такая политика в России? Вряд ли. Не та система, не тот подход. Мы повторяем одно и то же, после каждого теракта якобы аккумулируем все силы, а воз и ныне там. Может, не в том направлении работаем?

Теперь конкретно о Домодедово. Раз уж спровоцировали терроризм, надо хотя бы позаботиться о защите граждан страны. Налицо явная недоработка спецслужб. Ведь за несколько дней до события последовало предупреждение о возможных взрывах. И что, кого-то оно насторожило? Нет. Можно, конечно, свалить вину на нескольких милиционеров, обеспечивших свободный проход смертнику в аэропорту. Но ведь такой подход не что иное, как поиск крайнего. Ну, не в Домодедово, так взорвалось бы где-то ещё на вокзале, в метро, в магазине. Почему в Америке после 11-го сентября 2001 года нет взрывов? Почему нет взрывов в Лондоне после 2005 года? Видимо, там были сделаны правильные выводы. Мы же не учимся даже на собственных ошибках.

Сейчас, безусловно, в Домодедово усилят меры безопасности. Но на какое время? На недельку-другую, как это произошло на станциях метро после взрывов? Ажиотаж схлынет и всё вернется на круги своя. Ну, допустим, возьмут сейчас под усиленную охрану аэропорты и вокзалы, транспортную инфраструктуру. Установят везде пропускные пункты. Но кто даст гарантии безопасности россиян в метро, или в магазинах, или в театрах (вспомним «Норд-Ост»)? Никто.

Повторюсь: виновата сложившаяся система некомпетентности, непрофессионализма, безответственности, коррумпированности. Её жертвами — реальными или потенциальными — является каждый из нас. Террористы же сейчас радуются удачной с их точки зрения акции. Значит не за горами ещё одна. И конца этому, увы, я не вижу.

6. ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

*С.У. Дикаев**

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК:
ШЕВЧЕНКО И.В. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: УГОЛОВНО-
ПРАВОВОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ.
САРАТОВ: САРАТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МВД РОССИИ. 2010.**

Проблема противодействия террористической деятельности родилась не сегодня. Однако особое значение она приобретает во времена крутых кризисов, перемен и реформ, подобных тем, которые выпали на долю России в конце прошлого — начале нынешнего столетия. Рост общей и организованной преступности в России, включая преступления террористической и экстремистской направленности, общепризнанное несовершенство социальных, политических, юридических институтов и отдельных норм противодействия этим явлениям, их недостаточность, всё это вместе взятое делает проблематику обеспечения безопасности общества актуальной.

В значительной степени актуальность диссертации И.В. Шевченко определяется тем, что она выполнена в период, когда можно сказать, завершился затянувшийся процесс осознания мировым сообществом глобализации террористических угроз и консолидации его усилий по противодействию им. Это обстоятельство существенно повышает значимость научного исследования терроризма как явления, представляющего угрозу миру и безопасности человечества, а, следовательно, — внутренней и внешней безопасности России.

* **Салман Умарович Дикаев** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dikaev@mail.ru

© С.У. Дикаев, 2011

В диссертационном исследовании есть положения, содержащие определённое приращение научного знания, то есть качество научной новизны, имеющей теоретическую и практическую значимость

Несмотря на то, что проблемам терроризма посвящены десятки монографических работ, в том числе диссертационного уровня, автору удалось обеспечить надлежащую научную новизну полученным результатом. Научная новизна исследования И.В. Шевченко выражается не только в том, что в нём впервые исследуются составы преступлений, сгруппированных им как преступления террористической направленности, но и в том, что автор обосновывает свою позицию по спорным, не нашедшим должного отражения в научных работах вопросам или недостаточно урегулированным законодательством вопросам противодействия преступлениям, совершаемым в террористических целях.

В диссертации И.В. Шевченко содержатся немало разумных и аргументированных предложений, заслуживающих пристального внимания законодателя и правоприменителей. Его мысли способны оживить научную дискуссию по ключевым проблемам борьбы не только с террористической деятельностью, но и рядом сопряжённых с ней преступлений, сделать её более продуктивной в теоретическом и практическом планах. Вместе с тем по поводу содержания исследования И.В. Шевченко возникли следующие замечания и возражения:

1. Определяя террористическую деятельность как «деятельность отдельных лиц, групп лиц или организаций (сообществ), направленную на пропаганду, подготовку и совершение преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 211, 277–279 и 360 УК РФ» (с. 36–37), автор не включает в этот перечень ст.ст. 205.1, 205.2 и 208 УК РФ. И это, несмотря на то, что именно в этих составах и перечислены деяния, образующие террористическую деятельность. Например, чем как не террористической деятельностью является вербовка, вооружение, финансирование терроризма? Ведь в п. 2 ст. 3 Закона «О противодействии терроризму» даётся исчерпывающий перечень деяний, образующих террористическую деятельность:

а) организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организация незаконного вооружённого формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовка, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Поэтому нельзя согласиться с тем, что автор изъясил из приведённого им перечня статей состава ст.ст. 205.1, 205.2 и 208 УК РФ.

Автор далее пишет, что «к террористической деятельности могут быть отнесены и другие преступления, предусмотренные УК РФ, если они совершены в указанных целях».

Если соискатель допускает возможность отнесения к террористической деятельности и других преступлений, совершённых в террористических целях, тогда

зачем эти рассуждения, достаточно сказать о террористической цели и привязать к ней все преступления. И тогда получится, что любое деяние образует террористическую деятельность, если оно совершено в целях оказания воздействия на принятие решения органами власти и т. д.

Полагаю, что перечень деяний, приводимый в ст. 3 Закона, должен быть закрытым.

2. Соискатель, соглашаясь с мнением В.П. Емельянова, предлагает в рамках уголовно-правового исследования вообще отказать от понятия «террор», поскольку «оно не может употребляться без дополнительных оговорок и уточнений, а, соответственно, приводит лишь к путанице и бессмысленным спорам в науке» (с. 19).

Полагаю, что задача науки как раз в том и состоит, чтобы разобраться в этой путанице и сделать так, чтобы путаницы не было. Конечно, легче убрать, чем разобраться. А путаница эта возникает из-за того, что учёные пытаются познать часть (терроризм) без её связи с целым (террором). Между тем мы не сможем понять, что из себя представляют «террористический акт» и «терроризм», не используя термин «террор». Исследованию части (терроризма и/или террористического акта) должно предшествовать исследование целого (террора), так как, изучив только часть, нельзя судить о целом, в которое она включена. Только исследуя целое, можно выделить в нём соответствующие части и анализировать характер их связи. Поэтому автору следовало не соглашаться с В.П. Емельяновым, а попытаться понять, в чем проблема и разрешить её. Полагаю, что террор, терроризм и его единичное проявление террористический акт взаимобусловленные явления, что требует их исследования в связке. Более подробно об этом можно узнать из монографии «Террор, терроризм и преступления террористического характера», изданной в 2006 г.

3. Соискатель вступает в дискуссию с другими авторами, сомневающимися в разумности установления в ст. 205 УК ответственности субъектов с 14 лет и приводит свои доводы в пользу такого решения законодателя (с. 83–84). Хочу на каждый его аргумент привести контраргумент.

а) Автор пишет, что в связи с акселерацией и проч., вряд ли стоит говорить о том, что четырнадцатилетний подросток не в полной мере осознает опасность взрыва, применения огнестрельного оружия или того же поджога.

Опасность взрыва и возможные последствия он понимает, но он может не осознавать характер совершаемых деяний применительно к объекту посягательства, что он посягает на общественную безопасность. Почему тогда за бандитизм ответственность с 16 лет? Что 16-летний не понимает, что такое банда? Или не понимает, что он участвует в незаконном вооружённом формировании (ст. 208 УК)?

б) Второй аргумент касается того, что во время проведения контртеррористической операции на Северном Кавказе множество террористических актов было совершено именно *несовершеннолетними*.

Полагаю, что это ни о чём не говорит, поскольку такие данные не подкреплены ни статистикой, ни собственными исследованиями соискателя. Если диссертант проводил собственные исследования этого вопроса, то результаты исследования должны были быть приведены в работе. Кроме того, не следует забывать, что к несовершеннолетним относятся и 14-ти, и 15-ти, и 16-летние. Одно дело если такие акты совершались несовершеннолетними в возрасте от 16-ти до 18-ти лет. И совсем другое дело, если эти преступления совершались лицами в возрасте от 14-ти до 16-ти лет. Значит, для обоснования своего вывода соискатель должен был из категории несовершеннолетних выделить именно группу в возрасте от 14-ти до 16-ти лет и проанализировать, насколько часто они становились субъектами деяния, предусмотренного ст. 205 УК. Этого автор не сделал.

Здесь замечу, что автор показывает свои знания обычаев и традиций народов России, в частности чеченского народа. Хочется верить, что наш соискатель также хорошо знает обычаи и традиции других народов России, прежде всего своего народа. А то часто бывает, когда авторы пытаются характеризовать другие народы, имея смутные представления о самих себе, — своём собственном народе, обычаях

и традициях. Но это, конечно же, не относится к нашему соискателю.

В частности, он пишет, ссылаясь на профессора Л.В. Сердюка, и на собственный опыт участия в боевых действиях, что использование несовершеннолетних при совершении террористических актов, особенно в Чеченской Республике, уже является одним из методов воспитания подрастающего поколения, и что во многих случаях использование детей при совершении террористических актов имеет место, исходя из обычаев и традиций чеченского народа.

По суждению автора чеченцы только тем и занимаются, что воспитывают террористов. Остаётся поблагодарить и профессора Л.В. Сердюка и соискателя за то, что они не пошли дальше в своих суждениях, а то могли дойти до того, чтобы признать всю нацию террористами, поскольку они все занимаются террористической деятельностью.

Напомню уважаемым исследователям, что в первую и во вторую чеченские кампании российские генералы запрещали выпускать из осаждённого Грозного мужчин старше 12 лет, не давая им спастись от бомбежек и артобстрелов, рассматривая их как террористов. Трудно доказать что ты не террорист, когда этот вопрос решается не исходя из факта совершённого преступления, а из факта принадлежности человека к конкретной нации. Очень печально, что учёные подыгрывают политикам своими суждениями, основанными на поверхностных исследованиях. Апеллирование на личный опыт соискателя вовсе не уместно, ведь он не проводил там исследование особенностей воспитания подрастающего поколения. А весь его «опыт» заключался лишь в том, что он видел этих чеченцев только через прорезь прицела снайперской винтовки.

в) Автор пишет, что «предполагаемое наказание имеет своей целью и предотвращение преступления, выполняя превентивную, сдерживающую роль».

Если до конца следовать этой логике, разумнее вообще понизить возраст уголовной ответственности по всем статьям УК. Предупредительный эффект УК будет значительно выше. А если серьёзно, то этот тезис

требует отдельного обоснования. Преступность несовершеннолетних на протяжении многих лет сохраняет относительную стабильность, и усиление репрессивного потенциала УК, в том числе и понижения порога ответственности до 12 лет, как предлагают некоторые авторы, не изменит положение дел. И то, что учёные смиряются с законодателем и даже обосновывают необходимость понижения порога ответственности, говорит о том, что дети и молодёжь не имеют для них важного значения.

г) Соискатель считает, что невозможность осознания общественной опасности во время совершения преступления охватывается частью 3 статьи 20 УК РФ без каких-либо исключений.

Здесь имеет место подмена понятий. Положения п. 3 ст. 20 УК касаются лиц, которым на момент совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет. А научный спор идёт только о субъектах, возраст которых от 14 до 16 лет. Кроме того, п. 3 ст. 20 УК говорит о случаях отставания несовершеннолетних в психическом развитии, а спор идёт о случаях, когда такое отставание не наблюдается.

4. Разработанное автором предложение по изменению диспозиции статьи 205 УК РФ обладает рядом недостатков, хотя рациональное зерно в идеях автора, несомненно, есть.

В частности, следует согласиться с автором в том, что нужно заменить слова «иных действий» на «иные деяния», поскольку, как доказывает автор, террористический акт может совершаться и путём бездействия. Разумной была бы и замена слова «поджог», поскольку таким способом акт терроризма почти не совершается, указав на «использование или применение огнестрельного оружия». Давно следовало вывести и угрозу из состава ст. 205 УК РФ.

Однако главный признак террористического акта — устрашение населения, — должен идти сразу за взрывом и другими деяниями, поскольку эти деяния должны быть такими, что они способны устрашать население и создавать опасность гибели человека. Использование законодателем соединительного союза «и» говорит о том, что устрашение и другие опасности должны быть такими, что они создают опасность

гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба, т. е. должны наличествовать вместе. В авторском варианте получается, что любой взрыв, создающий опасность гибели человека, даже если он не вызвал устрашения населения, при наличии террористической цели образует состав преступления. Тем самым подрывается сама идея, которая закладывается законодателем в диспозицию этой статьи — криминализация случаев воздействия на власть через устрашение населения.

Кроме того, при конструировании нормы автором допущены грамматические ошибки, например, нужно было писать не «иное деяние», а «иного деяния», не «создающее», а «создающего».

5. Нельзя согласиться с мнением автора, поддерживающего решения законодателя, который ввел особо квалифицированный состав: — повлекшее умышленное причинение смерти человеку. Соискатель считает, что такое решение законодателя облегчает квалификацию рассматриваемого преступления и отграничивает его от статьи 105 УК РФ, соотнося статью 205 УК РФ как специальную норму по отношению к общей, что не требует квалификации по совокупности преступлений.

Законодателю, а с ним и соискателю следовало бы знать, что особенностью преступлений против общественной безопасности является то, что все последствия от этих деяний требуют дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК. Если следовать логике законодателя, а за ним и диссертанта, то и за незаконное ношение, хранение и т. д. оружия и взрывчатки тоже не требуется дополнительная квалификация по ст. 222 УК? А если погибло множество людей, разрушены здания, причинён тяжкий вред здоровью, были совершены захват заложников и проч., как это уложить в рамки диспозиции статьи 205 УК?

Террористический акт сам по себе представляет опасность для общества, а потому все последствия от него, во всяком случае, наступившие от умышленных деяний виновного, должны квалифицироваться по совокупности. Практика законодателя по «окучиванию» (С.Ф. Милюков) деяний преследует вполне определённые

цели: уменьшение статистического числа совершаемых в России преступлений. Как справедливо отмечает С.Ф. Милуков, хитрости техники конструирования норм позволяют сокращать число реально совершённых преступлений. Одно дело, когда всё содеянное и его последствия включить в один состав ст. 205 УК и показать в статистическом отчёте как одно преступление, и другое дело, когда виновным будут вменены в вину несколько составов и отразить в статистике два—три совершённых преступления. Реально, по мнению С.Ф. Милукова, ежегодно в России совершается около 20 миллионов преступлений (см. Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 269), но регистрируется около 3 миллионов.

Полагаю, что действия законодателя в части введения пунктов «б» и «в» части 2 и пункта «б» части 3, а также введение ч. 4 ст. 206 — захват заложника, и других, неправильными.

6. Анализируя изменения, внесённые в УК РФ Федеральным законом № 153-ФЗ от 27 июля 2006 г., автор положительно относится к исключению из статьи 205.1 УК РФ слов «преступления террористического характера», поскольку у каждого из перечисленных в данной статье преступлений, кроме статей 205 и 278 УК РФ, свой собственный общественно опасный характер.

Во-первых, декриминализация финансирования террористической организации была обусловлена тем, что могли возникнуть трудности в признании организации террористической, т. е. вменению этого признака должно было предшествовать решение суда о признании той или иной организации террористической, что затруднило бы применение статьи. А в нынешней редакции достаточно доказать, что имел место сам факт финансирования конкретного акта терроризма.

Во-вторых, о преступлениях террористического характера говорилось не в диспозиции статьи, а в примечании к этой статье.

В-третьих, если так рассуждать как соискатель, то все преступления обладают собственным общественно опасным характером. Однако о террористическом

характере этих преступлений говорило то, что, в предыдущей редакции ст. 205 УК говорилось о том, что взрыв и поджог совершались *в целях устрашения населения*. Соответственно, деяния относились к преступлениям террористического характера постольку, поскольку они совершались в террористических целях, т. е. в целях устрашения населения и воздействия на власть. Указание на террористический характер этих деяний действительно означало необходимость их дополнительной квалификации ещё и по ст. 205 УК. И это не противоречило положениям ст. 17 УК (совокупность преступлений), и полностью соответствовало обстоятельствам дела. Ещё раз напомним, что преступления против общественной безопасности представляют опасность не только потому, что в результате их совершения наступили какие-то последствия, а потому что их совершил виновный. Соответственно, все последствия от этих деяний, если они образуют состав какого-то преступления, должны подлежать дополнительной квалификации.

7. Автор в параграфе 2 главы 2 даёт исчерпывающую характеристику деянию, предусмотренному ст. 205.1 УК РФ. Однако я не могу согласиться с его мнением о том, что «новая диспозиция статьи 205.1 УК РФ в практическом отношении более применима, чем та же статья в предыдущей редакции, и в целом даёт развернутый перечень деяний, образующих содействие террористической деятельности».

Полагаю, что введение в УК этих составов создало сложности применения института соучастия к лицам, совершившим террористический акт или иные преступления, образующие террористическую деятельность. Статьи 33 и 205 УК позволяют привлекать к ответственности всех тех, кто умышленно оказывает содействие, в том числе и финансовое, террористам, что говорит об ошибочности введения в УК статьи 205.1. То, что эту статью нужно убрать из УК можно увидеть и в рассуждениях диссертанта, правда, он почему-то не придаёт этому значение.

Так, проводя разграничение смежных преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹ и 205² УК РФ, автор пишет, что

«во всех случаях, следуя правилу о конкуренции общей и специальной нормы, ... деяние должно квалифицироваться по статье 205.1 и 205.2 УК РФ, соответственно, как специальные нормы по отношению к статье 205 УК РФ, и не будут образовывать состава террористического акта. В случае совершения указанных деяний лицом, достигшим четырнадцатилетнего возраста, но не достигшим шестнадцати лет, содеянное должно квалифицироваться как приготовление к террористическому акту, пособничество либо подстрекательство в его совершении. *Это связано с тем, что уголовная ответственность по статьям 205.1 и 205.2 УК РФ наступает с шестнадцати лет*» (с. 136).

Получается парадоксальная ситуация. Если призывы к террористической деятельности или содействие терроризму осуществляет лицо, достигшее 16 лет, то ответственность наступает по ст.ст. 205.1 или 205.2, санкции которых менее строгие, чем санкция ст. 205 УК, под которую подпадают те же действия, совершённые лицом моложе 16 лет. Полагаю, что это недопустимо. Но в этом виноват не соискатель, а законодатель, который в угоду международным обязательствам государства нарушил внутреннюю логику УК, «размазав» институт соучастия. Это же произошло, как было сказано выше, и с институтом множественности.

8. Анализируя положение, содержащееся в примечании к статье 205.1 УК РФ, где даётся определение финансированию терроризма, соискатель находит нарушение правил законодательной техники. Ему не нравится, что законодатель говорит об оказании финансовых услуг «с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации...». По мнению соискателя, «такой формы вины, как «осознание того», уголовный закон не знает». Да и без указания на умысел очевидно, что финансирование возможно только с прямым умыслом.

Полагаю, что «осознание того» — это не форма вины, а только его интеллектуальное составляющее. Подчёркивание в законе того, что лицо должно осознавать, кому и куда финансы предназначены весьма важно, поскольку, на самом деле, это не

всегда бывает так очевидно, как полагает автор. Расследуя преступление, следственным органам нужно будет доказать, что лицо осознавало, что оно оказывает финансовую помощь именно террористу или террористической организации или финансирует совершение именно террористического акта. Конечно, при этом он может не знать конкретных исполнителей этого преступления и детали самого преступления или куда именно пойдут выделенные деньги. Если такая осознанность не будет доказана, то состав финансирования терроризма отсутствует. И это правильно, иначе мы можем обвинить в финансировании терроризма все финансовые институты, через которые проходили деньги террористов.

9. Соглашаясь с В.И. Радченко, автор считает, что призывы к террористической деятельности возможны в изобразительной форме без каких-либо комментариев к нему, отражающих его целевую направленность.

Полагаю, что нельзя так всё упрощать. Если школьник старшего класса в школе нарисует сюжет подрыва российского танка, то это следует расценивать как оправдание терроризма или призыв к нему? Если такой же субъект нарисовал раненого террористом сотрудника спецназа, надо привлечь его к ответственности, придав его рисунку смысл: «стреляй в спецназ»? Ответственности не будет если рисунок растолковать, как «Спецназ жертвует собой во имя спасения невинных жертв». Полагаю, что в случае осуществления призывов в изобразительной форме без словесного или текстового комментария потребуются проведение экспертиз, что вряд ли можно считать целесообразным, хотя бы ввиду удорожания судопроизводства.

10. Проанализировав практику назначения террористам уголовного наказания, автор приходит к выводу о том, что в большинстве случаев наказание назначается с применением ст. 64 УК. В связи с этим предлагается внести дополнения в эту статью, указывающую на недопустимость её применения при назначении наказания лицам, совершившим преступление, связанное с террористической деятельностью.

Дело в том, что до внесения изменений в ст. 62 УК — назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств — имело место законодательно не регламентированное досудебное соглашение о сотрудничестве. И суды назначали террористам щадящие наказания, в том числе и с применением ст. 64 УК лицам, способствовавшим правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступлений. Думаю, что изменения ст. 62 УК, чётко определившие пределы назначения наказания в случае досудебного соглашения о сотрудничестве, повлияют на судебную практику назначения наказания с применением ст. 64 УК.

Кроме того, следует иметь в виду, что жизнь сложнее, чем кажется соискателю. Нельзя быть столь прямолинейным при исследовании сложных социальных явлений. Террорист террористу рознь. Иного террориста можно и нужно спасти, назначив символическое наказание, а то и освободив от ответственности на основании примечаний к соответствующим статьям УК. Поэтому предложения автора, содержащиеся в положении 8, выносимом на защиту (с. 12) безоговорочно принять нельзя. Да, эти меры могут быть обоснованными в отношении организаторов преступлений, руководителей бандгрупп и организованного преступного сообщества. Но нормы УК носят универсальный характер, и их изменение распространится на все случаи совершения этих преступлений, и на всех, кто организовал, совершил или участвовал в совершении преступления.

11. Вообще, идея автора о наполнении ряда статей УК РФ совершенно новым содержанием противоречит правилам законодательной техники и может привести к неразберихе в уголовно-правовом механизме:

а) принято включать в Кодекс принципиально новые нормы только за счёт создания дополнительных статей с присвоением им соответствующего индекса, а сходные нормы оставлять на своих местах либо исключать без заполнения образовавшейся ниши.

Автор же в положениях 4, 5 и 6, выносимых на защиту, предлагает изменить индексы статей, что приведёт к смещению всего порядка нумерации, что недопустимо;

б) в названии предлагаемой автором статьи 205.3 УК «Публичная пропаганда и публичный призыв к осуществлению террористической деятельности» также, как и в её диспозиции следует использовать разделительный союз «или», а не соединительный союз «и». Иначе получится, что ответственность предусмотрена только при совместном наличии и пропаганды и публичного призыва;

в) законодатель совсем недавно снизил в санкции ч. 2 ст. 205.2 УК срок лишения свободы с 5 до 3-х лет. Соискатель же предлагает увеличить этот срок до 7 лет лишения свободы, а также увеличить срок запрета заниматься определённой деятельностью с 3 до 5-ти лет. Эти предложения ничем не обоснованы. К тому же идея автора противоречит государственной стратегии минимизации применения лишения свободы и снижения его сроков;

г) в авторской редакции ст. 207 «Заведомо ложное сообщение об угрозе жизни и здоровью граждан и (или) имуществу» диссертант решил сохранить слова «поджог» и «действий», тогда как в ст. 205 УК им обосновывается необходимость их замены на «использование и применение огнестрельного оружия» и «деяний». Полагаю, что диспозиция предлагаемой нормы, в части описания совершаемых в ней деяний, должна быть максимально приближена к диспозиции ст. 205 УК.

Как следует из замечаний, диссертация не безупречна. Но сделанные замечания, несмотря на принципиальный характер некоторых из них, не подрывают общего положительного впечатления от проанализированного труда. Они лишь подтверждают чрезвычайную сложность избранной темы, необходимость её дальнейшей интенсивной разработки. Поэтому мы вправе сделать вывод о том, что исследование, проведённое И.В. Шевченко, отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание учёной степени кандидата юридических наук.

Официальный оппонент, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД РФ, доктор юридических наук, профессор С.У. Дикаев

15 февраля 2010 г.

7. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

ХАНСУ-ЙОРГУ АЛЬБРЕХТУ – 60 ЛЕТ!

Ханс-Йорг Альбрехт родился 24 января 1950 года в Эсслингене (Германия). Учился в университете Тюбингена, а затем в университете Фрайбурга, где в 1979 году получил степень доктора права. С 1977 по 1991 год профессор Альбрехт работал научным сотрудником в Институте Макса Планка во Фрайбурге. В 1991 году он получает хабилитацию (Habilitation – учёная степень, соответствующая российской степени доктора наук) на основании работы «Назначение наказания за тяжкие преступления» – сравнительное теоретическое и эмпирическое исследование вынесения и исполнения меры наказания». В 1991 году он принял предложение читать лекции по уголовному праву и криминологии в Университете Констанца. С 1993 по 1997 год он возглавлял кафедру уголовного права, ювенального уголовного права и криминологии в университете Дрездена.

В 1997 году Ханс-Йорг Альбрехт был назначен директором Института зарубежного и международного уголовного права имени Макса Планка (Фрайбург, Германия). В дополнение к своей руководящей должности он читает лекции по уголовному праву, уголовному процессу и криминологии в университете Фрайбурга.

Профессор Альбрехт был удостоен статуса приглашённого профессора в ряде зарубежных университетов и ведущих академических научно-исследовательских центров: Центра уголовного права и уголовного правосудия Пекинского политико-юридического университета (2000 г.), юридического факультета Хайнаньского университета (2001 г.), юридического факультета Жэньминьского университета (2004 г.), юридического факультета Уханьского университета (2005 г.) и юридического факультета Пекинского педагогического университета (2006 г.).

В 2003 г. Ханс-Йорг Альбрехт был удостоен чести стать пожизненным членом

колледжа Клэр Холл Кембриджского университета, а в 2004 году он получил постоянное членство на юридическом факультете университета Тегерана. В 2005 году профессор Альбрехт был удостоен звания почётного доктора университета города Печ, Венгрия. В мае 2010 года за вклад в развитие венгерской криминологии и уголовной политики он стал почётным членом Венгерского общества криминологов. В сентябре 2010 года он стал почётным членом сербского общества криминологов (SCS).

Научные интересы профессора Альбрехта охватывают теорию приговора, преступления несовершеннолетних, ювенальную юстицию, незаконный оборот наркотиков, экологическую преступность, организованную преступную деятельность, оценочные исследования уголовного правосудия в странах с переходной правовой системой.

Он является автором, соавтором и редактором множества научных работ. Профессор Альбрехт – соредактор следующих журналов: «Отчеты Института зарубежного и международного уголовного права имени Макса Планка» по исследованиям в области криминологии, «Европейского журнала» по преступности, уголовному праву и уголовной юстиции и др.

Профессор Альбрехт является членом научного совета Института междисциплинарных исследований по вопросам конфликтов и насилия (Билефельд, Германия), членом консультативного совета немецкого Национального академического фонда. Он является членом Криминологического Центра (KrimZ), Европейского общества криминологов, Американского общества криминологии и Академии наук уголовного правосудия. Ханс-Йорг Альбрехт поддерживает тесные научные связи с Санкт-Петербургским международным криминологическим клубом, в том числе принимая участие в его заседаниях.

УЛЬРИХУ ЗИБЕРУ — 60 ЛЕТ!

Ульрих Зибер родился 18 ноября 1950 года в Штутгарте.

Профессор, доктор права Ульрих Зибер является директором Института зарубежного и международного уголовного права имени Макса Планка (Фрайбург, Германия), почётным профессором и преподавателем юридического факультета университета Фрайбурга и Мюнхенского университета, почётным профессором Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Он также является профессором-консультантом юридических факультетов Жэньминьского университета (Пекин, Китай), Пекинского педагогического университета, и Уханьского университета.

У. Зибер начал свою академическую карьеру в университете Фрайбурга, где с 1973 по 1987 год был исследователем и академическим сотрудником. В 1977 году ему была присуждена степень доктора за диссертацию по компьютерной преступности и уголовному праву. С 1978 по 1987 год он работал частным адвокатом, специализирующимся на компьютерном праве. В 1987 году на основании работы на тему взаимосвязи уголовного права и уголовного судопроизводства, подготовленной под руководством профессора доктора Клауса Тидеманна, он получает хабилитацию (Habilitation — учёная степень, соответствующая российской степени доктора наук) в университете Фрайбурга. В том же году он занял должность профессора уголовного права, уголовного процесса и информационного права в университете города Байройт. В 1991 году он занял аналогичную должность в университете Вюрцбурга, где с 1997 по 1998 год был деканом юридического факультета. В 1994 году он был приглашённым профессором в университете Токио.

В октябре 2003 года профессор Зибер был назначен директором Института иностранного и зарубежного уголовного права им. Макса Планка во Фрайбурге. В 2003 году он также стал почётным профессором и научным руководителем Центра информационных технологий в области

права на юридическом факультете Мюнхенского университета. С 2004 года он является почётным профессором юридического факультета университета Фрайбурга, руководит докторантами¹ и соискателями хабилитации. Он также является инициатором и пресс-секретарём Международной научной школы сравнительного уголовного права имени Макса Планка (IMPRS-CC).

Исследования профессора Зибера направлены на изучение изменений, влияющих на преступность, уголовное право и уголовную политику в современном глобальном информационном обществе, а также связанные с этим риски. Особое внимание уделяется терроризму, организованной преступной деятельности, экономическим преступлениям и киберпреступности.

В дополнение к научной работе профессор Зибер продолжает активную работу в качестве эксперта-консультанта и адвоката, особенно в области компьютерного права, экономики уголовного права и международного уголовного права. Он участвует в работе правовых комитетов и комиссий Бундестага Германии, Федерального конституционного суда Германии, Министерства юстиции, Министерства образования, науки, исследований и технологий; а также Федеральной полиции Германии.

Он поддерживает связи с Советом министров и Парламентской ассамблеей Совета Европы, Европейской комиссией, Исследовательскими министерствами государств-участников «большой восьмёрки» (группы Карнеги), Организацией Объединённых Наций и Международной торговой палатой в Париже.

Он был консультантом в Сенате США, канадском Министерстве юстиции и Национальном полицейском управлении Японии, экспертом Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (ICTY).

Профессор Зибер является президентом и одним из основателей немецкой ассоциации европейского уголовного пра-

¹ Соответствует российским аспирантам.

ва (Deutsche Vereinigung für Europäisches Strafrecht e.V.), вице-президентом Международной ассоциации в защиту общества, членом совета директоров Международной ассоциации уголовного права (AIDP) и вице-президентом её немецкой секции, членом Международной академии сравнительного права, членом совета Европейс-

кого центра по европейскому праву в университете Вюрцбурга и почётным членом Японской ассоциации уголовного права. Профессор Зибер – почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, с которым у него сложившиеся профессиональные отношения.

ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ ПОКЛАДУ – 55 ЛЕТ!

Василий Иванович Поклад родился 12 апреля 1956 года в Белгородской области (Российская Федерация). В 1981 году закончил исторический факультет Ворошиловградского государственного педагогического института имени Т.Г. Шевченко. В 1986-1990 гг. обучался в заочной аспирантуре при кафедре философии ВГПИ имени Т.Г. Шевченко. В сентябре 1996 года защитил диссертацию «Развитие общества как эволюция социальной субъектности» на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 (социальная философия и философия истории).

После окончания вуза работал учителем, методистом Дома пионеров, корреспондентом многотиражной газеты. В сентябре 1988 года был принят на должность ассистента кафедры философии ВГПУ имени Т.Г. Шевченко. С августа 1993 года и по настоящее время работает в Луганском государственном университете внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. С августа 1993 года по март 2005 года пребывал на службе в МВД Украины. Уволился в звании подполковника милиции.

С 2003 года Василий Иванович руководит кафедрой криминологии, конфликтологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, которая стала признанным в Украине и за её пределами

центром эмпирической криминологии благодаря созданной при кафедре лаборатории криминологических и социологических исследований, проведению ежегодных криминологических конференций, организации международных конкурсов эмпирических исследований молодых учёных, изданию сборника «Криминологические исследования», участию в международных исследовательских проектах.

Василий Иванович является членом Социологической ассоциации Украины, Общества конфликтологов Украины, Объединения кримиологов СНГ, директором Луганского гуманитарного центра (общественная научная организация), руководителем филиала Санкт-Петербургского международного криминологического клуба в Луганске.

В.И. Поклад имеет свыше 70 опубликованных научных и учебно-методических работ. Его приоритетные научные интересы – норма и девиация в обществе, государстве и праве, соотношение социального и правового порядка, методология и методика криминологических исследований.

Василий Иванович является главным редактором сборника «Криминологические исследования» (Луганск), заместителем главного редактора журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра» (Санкт-Петербург).

**ПАМЯТИ
ЕЛЕГЕНА ИЗТЛЕУОВИЧА КАИРЖАНОВА**

1 января 2011 года в автомобильной катастрофе погиб Елеген Изтлеуович Каиржанов — профессор, доктор юридических наук, академик Академии естественных наук РК, заслуженный деятель науки и техники Республики Казахстан, почётный профессор Криминологической ассоциации Казахстана и ряда казахстанских вузов, отличник образования РК, член Совета по правовой политике при Президенте РК, эксперт отделения общественных наук Национальной академии наук и Конституционного Совета РК, лауреат премии имени аль-Фараби, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.

Елеген Изтлеуович родился 17 марта 1933 года в с. Махамбет Гурьевской (ныне — Атырауская) области КазССР. В 1954 году, окончив Алма-Атинский государственный юридический институт и специальную подготовку в г. Свердловске, поступил на службу в Комитет государственной безопасности КазССР (1954—1964 гг.). В 1964 г. поступил в очную аспирантуру Казахского государственного университета имени С.М. Кирова и в 1966 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1964—1973 гг. — младший, старший научный сотрудник Института философии и права АН КазССР, в 1973—1987 гг. — начальник лаборатории, начальник кафедры Карагандинской, Омской высших школ МВД СССР. С 1987 по 1995 годы Е.И. Каиржа-

нов заведовал кафедрой криминалистики, кафедрой уголовного права и криминологии, исполнял обязанности декана юридического факультета КазГУ. С 1995 года — первый вице-президент университета «Кайнар».

В общей сложности им было опубликовано свыше 200 научных трудов, в том числе 22 монографии; подготовлено 10 докторов и свыше 50 кандидатов юридических наук.

Е.И. Каиржанов основательно занимался уголовным правом. В Киевском государственном университете имени Т.Г. Шевченко им защищена докторская диссертация: «Основные теоретические проблемы объекта уголовно-правовой охраны в СССР» (1975 г.).

Но всё же в моей памяти профессор Каиржанов запечатлелся прежде всего как прирождённый криминолог. Им впервые в Казахстане проведён социологический анализ состояния, структуры и динамики правонарушений за 1960—1980 годы. Результаты этого оригинального исследования легли в основу последующих трудов многих казахстанских учёных по проблемам противодействия преступности. Собственный учебник Елегена Изтлеуовича по общей части криминологии (2000) отличается оригинальностью и тонким пониманием преступности и криминогенных процессов.

Его выступления по злободневным вопросам противодействия преступности, в том числе у нас в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе, отличались остротой и глубокомыслием. Таковым был и его последний доклад, который мне довелось слышать на конференции о противодействии коррупции, состоявшейся в ноябре минувшего года.

Скорблю о преждевременном уходе из жизни мудрого учёного, человека, преисполненного светлой энергией, старшего друга — Елегена Изтлеуовича Каиржанова.

Д. Шестаков

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

В связи с подготовкой к включению нашего журнала в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук, а также учитывая то, что до настоящего времени в журнале печатались в основном работы докторов наук или статьи кандидатов наук, написанные на докторском уровне, подобные требования сохраняются ко всем поступающим к нам работам аспирантов, адъюнктов, соискателей, докторантов, а именно:

1) представляемые работы аспирантов, адъюнктов, соискателей должны быть в пределах 0,24 п. л.; докторантов — 0,48 п. л.;

2) любая, предлагаемая для опубликования работа, должна соответствовать уровню нашего докторского журнала;

3) как и ранее, будет приниматься работа по любой отрасли права и любой науке, но она должна отвечать некоторым требованиям, поскольку журнал является криминологическим:

а) исследование в той или иной отрасли права должно содержать криминологическую экспертизу предлагаемых новаций и / или необходимо сделать выводы относительно того раздела теории права, где раскрывается деликтология, факторы и противодействие преступности.

б) или/и в равной мере предлагаемая для опубликования статья должна содержать результаты проведённого Вами юридического исследования.

Объем статьи доктора наук, как правило, не должен быть более 1 п. л. Авторам, преимущественно, докторам наук, которым статьи редакцией журнала были заказаны, гонорар начисляется в случае, если автор сообщает номер своего паспорта, год, месяц, число рождения, адрес регистрации (прописки) с почтовым индексом, ИНН.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имён собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение

её в тех справочно-правовых системах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов. Статья, представленная редколлегии журнала, не будет принята к рассмотрению, если:

1) она опубликована или направлена в другие издания;

2) её автор не указал свои анкетные данные: фамилию, имя, отчество (полностью, а не инициалы), место работы всех авторов и контактную информацию для переписки (E-mail), должность, учёную степень, звание, почётное звание, членство в общероссийских организациях, телефон;

3) текст статьи оформлен не в соответствии с межгосударственным стандартом ГОСТ 7.1-2003, введенным в действие непосредственно в качестве государственного стандарта Российской Федерации с 1 июля 2004 г., а также не соблюдены следующие параметры: размер бумаги — А4 (210x297 мм); поля: верхнее, нижнее — 20 мм, левое — 30 мм, правое — 10 мм; шрифт — Times New Roman; размер шрифта — 14; имени автора — 16; сноска — 12; межстрочное расстояние — полуторное; абзацный отступ — 1,25; формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы нумеруются сверху (Таблица 1 — Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 — Название) и выполняются в графическом редакторе; ссылки на источники и литературу выполняются внизу страницы, нумерация автоматическая продолженная. Не допускается использование вместо буквы «ё» буквы «е». Нумерация страниц внизу, по середине. Номер (знак) сноски, если ему предшествует знак препинания, следует за знаком препинания, без интервала.

В случае отказа в публикации статьи редакция обязана направить автору мотивированный отказ.

Редколлегия журнала примет любые предложения по совершенствованию её деятельности. Возникающие вопросы можно разрешать путём электронной переписки.

Материалы, предлагаемые к опубликованию, предложения и замечания следует направлять:

1) в печатном виде ответственному редактору журнала Данилову Андрею Петровичу

по почтовому адресу Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, юридический факультет, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 20, комн. 5-6, тел. +7 (812) 312-4207 доб. 224;

2) в электронном виде по адресу: criminology_club@mail.ru

Статьи, представленные аспирантами, публикуются бесплатно. Информация для перечисления денежных средств спонсорами:

НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб»;
ИНН 7802236596; ОГРН 1097800005269;

КПП 780201001; р/с 40703810017000003853 в ОАО «Банк «Санкт-Петербург», дополнительный офис «Октябрьский»;
к/с 30101810900000000790; БИК 044030790.

Вместе с тем редколлегия напоминает, что она не имеет постоянного спонсора, поэтому типографские расходы возмещаются, к сожалению, авторами или их спонсорами.

О том, будет ли опубликована его статья, автор может узнать у ответственного редактора журнала Данилова Андрея Петровича по тел.: +7 (812) 312-4207 доб. 224.

Редколлегия журнала

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА СТАТЬИ

ОБРАЗЕЦ ЗАГЛАВИЯ СТАТЬИ

П. А. Кабанов
**ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ
КОРРУПЦИЮ В ОБЩЕСТВЕ**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ В НАЧАЛЕ ПУБЛИКАЦИИ

* **Павел Александрович Кабанов** — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Набережночелнинского филиала Института экономики, управления и права (г. Набережные Челны, Россия).

© П. А. Кабанов, 2010

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ССЫЛОК И ПРИСТАТЕЙНЫХ СПИСКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья из журнала:

Харламов В.С. Роль службы участковых уполномоченных в профилактике внутрисемейных насильственных преступлений (по материалам Санкт-Петербурга) // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* – 2002. – № 1(2). – С. 89.

Монография:

Дикаев С.У. Террор, терроризм, преступления террористического характера. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – С. 54-55.

Автореферат:

Морозова А.Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 3.

Диссертация:

Морозова А.Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества: дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 3.

Интернет-документы:

<http://www.talkovall.info/ybiustvo%20talkova.php> (дата обращения: 24.10.2010).

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, центр правовой информации. [СПб.], 2005-2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 24.10.2010).

Хасавюрт: милицейские машины смяло будто фольгу. URL: <http://news.mail.ru/incident/4651624/> (дата обращения: 24.10.2010)

Книга без ответственного редактора:

Антоян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. – М., 2001. – С.147.

Книга с ответственным редактором:

Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.

Статья в газете:

Кларисс М. Р. Выбивание долгов // *Новая газета.* – 2004. – 4 марта. – С. 6–7.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

К статье должна быть приложена аннотация на русском языке объемом до 700 знаков (с пробелами), включая имя автора, название статьи, ключевые слова, а также перевод назва-

ния статьи, ключевых слов и аннотации на английский язык.

Аннотация не должна содержать в себе вводящих уведомлений, наподобие: «в статье рассматривается, идёт речь...» и т. п.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ РЕЗЮМЕ

Г.Н. Горшенков

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Аннотация: Противодействие коррупции нуждается в концептуальном обеспечении. Имеется необходимость в разработке ряда ключевых доктринальных понятий, законодательных новелл в целях обеспечения эффективности правовых норм, регулирующих противодействие преступности против государственной власти.

Ключевые слова: политика, коррупция, противодействие коррупции, уголовная политика, коррупционная сделка, коррупционное преступление.

G.N. Gorshenkov

ANTI-CORRUPTION POLICY IN RUSSIA

Annotation: The theoretical basis for counteracting corruption is necessary. There is a need in drawing up a number of key doctrinal concepts, legislative innovations to ensure the efficiency of the legal norms regulating the counteraction to the crimes against the state power.

Key words: policy, corruption, counteraction to corruption, criminal policy, corrupt bargain, corrupt crime.

ЖУРНАЛ
«РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

Журнал издаётся с 2005 года в городе Ставрополе. Главный редактор – Олег Викторович Старков, доктор юридической наук, профессор, известный специалист в области криминологии и криминопенологии. В редакционную коллегию входят: А.Я. Гришко, М.М. Бабаев, А.Я. Вилке, Л.И. Воскобитова, Я.И. Гилинский, Ю.В. Голик, Г.Н. Горшенков, Д.А. Корецкий, С.Я. Лебедев, В.В. Лунеев, С.В. Максимов, С.Ф. Милуков, М.Г. Миненок, В.А. Номоконов, Э.Ф. Побегайло, В.И. Селивёрстов, С.Л. Сибиряков, О.В. Филимонов, Д.А. Шестаков, В.Н. Орлов, А.В. Петровский, Л.А. Ефименко. В журнале публикуются научные статьи на русском языке с аннотациями на русском и английских языках.

**КРИМИНОЛОГИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Журнал Санкт-Петербургского
международного
криминологического клуба

№ 2 (21), 2011

Формат 60x84 1/8. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,16.
Тираж 1050 экз.

Отпечатано в ЦКП «Регион-Про»
199106, Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., 83, офис 336
тел./факс: (812) 449-3917
e-mail: 4493917@inbox.ru